

На правахъ рукописи.

ОТВѢТЪ СОВѢТА ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на вопросы, предложенные Министерствомъ
Народнаго Просвѣщенія объ измѣненіи устава
1884 года.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія М. Зяльбербергъ и С-вья.
(Рыбная улица, домъ № 30).

1901.

ОТВѢТЪ

Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета на
вопросы Министерства Народнаго Просвѣщенія касательно
измѣненія университетскаго устава 1884 года.

А. Общая часть.

Высокій ревнитель и покровитель русскаго просвѣщенія Государь Императоръ Николай Александровичъ въ своемъ „историческомъ“ рескриптѣ на имя нынѣшняго Министра Народнаго Просвѣщенія ген.-адъютанта П. С. Ванновскаго призналъ благовременнымъ безотлагательно приступить къ *коренному* пересмотру и исправленію народнаго образованія въ соотвѣтствіи съ основными началами русскаго жизни и потребностями времени. Министръ Народнаго Просвѣщенія, надѣясь, что и всѣ служащіе по ввѣренному ему министерству окажутъ полное содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на него порученія, приглашаетъ ихъ къ совместной дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Первымъ практическимъ шагомъ въ дѣлѣ реформы высшей школы является прямое обращеніе къ университетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, касающихся желательныхъ измѣненій нынѣ дѣйствующаго устава.

При такихъ условіяхъ, Совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ, съ полною откровенностью, отвѣтить на предложенные ей вопросы, но предварительно признастъ необходимымъ высказать свой взглядъ на основную причину недостатковъ современнаго университетскаго

строю и на тотъ основной принципъ, на которомъ его слѣдовало бы построить. Настоящій, чисто бюрократическій строй университетовъ является ненормальнымъ—это признано правительствомъ; объ этомъ единодушно говоритъ печать; вполне сознаемъ это и мы сами. Университетскіе безпорядки, принявшіе въ послѣдніе годы столь печальныя формы и сдѣлавшіеся какъ бы хроническимъ явленіемъ, представляются только однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія нашихъ университетовъ. Мы, профессоры, непосредственно руководящіе образованіемъ студентовъ, знаемъ и многія другія болѣзненныя явленія, но намъ не только нельзя было врачевать ихъ, но трудно было даже указывать на нихъ. Главнымъ зломъ мы, по внутреннему самосознанію, признаемъ духъ равнодушія, который явился необходимымъ результатомъ *недовѣрія* министерства къ университетамъ и, какъ естественнаго послѣдствія его, суровой и излишней регламентаціи. Уставъ 1884 года, позаимствовавшій механически многія черты строя нѣмецкихъ университетовъ, но не усвоившій ихъ основы и сущности—академической свободы, не находился въ соотвѣтствіи ни съ началами русской жизни, ни съ потребностями времени. Не имѣя у насъ той исторической основы, какая у него была на западѣ, онъ совершенно не привился къ намъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень скоро сдѣлался причиною застоя и регресса. Въмѣсто живой дѣятельности, при немъ развился формализмъ и излишняя централизація: университеты превратились въ канцеляріи; дѣятельность совѣтовъ была до такой степени сѣужена, что они своею властью не могли рѣшить, напр. вопроса о перенесеніи профессорскихъ лекцій съ однихъ часовъ на другіе; лишенные права самопополненія, эти ученые коллеги сдѣлались поневолѣ равнодушными къ тому, что составляетъ живую душу уни-

верситета; разобщенные другъ съ другомъ и со своими слушателями, лишенные довѣрія и связаннаго съ нимъ самоуправленія, профессоры потеряли свой нравственный престижъ въ глазахъ молодежи и не могли уже оказывать того благотворнаго вліянія, какое, при коллегіальномъ строѣ академической жизни, обыкновенно имѣютъ наставники на своихъ питомцевъ; студенты, на которыхъ установленъ былъ взглядъ, какъ на отдѣльныхъ посѣтителей университета, представляли дезорганизованную массу, въ которой хозяевами положенія сдѣлались крайніе элементы; — болѣе благоразумная и умѣренная часть студенчества, дорожившая университетомъ и его наукой, должна была оставаться въ сторонѣ, не имѣя никакихъ законныхъ формъ для проявленія своихъ чисто студенческихъ, академическихъ интересовъ. Спрашивается: развѣ мыслимо было живое общеніе профессоровъ со студентами и сердечное попеченіе первыхъ о вторыхъ, когда между ними воздвигнута была столь высокая стѣна?

И только коллегіальное начало съ автономіей могутъ разрушить эту вредную, искусственную преграду, поднять научный уровень университетовъ и нравственный авторитетъ профессоровъ, оздоровить, наконецъ, въ значительной степени и учащуюся среду. Говоримъ „въ значительной степени“, потому что никакой уставъ самъ по себѣ не можетъ гарантировать полного отсутствія безпорядковъ. Университеты не имѣютъ возможности совершенно оградить своихъ питомцевъ отъ внѣшнихъ общественныхъ и политическихъ вліяній. Нужно однако стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы учащаяся молодежь, во время прохожденія университетскаго курса, не оставалась безъ добраго нравственнаго воздѣйствія своихъ наставниковъ. Но для нравственнаго престижа этихъ послѣднихъ необходимо поднять значеніе университетовъ, какъ научныхъ центровъ, а это невозможно безъ свободы научнаго изслѣ-

дованія. Эта послѣдняя составляетъ живую душу, источникъ силы, крѣпости и естественнаго роста нѣмецкихъ университетовъ, залогъ культуры народа и государства. Университеты тамъ—центры и главные органы науки. Она преподается и теоретически, и практически, смотря по тому, какой способъ лучше и ближе ведетъ къ ея усвоенію. Наука же безъ свободнаго изслѣдованія невозможна, а при свободѣ изслѣдованія непременно будутъ разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Довѣріе къ университетамъ прежде всего должно выразиться въ замѣнѣ бюрократическаго надзора свободой научнаго изслѣдованія и преподаванія. Ключъ къ правильному разумѣнію свободы преподаванія въ Германіи, писалъ въ своемъ отчетѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія покойный проф. К. Д. Кавелинъ, скрывается въ строгомъ различіи ученаго изслѣдованія и педагогической дѣятельности отъ *политической* и практической. Въ Германіи всѣ, отъ мала до велика, знаютъ, что мысль вольна какъ воздухъ, что ее нельзя вдвинуть въ рамки; каждый убѣжденъ, что она полезна потому, что выяняетъ всякій предметъ со всѣхъ сторонъ, что по этому ей надо дать возможный просторъ, безъ котораго она жить не можетъ; но столько же убѣжденъ каждый и въ томъ, что съ той минуты, какъ мысль переходитъ въ дѣло, она подпадаетъ подъ общія постановленія, охраняющія законы, тишину и порядокъ въ обществѣ. Все это въ Германіи твердо знаютъ и профессора, и студенты, какъ фізіологическіе законы человѣческихъ обществъ, которые дѣйствовали, дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать, пока міръ стоитъ. Но возможно ли это у насъ? Если возможно въ Германіи, то это же можетъ, хотя, конечно, постепенно, не сразу, осуществиться и у насъ. Разграничительная черта между теоретическою и практическою дѣятельностью существуетъ и *должна существовать*; та и другая подходятъ къ предмету съ двухъ совершенно различныхъ

сторонъ и съ различными цѣлями—въ одномъ случаѣ интересуеть предметъ самъ по себѣ, научная *истина*, въ другомъ—его примѣненіе: въ одномъ случаѣ желаютъ *знать*, въ другомъ—*дѣйствовать*: можетъ быть вредной практическое примѣненіе несозрѣвшей мысли, но не приносить вредныхъ результатовъ всестороннее освѣщеніе ея съ теоретической стороны; въ научной перспективѣ и крайнія, ложныя теоріи теряютъ свой заманчивый характеръ, ибо сопоставляются съ другими и подвергаются критическому разбору.

Необходимость самоуправленія вытекаетъ изъ того, что университеты, въ противоположность другимъ государственнымъ учрежденіямъ, являются учрежденіями *suū generis*; ихъ дѣятельность посвящена наукѣ и преподаванію ея, а потому цѣлесообразно управлять ими *могутъ* только тѣ же люди науки; они одни могутъ судить о научныхъ потребностяхъ университетовъ и о наиболѣе разумныхъ средствахъ ихъ удовлетворенія; только они могутъ быть наиболѣе компетентны во всемъ томъ, что касается учащагося юношества, потому что это послѣднее опять таки связано съ университетомъ цѣлями научнаго образованія; наконецъ, *только* профессора могутъ знать матеріальныя потребности университетовъ и ихъ многочисленныхъ учебно- вспомо- гательныхъ учреждений; слѣдовательно, они должны играть руководящую роль въ расходованіи отпускаемыхъ на университеты и ими самими собираемыхъ средствъ. Наконецъ, нравственнаго вліянія университетовъ на студентовъ опять таки можно ожидать только отъ профессоровъ, и, слѣдовательно, имъ должна быть поручена и организація необходимыхъ для этого мѣръ, и приведеніе ихъ въ исполненіе.

Между тѣмъ въ основу устава 1884 года быть положенъ ложный взглядъ, что университеты суть такія же административныя мѣста или учрежденія, какъ и всѣ другія, и что профессора суть ни что иное, какъ

чиновники вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Государственный механизмъ не можетъ обойтись безъ цѣлой системы органовъ, при посредствѣ которой осуществляются велѣнія Верховной власти. Въ этой системѣ, при бюрократическомъ строѣ государства, установившемся въ большей части управленія нашего отечества, *чиновники*, въ качествѣ руководителей исполненія и исполнителей этихъ велѣній, играютъ большую и весьма почтенную роль. Нѣтъ надобности говорить, что чѣмъ образованнѣе эти чиновники, чѣмъ болѣе развито въ нихъ сознаніе долга и чѣмъ выше уваженіе къ закону, опредѣляющему степень власти и компетенцію каждаго изъ нихъ, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, правильнѣе будетъ функционировать вся система управленія. Но тотъ же государственный механизмъ никоимъ образомъ не можетъ обойтись безъ такихъ учрежденій, въ основу которыхъ положено самоуправленіе съ выборнымъ началомъ. Сюда принадлежатъ земскія и городскія учрежденія; сюда же принадлежатъ и университеты. Какъ системѣ чиновниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойственно опредѣленное іерархическое подчиненіе, обуславливающее успѣхъ управленія и обезпечивающее населеніе отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, такъ совершенно неприложимо это іерархическое подчиненіе къ области науки и къ служителямъ ея—профессорамъ и ученымъ; для самой возможности существованія и развитія ученаго мысленія и творчества необходимо широкое право свободнаго изслѣдованія. Ученая мысль никоимъ образомъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, быть связанной велѣніями чужой воли, быть насильственно направленной ею въ ту или другую сторону. Всегда и всюду только при условіи свободы изслѣдованія, она давала плодотворные результаты, снискавши ей авторитетъ и уваженіе не только учащихся, но и широкихъ круговъ общества. Если всякій чиновникъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,

долженъ для пользы дѣла въ большей мѣрѣ поступить своею индивидуальностью, исполняя разумно и сознательно велѣнія воли, надъ нимъ стоящей, то возможно широкое развитіе индивидуальности въ профессоръ и ученомъ есть вѣрный залогъ движенія впередъ науки. А только эта послѣдняя и создаетъ тотъ нравственный авторитетъ профессора, въ силу котораго онъ пріобрѣтаетъ вліяніе надъ своими слушателями, не только благодаря сообщенію имъ результатовъ своихъ ученыхъ работъ, но и *своею личностью*. Оттого и университеты не могутъ быть разсматриваемы какъ „административныя мѣста“. Это учрежденія совершенно особаго рода, такъ какъ существуютъ они не только для выполненія тѣхъ или иныхъ житейскихъ практическихъ задачъ, но и для культивированія науки, для приобщенія къ сокровищницѣ ея молодыхъ поколѣній, приходящихъ въ университеты для обогащенія себя знаніями для пользы всеобщей.

Сверхъ того, по мнѣнію Совѣта, университетъ не можетъ и не долженъ быть учрежденіемъ воспитательнымъ. Высокое же нравственно-образовательное вліяніе университета неизбежно дается изученіемъ чистой науки. Въ уставѣ объ учрежденіи Академіи Петръ Великій говоритъ: „науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ“, а относительно Академіи прибавляетъ: „чтобы сіе зданіе непремѣнно и полезно было, то имѣть оное только подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего, быть и само себя править“. Согласно съ этими словами Великаго Петра, Совѣтъ считаетъ необходимымъ положить въ основаніе устава принципы свободы преподаванія, свободы слушанія и коллегіальнаго самоуправленія. А правильной, узаконенной, основанной на самодѣятельности, организаціей учащейся въ университетѣ молодежи и только этой организаціей, а не полицейскими мѣрами, можетъ быть дана возможность болѣе спокойной части студентовъ, ищущихъ

въ университетѣ глубокихъ знаній и смотрящихъ на университетъ какъ на святыню, бороться противъ ненормальныхъ и вредныхъ для университета теченій.

Опытъ всѣхъ культурныхъ странъ, какъ и нашего отечества, съ неоспоримою ясностью указываютъ, что единственно цѣлесообразной организаціей университетовъ нужно признать ту, въ основаніе которой положено коллегіальное устройство на началахъ автономіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить судьбу нашихъ русскихъ университетовъ. Въ жизни ихъ мы различаемъ 5 главныхъ моментовъ; 1) учрежденіе перваго изъ русскихъ университетовъ—Московского въ 1755 году, 2) изданіе въ 1804 г. уставовъ для Московскаго и двухъ новыхъ университетовъ—Харьковскаго и Казанскаго, 3) изданіе въ 1835 г. общаго устава россійскихъ университетовъ и дополненій къ нему, введенныхъ въ концѣ 40-хъ годовъ, 4) замѣна его уставомъ 1863 г. и 5) введеніе устава 1884 г. Всѣ 4 устава, дѣйствовавшіе на протяженіи XIX вѣка, могутъ быть, по основному принципу, положенному въ ихъ организацію, подведены подъ двѣ категоріи: къ первой относятся уставы 1804 и 1863 годовъ, ко второй—уставъ 1884 г.; первые были построены на началахъ коллегіальности и автономіи, послѣдній—бюрократизма и централизаціи. Уставъ 1835 г. стоитъ на рубежѣ между ними, но послѣдующія дополненія приблизили его къ бюрократическому, наименѣе удачному уставу 1884 г., который пытался механически соединить заимствованныя изъ германскихъ свободныхъ университетовъ формы съ чистымъ бюрократизмомъ. Неудивительно, что результаты, къ которымъ привелъ уставъ 1884 г., оказываются почти тождественными съ результатами устава 1835 г. и его дополненій. И тогда, какъ и теперь, жаловались, а) на паденіе научнаго уровня членовъ профессорской коллегіи, б) на недостаточность развитія молодыхъ людей, поступающихъ

въ университеты изъ гимназій, и в) на устраненіе ученыхъ коллегій отъ сужденія и распоряженія по дѣламъ университетскимъ; не неся никакой отвѣтственности за внутреннее управленіе университетомъ, возложенное на попечителя, правленіе и инспекцію, университетскій совѣтъ пересталъ быть живымъ и дѣятельнымъ органомъ университетской жизни; и такимъ образомъ, по мѣткому выраженію Н. И. Пирогова, „динамическая жизнь университетовъ ослабѣла до чрезвычайности“; понадобилось созданіе новаго устава 1863 года, который, къ сожалѣнію, далеко отступалъ отъ пожеланій, высказанныхъ университетами— между прочимъ не далъ никакой организаціи студентамъ; въ этомъ была его самая слабая сторона. И исторія университетовъ, взятыхъ въ отдѣльности, подтверждаетъ мысль, что время подъема ихъ совпадаетъ съ тѣми моментами, когда въ нихъ дѣйствовало начало автономіи. Правда, нѣкоторые факты *какъ бы* противорѣчатъ такому утвержденію: во 2-ю половину царствованія Императора Александра I дѣйствовали еще уставъ 1804 г., а между тѣмъ университеты переживали самый тяжкій періодъ своего упадка; но это потому, что фактически тогда уставъ былъ уже упраздненъ Магницкимъ и Руничемъ, и это было время полного произвола этихъ лицъ и директора, замѣнявшаго въ Казанскомъ университетѣ выборнаго ректора. Исторія Харьковскаго университета также является краснорѣчивымъ подтвержденіемъ высказанной мысли: и здѣсь университетское самоуправленіе фактически начало упраздняться съ 1817 года, съ назначенія на постъ попечителя В. Я. Карпѣва; это продолжалось при его преемникахъ -- Е. В. Карпѣевѣ, Перовскомъ и Филатьевѣ, и это время является періодомъ самаго глубокаго упадка университета. Наоборотъ, первые моменты автономной жизни Харьковскаго университета (съ 1804 по 1814 годъ) являются золотымъ вѣкомъ въ

его исторіи; точно также и 60 и 70-е годы стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше 30—50-хъ годовъ.

И это понятно. Коллегіальное участіе профессоровъ необходимо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся жизни университета. Только при такихъ условіяхъ можетъ овладѣть профессорами чувство преданности своему учрежденію, готовность подчинить его интересамъ своимъ личнымъ интересамъ. Членъ коллегіи сознаетъ, что онъ раздѣляетъ со своими сочленами нравственную отвѣтственность за охраненіе достоинства учрежденія, и это сознаніе оказываетъ благотворное вліяніе на образъ его дѣйствій; при коллегіальномъ началѣ возникаетъ общее мнѣніе коллегіи, которое сдерживаетъ индивидуальныя проявленія поступковъ, не соотвѣтствующихъ такому достоинству; когда преподаватели являются отдѣльными единицами, устанавливающими каждый для себя личный режимъ, общее гармоничное направленіе дѣятельности университета не гарантировано; оно можетъ быть всегда парализовано поступками отдѣльныхъ лицъ; нѣтъ тѣхъ стимуловъ, которые вызываютъ преданность общему дѣлу и нравственную отвѣтственность за его положеніе. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій господства личнаго режима является необеспеченность университета въ пополненіи его учебнаго персонала свѣжими силами; наступаетъ общее ослабленіе его научной жизнедѣятельности; при немъ не могутъ сложиться тѣ добрыя традиціи, то сдерживающее начало, которое даетъ устойчивость университетской дѣятельности и заставляетъ педагогическій персоналъ его дорожить достоинствомъ учрежденія и относиться съ должнымъ вниманіемъ къ исполненію своихъ обязанностей. Нравственный авторитетъ университета и служить источникомъ его благотворнаго воспитательнаго вліянія; остальные средства — внѣшняго характера. Успѣхъ же этого нравственнаго вліянія находится въ зависимости отъ авторитетности педагогическаго персо-

нала—отъ высоты его научнаго уровня, независимости его научныхъ воззрѣній и преданности университетскому дѣлу и, наконецъ, отъ возможно болѣе самостоятельности, предоставленной ему правительствомъ, въ управленіи университетскими дѣлами. Лишеніе коллегіи права самопополненія есть прямое выраженіе къ ней недо- вѣрія; такъ это можетъ понимать и университетская молодежь, въ глазахъ которой личность профессора представляется дискредитированной, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его при этомъ окружена самой подробной регламентаціей. Такое положеніе исключаетъ возможность подъема нравственнаго авторитета профессоровъ среди студентовъ и воспитательнаго значенія общенія между ними. Противники коллегіальнаго начала обыкновенно ссылаются на борьбу партій, на непотизмъ, которые вредятъ общимъ интересамъ и даже приводятъ къ застою. Но нужно отличать естественную и законную борьбу партій, вызываемую принципиальною разницею взглядовъ, отъ той нежелательной партійности, въ основѣ которой лежатъ личные интересы и которая унижаетъ достоинство коллегіи, дѣлая ее орудіемъ мелкихъ интригъ и низкихъ происковъ. Первая не страшна коллегіи, коррективомъ же для второй является гласность, публичность, общественный и правительственный контроль. Впрочемъ, такая мелкая и личная партійность характеризуетъ собою обыкновенно жизнь такой коллегіи, которая уже идетъ къ упадку, вырождается; въ русскихъ университетахъ она начинала господствовать тогда, когда на университетскую автономію начинали смотрѣть какъ на зло, когда ее терпѣли только потому, что она не была еще отмѣнена закономъ, но въ дѣйствительности являлась уже фикціей. Такъ было, напримѣръ, передъ введеніемъ нынѣшняго университетскаго устава. Тоже можетъ повториться и въ томъ случаѣ, если принципъ автономіи будетъ парализованъ противоположнымъ ему началомъ бюрократическимъ,

если-бы, напริมѣръ, при господствѣ выборнаго начала оставили назначаемаго ректора.

Здѣсь намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о размѣрахъ той автономіи, которую имѣть въ виду Совѣтъ. Подобно правительственной коммисіи, создавшей уставъ 1863 года, Совѣтъ хотѣлъ-бы, чтобы университетамъ было дано *сильное* управленіе въ лицѣ цѣлой университетской коллегіи. Главное назначеніе университетовъ—быть источникомъ высшаго просвѣщенія въ государствѣ, тою силою, которая всѣмъ признается важнѣйшимъ орудіемъ гражданственности. Но, чтобы университеты могли выполнять это назначеніе, необходимо, чтобы они могли дѣйствовать и развиваться только собственными своими силами и органами, по собственному побужденію, а не вслѣдствіе внѣшняго чуждаго вліянія. Такими силами и органами университета могутъ служить Совѣтъ, правленіе, факультеты, ректоръ, профессоры, судъ. Стоитъ только отнять у этихъ органовъ самостоятельность—и они оцѣнепѣютъ, сдѣлаются мертвыми, неподвижными и бесполезными для дѣла. Это не значитъ, однако, что университеты должны сдѣлаться независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ и образовать „государство въ государствѣ“. Наши университеты были и, вѣроятно, останутся надолго, если не навсегда, учрежденіями государственными, а не частными. Они были созданы правительствомъ для цѣлей государственныхъ; назначеніе ихъ, съ правительственной точки зрѣнія, состояли и состоятъ въ приготовленіи для государства способныхъ, просвѣщенныхъ наукою дѣятелей, и вслѣдствіе того они получали и получаютъ свои средства и привилегіи исключительно отъ правительства... Поэтому въ нашихъ университетахъ, какъ въ учрежденіяхъ государственныхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о полной, безусловной независимости; они должны дѣйствовать въ границахъ, которыя юридически опредѣлены для нихъ

уставомъ, даннымъ Верховною властью, и въ дѣйствіяхъ своихъ подчиняться извѣстному правительственному контролю, т. е. отчетности, ревизіи и отвѣтственности по закону. Идея университетской автономіи нисколько не противорѣчитъ идеѣ государственной власти, какъ не противорѣчитъ этой послѣдней и идея земскаго или городского самоуправленія; и новый уставъ легко можетъ органически соединить обѣ идеи другъ съ другомъ, предоставивъ университетамъ значительную долю самоуправления и оставивъ за Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ необходимыхъ предѣлахъ, власть утверждающую, разрѣшающую и контролирующую. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы восходило къ Министерству только то, что дѣйствительно не можетъ быть въ окончательной формѣ рѣшено на мѣстѣ самими университетами, и чтобы не было ненужной регламентаціи, убивающей жизнь и самостоятельность.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1-й ВОПРОСЪ.

Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляютъ ректоръ по назначенію правительства, и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорскою коллегіею?

Отвѣтъ Совѣта. Въ основу всей университетской организаціи должно быть положено выборное начало: факультеты и совѣты должны выбирать профессоровъ и преподавателей, которые могутъ быть удаляемы отъ службы не иначе, какъ по постановленію Совѣта; совѣты избираютъ ректоровъ на 3 года, факультеты—декановъ на 2 года. Избраніе ректора профессорскою коллегіею 1) вытекаетъ изъ самого принципа коллегіальнаго самоуправления, долженствующаго быть основою университетскаго устройства; 2) наиболее соответствуетъ нормальнымъ условіямъ университетской жизни; 3) согласуется съ историческою традиціею. Только выборный ректоръ можетъ быть представителемъ живой и сильной коллегіи. Ректоръ же назначенный, въ глазахъ общества, профессоровъ и студентовъ, явится не авторитетнымъ представителемъ науки и ученой профессорской коллегіи, а лицомъ, какъ-бы чуждымъ остальному профессорскому персоналу, естественнымъ результатомъ чего могутъ явиться коллизіи между нимъ и остальною коллегіею. Назначенный

ректоръ не можетъ имѣть той нравственной опоры въ неизбавившей его профессорской коллегіи, которая необходима для надлежащаго вліянія на студентовъ, и вообще онъ будетъ лишень того высокаго нравственнаго престожа, какии пользовался бы выборный ректоръ. Такой ректоръ будетъ занимать изопрованное положеніе и, слѣдовательно, явится безцѣльнымъ или же будетъ оказывать такое давленіе на коллегію, которое совершенно несовмѣстимо съ принципомъ университетскаго самоуправленія. — Нынѣшнее „двоевластіе“ въ университетахъ попечителя и ректора должно быть уничтожено.

Мотивы. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ, и какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію Правительства, Совѣтъ считаетъ необходимымъ останоиться на тѣсно связанномъ съ нимъ и чрезвычайно важномъ вопросѣ объ *избраніи профессоровъ*.

Уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду ограничить, сколь возможно болѣе, вліяніе и независимость профессорской коллегіи, и эта цѣль была достигнута вполнѣ, но крайне дорогою цѣною — цѣною паденія престожа профессоровъ и университетовъ. Одна изъ необходимыхъ реформъ въ университетскомъ строѣ должна заключаться въ поднятіи научнаго и нравственнаго авторитета профессорской коллегіи. Средство для этого — возстановить *выборную систему*.

Прежде всего необходимо возвратитъ университетамъ право выбора профессоровъ, съ утвержденія Мнистра, ибо: 1) лишеніе этого права, принадлежавшаго имъ по прежнимъ уставамъ, начиная съ 1804 г., есть прямое выраженіе недовѣрія къ нимъ; 2) полученіе ученой степени само по себѣ еще не служитъ достаточной гарантіей учености, и назначеніе на кафедру какого либо лица *только* потому, что оно обладаетъ соотвѣствующею степенью, врядъ-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ; нужно оцѣнить научныя

заслуги и преподавательскія способности кандидата, а въ этомъ наиболѣе компетентны ученыя, университетскія коллегіи; 3) если при выборной системѣ въ университетской коллегіи можетъ обнаружиться, какъ говорятъ „кумовство“ и „непотизмъ“, то и система назначенія не устраняетъ борьбы и интригъ и, такъ какъ министръ не можетъ быть самъ компетентенъ въ опредѣленіи достоинствъ специалистовъ по всеѣмъ кафедрамъ, то она открываетъ широкій просторъ вліянію случайности и протекціи, иногда со стороны лицъ, ничего общаго съ наукой и университетомъ не имѣющихъ; 4) система назначенія принижаетъ авторитетъ и назначеннаго, и коллегіи. Личность профессора должна производить неотразимое вліяніе на несложившуюся еще духовную природу молодого человѣка: онъ долженъ видѣть въ профессорѣ „жреца“ истины и науки. Но обаяніе этой личности можетъ быть дѣйствительно только при правильно и свободно выраженномъ мнѣніи университета путемъ выбора. Профессоръ *назначенный*, хотя бы на самомъ дѣлѣ онъ являлся лицомъ вполне достойнымъ, въ глазахъ общества и студентовъ всегда будетъ терять и не можетъ пользоваться такимъ престижемъ, какимъ пользуется избранный ученою коллегіею. Въ такомъ профессорѣ молодые люди склонны видѣть не независимаго и убѣжденнаго представителя науки, а „чиновника“ (что и обнаружилось во время обструкціи 1899 г. и недавнихъ волненій).

Для большей гарантіи въ безпристрастіи, дабы парализовать вліяніе всякаго „кумовства“ и „непотизма“, слѣдуетъ допустить *участіе совѣта въ дѣлѣ выбора профессоровъ* и подвергать кандидатовъ избранію не только въ факультетѣ, но и въ совѣтѣ. Послѣдній долженъ служить контролирующимъ началомъ, своего рода коррективомъ по отношенію къ факультетамъ, ибо въ сравнительно малочисленной коллегіи, какою является факультетъ, скорѣе возможно вліяніе добрыхъ

или враждебныхъ отношеній между товарищами, лич-
ныхъ симпатій и антипатій. Въ совѣтѣ, состоящемъ
изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, подобные мотивы не
могутъ такъ вліять, и больше данныхъ за то, что онъ
будетъ относиться къ кандидатамъ съ надлежащимъ
безпристрастіемъ. Возраженіе, будто въ такомъ случаѣ
рѣшающей голосъ будетъ принадлежать не—специали-
стамъ, членамъ другихъ факультетовъ, какъ составля-
ющимъ большинство совѣта, въ значительной мѣрѣ
теряетъ силу въ виду того, что неспециалисты будутъ
основывать свое сужденіе на отзывахъ специалистовъ
и въ качествѣ людей науки сумѣютъ разобраться
среди нихъ, даже и тогда, когда будутъ противополо-
жныя мнѣнія объ одномъ и томъ же кандидатѣ.
Кромѣ того, нѣкоторые члены одного факультета иногда
являются вполне компетентными судьями относитель-
но кандидата на кафедру другого, такъ какъ есть не-
мало кафедръ, которыя, принадлежа къ разнымъ факуль-
тетамъ, между собою очень близки (напр. русская исто-
рія на историко-филологическомъ факультетѣ и исторія
русскаго права на юридическомъ, фізіологическая хи-
мія на медицинскомъ и химія на физико-математиче-
скомъ и т. п.). При избраніи профессора дѣло идетъ
обыкновенно не о деталяхъ, а о вопросахъ, болѣе или
менѣе доступныхъ пониманію ученой коллегіи, безъ
различія специальностей, а также о научныхъ методо-
логическихъ приѣмахъ, обязательныхъ для всякаго спе-
циалиста. Въ виду этого можно вполне надѣяться, что
въ большинствѣ случаевъ члены совѣта сумѣютъ ра-
зобраться въ подобныхъ обсужденіяхъ.

По вопросу объ *относительной роли* факультета и
совѣта въ избраніи профессоровъ, т. е. *должны ли под-*
вергаться баллотированію въ совѣтъ все лица, подвергшіяся
баллотировкѣ въ факультетѣ и получившія тамъ хотя
бы одинъ избирательный шаръ, или же только тѣ, кото-
рыя получили въ факультетѣ большинство или, по край-

ней мѣръ, не менѣе трети избирательныхъ голосовъ — Совѣтъ большинствомъ голосовъ принялъ второе рѣшеніе.

Члены Совѣта, стоявшіе за предоставленіе факультетамъ болѣе видной роли въ дѣлѣ избранія профессоровъ, опирались 1) на то, что въ случаѣ баллотирования въ совѣтъ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ хотя бы одинъ избирательный шаръ, Совѣтъ будетъ уже не только *коррективомъ* по отношенію къ факультету; въ такомъ случаѣ избраніе послѣднимъ кандидата приводится къ простой рекомендаціи; между тѣмъ 2) въ общемъ все же факультеты наиболѣе компетентны въ выборѣ достойнаго представителя кафедръ, и хотя университеты и составляютъ нѣчто цѣлое — *universitas*, но все таки факультеты до нѣкоторой степени отдѣльныя школы; 3) члены же ихъ и наиболѣе заинтересованы въ избраніи новаго своего сочлена; 4) нельзя допустить, чтобы членъ факультета избирался какъ бы помимо факультета и ему, такъ сказать, навязывался совѣтомъ: это противорѣчило бы принципу коллегіальности; 5) при баллотированіи въ совѣтъ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ не меньше одного избирательнаго шара въ факультетѣ, возможны нежелательныя случайности: возможно, что будутъ проходить кандидаты, не вполне или менѣе достойные, забаллотированные въ факультетѣ заслуженно, ибо многіе члены совѣта будутъ класть избирательный шаръ такимъ кандидатамъ, къ которымъ они относятся безразлично, держась принципа: „сомнѣніе въ пользу подсудимаго“ *).

Члены Совѣта, высказавшіеся въ пользу перваго рѣшенія исходили главнымъ образомъ изъ тѣхъ-же соображеній, въ силу коихъ вообще считалось необходимымъ участіе совѣта въ избраніи профессоровъ, а именно: 1) балло-

*) *Примѣчаніе.* Экстраординарные профессора, если эта категорія будетъ оставлена, должны избираться въ ординарные только въ совѣтъ, простымъ большинствомъ.

тированіе въ совѣтъ всѣхъ кандидатовъ, получившихъ хотя бы одинъ избирательный шаръ въ факультетъ, представляетъ больше гарантій, что избранъ будетъ наиболѣе достойный, такъ какъ факультетъ скорѣе можетъ поддаваться пристрастію; въ немъ можетъ оказаться сплоченная группа, кладущая неэгоистическій шаръ всѣмъ кандидатамъ, кромѣ своего, и нерѣдко даровитые люди могутъ не быть пропущены, какъ нежелательные конкуренты; 2) не смотря на существованіе факультетовъ, университетъ есть цѣлое; въ отдѣльных факультетахъ есть близкія специальности, и оцѣнка въ совѣтъ можетъ быть произведена надлежащимъ образомъ и притомъ болѣе объективно. Этимъ вовсе не умаляется значеніе факультета въ дѣлѣ выбора профессоровъ: факультетъ, представляя отзывъ о *всѣхъ* баллотировавшихся въ немъ кандидатахъ, тѣмъ самымъ владѣетъ средствомъ оказывать могущественное вліяніе на выборъ и *убѣждаетъ* совѣтъ въ достоинствахъ своего кандидата; 3) факультеты часто страдаютъ малочисленностью своего состава, и предоставить имъ болѣе значительную роль въ дѣлѣ избранія профессоровъ едва ли целесообразно; 4) профессоръ не только членъ факультета, но и совѣта, и на последнемъ лежитъ полная отвѣтственность за выборъ достойнаго сочлена; 5) наконецъ, только такимъ образомъ можетъ быть устранена возможность противорѣчія между оцѣнкою достоинства кандидата и результатомъ баллотировки въ факультетъ.

Кандидаты на кафедру предлагаются или 1) членами факультета, или 2) членами совѣта, причемъ предложеніе ихъ сопровождается въ факультетъ; въ такомъ правѣ совѣта не слѣдуетъ усматривать выраженіе недовѣрія къ факультету, а только усиленіе шансовъ для избранія достойнаго представителя кафедры. Если ни тотъ, ни другой способъ не приведутъ къ цѣли, то назначается *конкурсъ*.

Избранный совѣтомъ кандидатъ утверждается министромъ.

Разъ профессора будутъ выборные, необходимо, чтобы и *ректоръ*, *деканы* и *секретари* факультетовъ были тоже выборные.

Всякая организація только тогда можетъ быть устойчивой, когда она представляетъ стройное развитіе одной основной идеи, проводимой въ жизнь. Поэтому, при введеніи въ университеты самоуправленія съ выборнымъ началомъ, назначеніе, а не выборъ ректора, противорѣчило бы основному принципу и на практикѣ повело бы къ недоразумѣніямъ, могущимъ дурно отражаться на ходѣ университетской жизни. Университетъ—не „административное мѣсто“. Здѣсь все должно быть основано на внутреннемъ, или нравственномъ авторитетѣ, а не на внѣшнемъ, или административномъ.

Для спокойнаго и нормальнаго теченія университетской жизни избраніе ректора самою коллегіей представляетъ несравненно большую гарантію, чѣмъ назначеніе его высшею властью, такъ какъ въ первомъ случаѣ, несомнѣнно, будетъ больше коллегіальнаго единства, которое всегда благотворно отражается на всемъ ходѣ университетскихъ дѣлъ. Напротивъ, при системѣ назначенія ректоровъ, солидарности между коллегіей и ея предсѣдателемъ легко можетъ угрожать опасность возникновенія недовѣрія, недоразумѣній, принципиальнаго разногласія въ гораздо большей степени, чѣмъ при избранномъ ректорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній избирается, какъ *primus inter pares*; облеченный довѣріемъ коллегіи, онъ является представителемъ не только ея чужды и интересовъ, но и ея руководящихъ мнѣній и принциповъ.

Совершенно иное представляетъ назначенный ректоръ, котораго нравственно-коллегіальный авторитетъ подрывается уже самымъ способомъ его назначенія,

основаннымъ обыкновенно на личномъ усмотрѣніи представляющаго его попечителя. Здѣсь прежде всего, въ несравненно бѣльшей степени, чѣмъ при избранномъ ректорѣ, возникаетъ опасеніе злоупотребленія властью какъ по дѣлопроизводству и въ коллегіальныхъ совѣщаніяхъ, такъ и въ личныхъ отношеніяхъ къ учащему персоналу. Назначенный ректоръ является не „первымъ между равными“, но начальствующимъ лицомъ, независимымъ отъ коллегіи и не обязаннымъ считаться съ ея мнѣніями и принципами, лицомъ, которое легко можетъ превысить власть и умалить законныя прерогативы Совѣта. Дѣйствія такого ректора не подчинены контролю и руководящимъ указаніямъ коллегіи, которая помимо своего председателя лишена возможности сноситься съ высшимъ начальствомъ, напр. въ случаѣ какого либо давленія или правонарушенія со стороны ректора, опирающагося на свою близость къ высшей власти. На почвѣ опасенія и недоувѣрія со стороны коллегіи и властнаго давленія со стороны назначеннаго ректора легко могутъ возникать серьезные недоуразумѣнія, конфликты, глухая борьба, которыя такъ легко могутъ прискорбно отразиться на всемъ теченіи университетской жизни. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ коллегія никомъ образомъ не можетъ принять на себя правственнѣй отвѣтственности за сохраненіе порядка и спокойствія. Наконецъ, нельзя не признать, что ректоръ по назначенію легко можетъ сообщать высшей власти свои единоличныя свѣдѣнія о положеніи университетскихъ дѣлъ въ одностороннемъ и пристрастномъ освѣщеніи безъ всякаго контроля со стороны коллегіи.

Назначеніе ректора въ корни подрываетъ университетское самоуправленіе; тогда, идя строго послѣдовательно, нужно было бы назначать и декановъ, и профессоровъ и вообще оставить безъ измѣненія нынѣшній строй или еще болѣе усилить въ немъ бюрократическое начало.

Наконецъ, правительство уже имѣетъ назначенное имъ лицо, облеченное контролирующею властью, въ особѣ попечителя округа: его обязанности и власть по отношенію къ университету въ сущности почти совпадаютъ съ обязанностями и властью назначеннаго ректора (см. ниже).

Двухъ лицъ, облеченныхъ аналогичною властью, нѣтъ надобности имѣть, и при наличности попечителя учебнаго округа ректоръ *назначенный* является лишнимъ.

Почти то-же, *mutatis mutandis*, слѣдуетъ сказать и о системѣ назначенія декановъ.

Система *избранія* не только вытекаетъ изъ самаго принципа коллегіальнаго самоуправленія, какъ необходимою основы университетскаго строя, не только наиболѣе соотвѣтствуетъ нуждамъ и интересамъ университета, какъ учено-просвѣтительнаго учрежденія, но и соотвѣтствуетъ нашей *исторической* традиціи*, нашей старинѣ. Это не ломка и повсюдство, а напротивъ, лишь возвращеніе къ прежнему, нѣкогда существовавшему порядку, къ тому, что признавалось возможнымъ и полезнымъ и что было въ дѣйствительности еще при Александрѣ I и даже при Николаѣ Павловичѣ, вообще въ теченіе большей части XIX в. По уставу 1804 г. занятіе кафедръ должно было происходить по выбору факультета и совѣта; ректоръ и деканы были тоже выборные. Такъ было и по уставу 1835 г. Лишь послѣ 1848 г., въ періодъ успившейся реакціи, должность ректора стала замѣщаться по назначенію; но и тогда за университетами было оставлено право избирать декановъ и профессоровъ. Объ уставѣ 1863 г. нечего и напоминать. Такимъ образомъ, дѣйствующій уставъ 1884 г. пошелъ въ разрѣзъ съ прошлымъ и съ историческою традиціею и явился скорѣе нарушеніемъ и ломкой, нежели дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, господствовавшихъ раньше. Назначеніе ректора и декановъ первоначально предполагалось лишь въ видѣ временной мѣры и поводомъ ко введенію этой системы

послужили опасенія возможности глухой оппозиціи уставу со стороны университетскихъ коллегій. Это — результатъ того недовѣрія къ послѣднимъ, которымъ проникнуть весь уставъ 1884 г. Насколько однако подобныя опасенія и недовѣріе были малоосновательны, показываетъ хотя бы то, что въ числѣ *выборныхъ* ректоровъ, напр., въ Москвѣ, мы видимъ русскаго историка С. М. Соловьева и *Н. П. Боголюбова*, впоследствии призваннаго на постъ попечителя округа и министра, равно какъ и то обстоятельство, что само же министерство при введеніи устава 1884 г. *назначило* ректорами и деканами почти всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя занимали передъ тѣмъ эти должности по *избранію*.

Въ заключеніе, говоря о ректорѣ, мы не можемъ не коснуться вопроса объ отношеніи его власти ко власти попечителя округа. Это отношеніе, по уставу 1884 года, является ненормальнымъ, ибо ослабляетъ значеніе ректора и создаетъ ненужное „двоевластіе“.

Попечитель назначается на свою должность Высочайшею властію по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія. Принадлежность попечителя къ ученому сословію не предполагается законодательствомъ, хотя, какъ извѣстно, практика знаетъ попечителей изъ лицъ, обладающихъ учеными степенями, бывшихъ профессоровъ. Но это практика — а не требованіе закона. Ректоръ избирается Министромъ Народнаго Просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года, по истеченіи которыхъ онъ можетъ быть, съ Высочайшаго соизволенія, оставленъ въ той же должности на слѣдующее четырехлѣтіе. Фактически ректора избираетъ однако не министръ, а попечитель округа, ибо въ силу самаго положенія вещей Министръ Народнаго Просвѣщенія только въ исключительныя рѣдкихъ случаяхъ настолько знакомъ съ личнымъ составомъ профессоровъ университета, чтобы имѣть возможность сдѣлать этотъ

выборъ непосредственно. Уже этимъ обстоятельствомъ самостоятельное и независимое отъ попечителя округа положеніе ректора въ значительной мѣрѣ умалается; по ближайшее сопоставленіе статей устава, трактующихъ о власти попечителя и власти ректора даетъ возможность утверждать, что въ дѣйствительности отъ этой самостоятельности остается только тѣнь ея. Выписываемъ въ краткомъ извлеченіи тѣ статьи устава 1884 года, которые характеризуютъ обѣ эти власти.

Попечитель:

Ст. 4. Каждый университетъ... ввѣряется *начальству* попечителя округа.

Ст. 6. Попечитель заботится о благосостояніи университета, наблюдаетъ за ходомъ университетскаго преподаванія и за точнымъ исполненіемъ всѣми принадлежащими университету установленіями и должностными лицами правилъ, предписанныхъ закономъ, или распоряженіями правительства; пресѣкаетъ всякое уклоненіе отъ сихъ правилъ; возбуждаетъ дѣло объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о награжденіи достойныхъ.

Ст. 7. Попечитель имѣетъ право по усмотрѣнной имъ надобности созвать совѣтъ, правленіе и собраніе факультетовъ, а также при-

Ректоръ:

Ст. 5. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ (при участіи коллегіи).

Ст. 13. Ректоръ... наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ учебной части въ университетѣ и за полнотою преподаванія въ немъ, за надлежащимъ исполненіемъ всѣми служащими въ университетѣ и служащими при немъ лицами обязанностей.

Ст. 14. Должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной и дисциплинарной части, ректоръ имѣетъ право дѣлать указанія, напominанія и замѣчанія.

Ст. 19. Ему принадлежитъ право ходатайствовать о награжденіи непосредственно подчиненныхъ ему лицъ и предварительно

существовать въ засѣданіяхъ сихъ установленій.

Ст. 8. На попечительѣ лежитъ обязанность вышшаго руководства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины университета. Онъ имѣетъ право въ разъясненіе и для обезпеченія точнаго исполненія правилъ, изданныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать донесеній о его собственныхъ распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ попечитель принимаетъ всѣ необходимыя для охраненія порядка мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть, доводя о сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и о причинахъ ихъ вызвавшихъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія.

представленія къ наградамъ всѣхъ остальныхъ служащихъ въ университетѣ... требуется отзывъ о нихъ ректора.

Ст. 16. Ректоръ.. назначаетъ и открываетъ засѣданія совѣта и правленія... Въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности имѣетъ право председательствовать въ собраніяхъ факультетовъ.

Ст. 17... Въ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ *ректору* предоставляется принимать всѣ необходимыя мѣры для поддержанія порядка и спокойствія въ университетѣ, хотя бы мѣры сіи превышали предоставленную ему власть. О всѣхъ сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и побудительныхъ къ нимъ причинахъ ректоръ немедленно доноситъ попечителю, равно какъ сообщаетъ совѣту и правленію университета.

Если мы добавимъ къ сказанному, что по ст. 9 устава всѣ сношенія Министра Народнаго Просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ Министерство проходятъ только черезъ попечителя а также и то, что „дѣла“, превышающія

власть университетских постановлений попечитель или разрѣшаетъ самъ, если они не выходятъ за предѣлы предоставленной ему власти, или, въ противномъ случаѣ, представляетъ на разрѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ (ст. 7), то станетъ понятнымъ, что уставъ 1884 года низведетъ значеніе ректора въ университетѣ какъ бы до роли чиновника особыхъ порученій при попечителѣ учебнаго округа.

По самому положенію своему въ качествѣ мѣстнаго представителя власти министра въ учебномъ округѣ, попечитель, указанными выше постановленіями, становится не *попечителемъ*, въ смыслѣ куратора, заботящагося лишь о благосостояніи университета, какъ то сказано въ ст. 6 устава, а полномочнымъ начальникомъ его. Ректоръ, при такомъ положеніи власти попечителя и при указанномъ выше способѣ назначенія его самого, является представителемъ не коллегіи профессоровъ, не ходатаемъ передъ высшимъ начальствомъ о вѣщо измѣняющихся пуждахъ университета, а представителемъ поставленной надъ университетомъ воли высшего начальства. Если двѣ власти, высшая и низшая, обладаютъ, какъ то мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, одинаковыми или почти одинаковыми полномочіями, то власть низшая можетъ быть авторитетной въ глазахъ персонала служащихъ лишь по столько, по сколько она является представительницею ихъ пуждъ и интересовъ, не тольколичныхъ, но и служебныхъ, и ученыхъ. А ректоръ, назначенный по представленію попечителя округа и вполне отъ него зависящій, не можетъ служить авторитетомъ въ глазахъ профессоровъ, потому что вся власть и представительство его парализуются властью попечителя, къ которому поному и обращаются всѣ взоры. Но послѣдній—не ученый, а представитель административной власти, и въ качествѣ такового обыкновенно смотритъ на профессорскій

персоналъ, какъ на подчиненныхъ ему чиновниковъ соотвѣтственнаго класса, должности и чина. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ попечитель округа, въ силу своего служебнаго положенія и многочисленныхъ занятій, не можетъ имѣть личныхъ сношеній съ преподавательскимъ персоналомъ, не достаточно знаетъ его, а потому и не обращается къ нему даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалося бы, это было совершенно необходимо. Столь же не авторитетна власть ректора въ глазахъ студентовъ. У послѣднихъ складывается мнѣнiе, что ректоръ есть не лучший и наиболѣе уважаемый представитель профессорскои коллегіи и науки, а чиновникъ, находящійся въ такихъ же отношеніяхъ къ попечителю округа, какъ и хорошо извѣстный имъ по ежедневнымъ сношеніямъ инспекторъ.

Будучи въ отношеніи къ попечителю зависимымъ отъ него чиновникомъ, ректоръ въ тоже самое время смѣло можетъ расширять свою власть на счетъ университетскои коллегіи, которая его не выбираетъ, и отдѣльные члены которой отъ него во многомъ зависятъ. За время дѣйствія устава 1884 года студенческія волненія не одинъ разъ прерывали спокойное теченіе учебныхъ занятій, и не разъ наступали „чрезвычайныя обстоятельства“, ради которыхъ принималась особая мѣра. По ст. 17 устава ректоръ обязанъ доводить о мѣрахъ этихъ, равно какъ о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, между прочимъ и до свѣдѣнія совѣта университета. Но въ дѣйствительности этого почти никогда не дѣлалось. И попечитель округа, при наступленіи такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, не обращался къ чуждой и мало извѣстной ему коллегіи, хотя, по закону, онъ имѣетъ право, „по усмотрѣнной имъ надобности созвать совѣтъ“ (ст. 7). Такъ мало по малу выкапывался глубокий ровъ между ректоромъ, профессорами и студентами. На тѣхъ профессоровъ, которые не могли оста-

ваться равнодушными къ происходившимъ въ стѣнахъ университета тревожнымъ событіямъ, университетское начальство смотрѣло какъ на лицъ, вмѣнивающихся не въ свое дѣло; бывали даже случаи и болѣе рѣзкаго воздѣйствія на нихъ....

Признавъ ненормальными пылкія отношенія властн попечителя округа къ университетамъ, совѣтъ поставилъ вопросъ о возможности полного устраненія попечителей отъ университетскихъ дѣлъ и о предоставленіи всѣхъ сношеній университетовъ съ Министерствомъ выборнымъ ректорамъ. Такая постановка вопроса, конечно, имѣетъ въ виду отнюдь не устраненіе правительственной власти надъ университетами, а только *сосредоточеніе* ея въ рукахъ одного центрального органа Министерства Народнаго Просвѣщенія. Половина членовъ совѣта (18 голосовъ), высказавшихся въ пользу такого рѣшенія вопроса полагала, что удобнѣе было бы совершенно освободить попечителей отъ участія въ дѣлѣ управления университетами и подчинить эти послѣдніе непосредственно Министерству Народнаго Просвѣщенія, во 1) потому, что тогда была бы устранена одна посредствующая инстанція и, слѣдовательно, ускорено дѣлопроизводство, во 2) потому, что существуютъ какъ высшія, такъ и среднія учебныя заведенія (политехникумы, горные институты, коммерческія училища и др.), непосредственно подчиненныя другимъ Министерствомъ и въ 3) наконецъ, потому еще, что подобный порядокъ существуетъ за границей и не представляетъ тамъ неудобствъ. По другая половина членовъ совѣта, образованная большинствомъ (18 голосовъ съ голосомъ предсѣдателя), исходя изъ того положенія, что сохраненіе нѣкоторой власти попечителя надъ университетами было бы полезно для этихъ послѣднихъ, выразило желаніе о сохраненіи ея, но съ тѣмъ, *чтобы попечитель не былъ, какъ нынѣ, непосредственнымъ начальникомъ университета по всѣмъ во-*

просамъ, и чтобы, не вмешиваясь во все теченіе университетской жизни, онъ имѣлъ-бы только надзоръ за исполненіемъ устава и окончательно утверждалъ лишь тѣ постановленія органовъ университетской власти, которыя ему будутъ предоставлены уставомъ ради скорѣйшаго ихъ рѣшенія на мѣстѣ и приведенія въ исполненіе. Слѣдовательно, за нимъ должно остаться только то, что не предоставлено компетенціи университета и что не настолько важно, что-бы его переносить въ министерство. Далѣе было постановлено также ходатайствовать объ отмѣнѣ 9-й ст. унivers. устава и о предоставленіи совѣту университета права непосредственнаго обращенія черезъ ректора къ Министру Народнаго Просвѣщенія по тѣмъ изъ указанныхъ въ уставѣ вопросамъ, окончательное разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ Министерству, равно какъ и по тѣмъ, кои касаются общихъ пользъ и нуждъ университета или вызываютъ необходимость измѣненія тѣхъ или иныхъ параграфовъ самого устава. Попечитель округа, не признавъ законнымъ то или иное постановленіе совѣта, сообщаетъ объ этомъ послѣднему, который съ своей стороны представляетъ необходимое объясненіе. Окончательное же разрѣшеніе спорнаго вопроса можетъ производиться общимъ порядкомъ, въ законахъ на подобные случаи установленнымъ.

2-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта?

Отвѣтъ совѣта. *Желательно усиленіе власти совѣта, поднятіе научнаго значенія факультетовъ и раздѣленіе функцій правленія между новыми учрежденіями, которыя его могутъ замѣнить,—коллегіей декановъ, хозяйственнымъ комитетомъ и университетскимъ судомъ.*

Желательно, чтобы а) совѣту предоставлено было право приглашать въ свои засѣданія съ совѣщательнымъ голосомъ доцентовъ; б) чтобы засѣданія совѣта назначались не только ректоромъ, но и по письменному заявленію 10 членовъ его, черезъ 3 дня послѣ этого заявленія; в) что-бы окончательному рѣшенію совѣта были представлены, кромѣ допущенныхъ уставомъ 1884 г., еще слѣдующія дѣла: утвержденіе составленныхъ факультетами обзорныхъ преподаванія, распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія по факультетамъ, оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію и назначеніе имъ суммъ, распредѣленіе финансовой суммы университета, а равно разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной суммы доходовъ и расходовъ специальныхъ средствъ, составляющихъ его собственность, и ея исполненія, утвержденіе постановленій университетскаго суда, отправленіе молодыхъ людей за границу для приготовленія къ занятію кафедръ на суммы, спеціально для сего ассигнуемыя министерствомъ университету, допущеніе, по ходатайствамъ факультетовъ, лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность учеными трудами, прямо къ соисканію степени доктора, разрѣшеніе ходатайствъ факультетскихъ собраній о возведеніи лицъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами, въ

степень доктора, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертациі; утвержденіе ассистентовъ, прозекторовъ, лаборантовъ и т. п., избираемыхъ факультетами, утвержденіе предположеній хозяйственнаго комитета и факультетовъ о распредѣленіи университетскихъ помѣщеній подъ учебно-вспомогательныя установленія. На утвержденіе попечителя представляются: а) дѣла объ избраніи приватъ-доцентовъ, библіотекаря и его помощниковъ, лекторовъ и всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, б) инструкція для дѣйствій товарища ректора, в) правила о суммахъ за слушаніе лекцій, о пріемѣ студентовъ и постороннихъ слушателей, объ обязанностяхъ учащихся, о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ. Сверхъ того, попечитель имѣетъ право вносить на обсужденіе совѣта предложенія, касающіяся университета. На утвержденіе министра восходятъ: а) избраніе ректора, товарища ректора, декановъ, почетныхъ членовъ университета, профессоровъ, доцентовъ, астронома-наблюдателя, избранныхъ совѣтомъ, предположенія о кафедрахъ, б) предположенія о вознагражденіи приватъ-доцентовъ, в) ходатайства объ учрежденіи ученыхъ обществъ при университетѣ, г) ходатайства объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, д) раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе кафедръ, е) общія правила объ испытаніяхъ на ученые степени, ж) совѣтъ представляетъ черезъ попечителя Министру годичный отчетъ о дѣятельности университета.

Коллегія декановъ по дѣйствующему предсѣдательству ректора, а по студенческимъ дѣламъ съ участіемъ и товарища ректора, обсуждаетъ, prepares и рѣшаетъ дѣла студенческія, обще-университетскія и имѣющія отношеніе къ научной и учебной дѣятельности факультетовъ, находившіяся до сихъ поръ въ вѣдѣніи правленія.

Коллегіи декановъ предоставляется: а) обсужденіе дѣлъ о пріемѣ въ число студентовъ, б) дѣла о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей, о переходѣ

студентовъ изъ одного факультета или университета въ другой, объ увольненіи изъ университета, разбирательство по проступкамъ студентовъ, не восходящимъ къ университетскому суду, и преданіе въ болѣе важныхъ случаяхъ суду и вообще дѣла, касающіяся поведенія студентовъ, в) дѣла о выдачѣ пособій и стипендій, г) совѣщаніе по всѣмъ дѣламъ, которыя будутъ предложены ректоромъ.

Хозяйственный комитетъ, состоящій подъ председательствомъ ректора изъ 4 профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ по одному отъ каждаго факультета, въдаетъ хозяйственныя дѣла университета.

Хозяйственный комитетъ: а) распоряжается суммами, назначенными на содержаніе университета по финансовой снѣжкѣ, б) производитъ расходы изъ спеціальныхъ средствъ не выше 300 руб. въ годъ на одинъ предметъ, в) заключаетъ контракты до 5000 руб., г) составляетъ проектъ снѣжки спеціальныхъ средствъ, д) заводитъ всѣми открытыми ему кредитами и суммами, а также всѣми имуществомъ университета, составляетъ предположенія и производитъ улучшенія по хозяйственной части.

Попечитель утверждаетъ: а) производство расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ до 1000 руб. въ годъ на одинъ предметъ, б) контракты до 7000 руб., в) предположенія объ улучшеніи хозяйственной части. На утвержденіе Министра восходятъ: а) расходы изъ спеціальныхъ средствъ выше 1000 руб. на одинъ предметъ, б) контракты выше 7000 рублей.

Факультетамъ кромѣ функцій, дарованныхъ уставомъ 1884 года, должно быть предоставлено болѣе инициативы и простора, особенно въ ученой и учебной сферахъ дѣятельности. Ихъ компетенціи нужно предоставить всѣ вопросы, связанные съ программами, распределеніемъ предметовъ, дѣятельностью научныхъ студенческихъ кружковъ, окончательное назначеніе стипендій и пособій и ходатайство объ освобожденіи отъ платы, и печатаніе

ученыхъ сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счетъ или отъ имени университета и т. п.

Мотивы. Возстановляя выборное начало и желая, чтобы при немъ существовало единство власти, необходимо сдѣлать совѣтъ средоточіемъ внутренняго университетскаго управленія, высшею его инстанціей, дѣйствительною реальною властью, которой должны подчиняться другіе органы университетскаго управленія: правленіе, поставленное уставомъ 1884 года и практикой, по важнѣйшимъ его функціямъ финансовой администраціи и въ отношеніи учащихся, въ совершенно независимое положеніе, факультетскія собранія, университетскій судъ и товарищъ ректора. Вотъ что говорила по этому поводу Министерская Комmissія, создавшая уставъ 1863 года.

„Каждому изъ этихъ органовъ предоставлена извѣстная инициатива и извѣстная доля власти; но всѣ ихъ дѣйствія подлежатъ или утвержденію, или контролю совѣта. Особенное отношеніе къ совѣту имѣетъ ректоръ, какъ представитель университета. Дѣйствуя подъ контролемъ совѣта и обязанный сообщать ему о своихъ распоряженіяхъ, онъ пользуется, однако, значительною властію, председательствуетъ въ совѣтѣ и правленіи, входитъ съ представленіями къ попечителю округа, сносится съ посторонними вѣдомствами и лицами отъ имени университета, рѣшаетъ, на основаніи особыхъ правилъ, приемъ и увольненіе студентовъ и слушателей, кромѣ случаевъ увольненія за проступки, рѣшаемыхъ по суду, разрѣшаетъ переходъ студентовъ изъ одного факультета въ другой, имѣетъ главное начальство надъ канцеляріею университета, дѣлаетъ выговоры служащимъ за нерадѣніе. Но при всѣхъ этихъ полномочіяхъ, необходимыхъ ректору, какъ представителю университета, и требуемыхъ неизбѣжно для безостановочнаго и правильнаго теченія дѣлъ, онъ принадлежитъ къ ученому сословію университета, и выбирается совѣтомъ изъ про-

фессоровъ на опредѣленный четырехлѣтній срокъ. Эти два условія, связывая его неразрывно съ ученою корпораціею университета, дѣлають его лицомъ, близкимъ къ университету, пользующимся его особымъ довѣріемъ и уваженіемъ, и во имя этого довѣрія и уваженія поставленнымъ самою корпораціею во главѣ университетскаго управленія“.

„Подчинить вѣдѣнію и контролю совѣта все органы университетскаго управленія, въ томъ числѣ и ректора, и возложить чрезъ то на совѣтъ отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ за все дѣйствія по университету, полезно по слѣдующимъ соображеніямъ.

а) Въ каждомъ учрежденіи важно сохранить единство дѣйствія, и, слѣдовательно, необходимо для этой цѣли сосредоточеніе всехъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ или лицѣ.

б) Одноличное управленіе не могло бы рѣшительно достигнуть своей цѣли въ университетѣ, какъ установленіи, имѣющемъ цѣлію—распространеніе науки, требующее совокупныхъ усилій многихъ ученыхъ. Сила университета именно и заключается въ томъ, что въ совѣтѣ его обсуждаются и рѣшаются дѣла соединеніемъ ученыхъ специалистовъ по многоразличнымъ отраслямъ наукъ, и потому такое рѣшеніе не можетъ быть одностороннимъ.

в) Для нравственного авторитета университета, въ глазахъ слушателей, чрезвычайно важно, чтобы все важнѣйшія распоряженія университета исходили и утверждались цѣлою корпораціею профессоровъ.

г) Совѣтъ университета, чтобы имѣть возможность достигать всехъ этихъ цѣлей, долженъ пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ высшаго начальства, выражающимися въ предоставленіи ему самостоятельности. Иначе, совѣтъ является или чѣмъ то постороннимъ, или руками чужой воли: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не можетъ служить опорой начальству, и нисколько

не увеличиваетъ его силы, но только затрудняетъ способности его дѣйствія. Отнять у совѣта самостоятельность значило бы имѣть въ совѣтъ собраніе людей, совершенно равнодушныхъ къ университетскимъ дѣламъ, способныхъ на однѣ мелкія личныя интриги, соперничающихъ другъ передъ другомъ о расположеніи власти, поставленной надъ ними, и внутренне къ ней нерасположенныхъ. Все это можетъ послужить только къ ущербу университетовъ и не въ пользу самого правительства. Самостоятельный университет можетъ сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ должны его сдѣлать люди, пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ, для которыхъ репутація университета есть ихъ личное дѣло; съ другой стороны, и правительство въ первый разъ получить предметъ для наблюденія, потому что университетъ будетъ жить среди бѣлаго дня, а не въ запертой канцеляріи попечителя округа“.

„Обыкновенныя возраженія, приводимыя противъ такой власти совѣта,—что послѣдній при этихъ условіяхъ можетъ превратиться въ замкнутую корпорацію, самодовольную и самоуправную, или, что еще хуже, равнодушную ко всѣмъ дѣламъ университета и занятую однѣми мелкими интригами,—едва ли имѣютъ достаточное основаніе. Самодовольство и самоуправство совѣта не могутъ имѣть мѣста, если совѣтъ обязать будетъ отчетностію предъ высшимъ начальствомъ и предъ обществомъ—представленіемъ отчетовъ о своихъ дѣйствіяхъ и печатаніемъ протоколовъ своихъ засѣданій. Отчетность и гласность — лучшія лѣкарства противъ подобныхъ злоупотребленій. При возложеніи ответственности на совѣтъ и возвышеніи его авторитета, исчезнетъ и замѣчаемое нынѣ равнодушіе къ дѣламъ въ членахъ его,—равнодушіе совершенно естественное, при теперешнемъ, вполнѣ ничтожномъ значеніи совѣта; ослабѣютъ и взаимныя интриги членовъ, всегда являю-

щіяся при такомъ коллегіальномъ устройствѣ, которое
ложно ставить всѣхъ въ подчиненіе одному лицу“.

„Такимъ образомъ, совѣтъ долженъ быть высшею
инстанціей и въ дѣлахъ учено-учебныхъ, сосредото-
ченныхъ въ факультетахъ, и въ дѣлахъ, касающихся
матеріальныхъ нуждъ университета и вѣдаемыхъ прав-
леніемъ, и въ дѣлахъ судебно-административныхъ,
вѣдаемыхъ нынѣ тѣмъ же правленіемъ. Нельзя отнять
у совѣта права распоряженія его финансами, особенно
же его спеціальными средствами, потому что только
совѣтъ *in pleno* можетъ судить настоящимъ образомъ
о сравнительныхъ нуждахъ всѣхъ учебноспомогатель-
ныхъ учрежденій университета и о постепенномъ и
справедливомъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ какъ те-
кущихъ, такъ и назрѣвающихъ“.

Пышнѣйшія функціи правленія нельзя признать
нормальными: уставъ 1884 г. возложилъ на него такіа
обязанности, для удачнаго исполненія конхъ у него
нѣтъ силъ. Можно сказать, что руководящее централь-
ное значеніе перешло по уставу 1884 г. отъ совѣта къ
правленію. А между тѣмъ составъ его остался тотъ же,
что былъ раньше при уставѣ 1863 г., за исключеніемъ
того, что къ ректору и деканамъ были прибавлены
еще инспекторъ съ правомъ рѣшающаго голоса *по
всѣмъ вопросамъ*. Едва ли однако нужно доказывать, что
это участіе инспектора во всѣхъ важнѣйшихъ вопро-
сахъ университетскаго правленія представляетъ явную
аномалію; деканы въ правленіи являются представите-
лями факультетовъ—ихъ матеріальныхъ и учебнообра-
зовательныхъ интересовъ; ихъ участіе въ дѣлахъ прав-
ленія попятно и законно, какъ наиболѣе заслуженныхъ
и достойныхъ представителей профессуры, удовлетво-
ряющихъ учебно-образовательному, служебному цензу.
Но инспекторъ такого ценза не имѣетъ, не имѣетъ также
компетенціи въ дѣлахъ, касающихся учебноспомогатель-
ныхъ учрежденій, да и вообще въ финансовыхъ

вопросахъ правленія, потому что эти послѣднія самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ учеными и учебными. Онъ заинтересованъ только вопросомъ объ учащихея и то далеко не во всѣхъ отношеніяхъ, а только относительно ихъ поведенія. Такимъ образомъ, многотрудныя обязанности въ правленіи могутъ нести ректоръ и 4 члена его. Для того же, чтобы этотъ трудъ не былъ чрезмѣренъ и обременителенъ, необходимо освободить правленіе отъ тѣхъ *новыхъ* обязанностей, которые возложены были на него уставомъ 1884 года и мѣшаютъ его прямымъ задачамъ: прежде всего слѣдуетъ выдѣлить судъ надъ студентами, затѣмъ слѣдуетъ правленіе *исполнительнымъ* органомъ совѣта въ распредѣленіи спеціальныхъ средствъ университета: проектъ смѣты долженъ составляться правленіемъ, всѣ статьи его безъ исключенія фактически, а не номинально, какъ это было доселѣ, должны разсматриваться и утверждаться совѣтомъ и, затѣмъ, передаваться правленію, которое безъ разрѣшенія совѣта не можетъ давать назначенія спеціальнымъ средствамъ и остаткамъ отъ итатнаго ассигнованія. Однимъ словомъ, давать назначенія спеціальнымъ средствамъ долженъ совѣтъ, а тратить ихъ, сообразно его указаніямъ, правленіе. Только тогда, когда этотъ пунктъ получить совершенно ясную редакцію въ уставѣ, исчезнутъ возможныя шнѣ коллизіи между совѣтомъ и правленіемъ на этой почвѣ. И по уставу 1884 года совѣту принадлежитъ „разсмотрѣніе составленнаго правленіемъ росписанія доходовъ и расходовъ по университету“, но только разсмотрѣніе, а не утвержденіе. За совѣтомъ, повидимому, оставалось право разсматривать *всѣ* статьи прихода и расхода спеціальныхъ средствъ. Однако всѣмъ намъ хорошо извѣстно, изъ практики разныхъ университетовъ, что совѣтамъ докладывались не всѣ статьи прихода и расхода; не всегда разсматривалась въ совѣтѣ и статья на непредвидѣнные расходы, составлявшая видную часть смѣты

спеціальныхъ средствъ университета. Нельзя также не признать нежелательнымъ и того, чтобы правленіе, безъ обсужденія дѣла въ факультетѣ, распредѣляло университетскія помѣщенія подъ учебно-вспомогательныя установленія, возводило, между прочимъ и на спеціальныя средства университета, новыя и т. п. Для устрашенія всѣхъ возможныхъ нежелательныхъ недоразумѣній, необходимо предоставить совѣту не только разсмотрѣніе, но, какъ то было по уставу 1863 г., и *окончательное утвержденіе* приходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ и *отчетъ объ израсходованіи ихъ*. Возражаютъ иногда, что совѣту не пристало заниматься финансовыми дѣлами; но въ основѣ этого возраженія лежитъ недоразумѣніе: совѣтъ, конечно, не долженъ вести финансово-хозяйственныхъ дѣлъ, входить въ договоры съ подрядчиками, слѣдить за сохранностью суммъ и т. п.,—все это должно остаться въ вѣдѣніи правленія. Но онъ одинъ только вполне компетентенъ въ рѣшеніи вопроса о наиболѣе цѣлесообразномъ израсходованіи принадлежащихъ ему спеціальныхъ средствъ; ибо онъ одинъ своимъ авторитетомъ можетъ примирить, путемъ гласнаго обсужденія въ присутствіи всѣхъ, разнообразныя интересы. И такъ, правленіе должно играть роль хозяйственно-распорядительнаго органа. Его и слѣдовало бы переименовать въ *хозяйственный комитетъ*, съ тѣмъ, чтобы въ составъ его входили не деканы, а особые члены, избираемые по одному отъ каждаго факультета. При выборѣ въ деканы профессоровъ главнымъ образомъ обращается вниманіе на ихъ ученныя заслуги и нравственный авторитетъ; для успѣшнаго же завѣдыванія хозяйственною частью требуются иного рода способности и знанія, которыя не всегда соединяются съ первыми, а потому нельзя не признать цѣлесообразнымъ освобожденіе декановъ отъ присутствія въ хозяйственномъ комитетѣ. Что же касается декановъ, то они, подъ предѣдательствомъ ректора, должны соста-

чить особую *коллегію декановъ*, къ которой отойдутъ всѣ прежнія функціи правленія, кромѣ хозяйственныхъ судебныхъ. Тогда дѣятельность правленія, раздѣленная между двумя учрежденіями, несомнѣнно сдѣлается успѣшнѣе; хозяйственная часть, которая будетъ находиться въ рукахъ опытныхъ, искусныхъ и любящихъ это дѣло лицъ, подъ прямымъ непосредственнымъ руководствомъ ректора и контролемъ совѣта, будетъ вестись хорошо и не вызывать тѣхъ нареканій, которыя слышатся нынѣ. Коллегія декановъ будетъ имѣть возможность сосредоточить свое вниманіе на тѣхъ дѣлахъ, которыя особенно нуждаются въ ихъ ученой и педагогической опытности и нравственномъ авторитетѣ—студенческихъ и ученыхъ; ректоръ же получитъ въ лицѣ ея членовъ своихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Деканы, освободившись отъ тягостной для нихъ повинности тратить большую часть своего должностнаго времени на хозяйственные дѣла, будутъ имѣть тогда возможность въ большей степени посвятить себя факультетамъ, которыя при самоуправленіи оживятся и, несомнѣнно, потребуютъ болѣе энергичнаго руководства съ ихъ стороны. Теперь же на такое руководство, особенно на многочисленныхъ факультетахъ, у нихъ, при обременительныхъ занятіяхъ въ правленіи, не хватаетъ ни времени, ни силъ. Тогда можно будетъ ожидать отъ факультетовъ не только текущей, но и творческой, такъ сказать, дѣятельности, вызываемой постояннымъ ростомъ науки и расширеніемъ ея потребностей съ одной стороны и запросами учащейся молодежи съ другой. Для установленія общенія между профессорами и студентами, необходимо поднять дѣятельность факультетовъ потому, что общеніе между учащими и учащимися предполагаетъ не только работу отдельныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, а можетъ быть, даже и преимущественно, дѣятельность всей коллегіи, т. е. факультетовъ. Деканы отъ устраненія въ дѣлахъ хо-

займственнаго комитета не потеряютъ своего значенія во 1-хъ потому, что и будущій комитетъ не будетъ такимъ властнымъ органомъ, какъ нынѣшнее правленіе, во 2-хъ потому, что они составятъ новый органъ управленія—коллегію декановъ, и въ 3-хъ потому, что ихъ престижъ поднимется въ факультетѣ и совѣтѣ и при томъ въ направленіи, наиболѣе соотвѣтствующемъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ;—каждый изъ нихъ будетъ въ своемъ факультетѣ тѣмъ, чѣмъ rector magnificus въ совѣтѣ.

3-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли отмѣнить особую плату въ пользу отдѣльных преподавателей?

Отвѣтъ Совѣта. *Эта плата должна быть вообще отмѣнена и оставлена только для приватъ-доцентовъ, читающихъ частныя курсы.*

Мотивы. Совѣтъ Харьковского университета имѣлъ уже случаи высказаться по вопросу о профессорскомъ гонорарѣ, по предложенію покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа Делянова (см. предложеніе попечителя Харьковского учебнаго округа отъ 21 іюля 1897 года за № 5427 на имя ректора Харьковского университета). Избранная для изслѣдованія этого вопроса особая коммиссія представила совѣту докладъ, въ которомъ указывала на нижеслѣдующія неудобства и вредныя вліянія, связанныя съ гонораромъ.

1) Въ виду того, что размѣръ профессорскаго гонорара зависитъ отъ числа студентовъ и распредѣленія ихъ по факультетамъ и курсамъ, система гонорара имѣла своимъ послѣдствіемъ образованіе „выгодныхъ и невыгодныхъ“ для профессорскаго персонала университетовъ, факультетовъ и кафедръ. При этой системѣ профессора и преподаватели (приватъ-доценты) однихъ университетовъ, по преимуществу столичныхъ и Кіевскаго и профессора и преподаватели однихъ факультетовъ (по преимуществу медицинскаго и юридическаго) получаютъ несоразмѣрно большое вознагражденіе сравнительно съ профессорами и преподавателями остальныхъ университетовъ и факультетовъ. Профессора и приватъ-доценты (съ т. наз. „обязательнымъ курсомъ“), читающіе лекціи на младшихъ курсахъ, получаютъ

обыкновенно значительпо большія вознагражденія, чѣмъ профессора и приватъ-доценты, читающіе на старшихъ курсахъ одного и того-же факультета.

2) Средній размѣръ гонорара въ Харьковскомъ университетѣ за 10-лѣтіе съ 1887 по 1897 годъ не превышалъ 282 р. 60 коп. въ полугодіе для профессоръ и 41 р. 69 коп. для приватъ-доцентовъ, включая въ число этихъ послѣднихъ и тѣхъ, которые читали обязательные курсы. Размѣры колебаній въ суммѣ гонорара, получаемого однимъ и тѣмъ же лицомъ, достигали 1311⁰/₀. Благодаря этому обстоятельству, а также незначительности средняго размѣра гонорара, приходящагося на одно лицо преподавательскаго персонала, система гонорара, создавъ матеріальное благосостояніе профессоръ въ нѣкоторыхъ „выгодныхъ университетахъ“ и занимающихъ въ нихъ „выгодныя катедры“, имѣла ничтожное значеніе для поднятія матеріальнаго состоянія въ среднемъ всего преподавательскаго персонала всѣхъ университетовъ.

3) Не увеличивъ въ сколько нибудь значительной степени матеріальнаго благосостоянія преподавательскаго персонала университетовъ, система гонорара легла тяжкимъ бременемъ на учащихся. Историческая справка обнаруживаетъ, что по уставу 1804 года студенты платили за право ученія не вносили. Послѣдняя была введена въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка уже при дѣйствіи устава 1835 года и лишь уставъ 1863 года опредѣлилъ ее въ размѣрѣ 50 руб. годъ въ столичныхъ университетахъ и 40 руб.—въ провинціальныхъ, предоставивъ въ то же время университетамъ уменьшать ее до половины, отсрочивать уплату и совсѣмъ освобождать отъ нея недостаточныхъ студентовъ. Уставъ 1884 года первоначально не имѣлъ въ виду увеличеніе студенческихъ платъ. Плата студентовъ *въ пользу* университетовъ (кромѣ профессорскаго гонорара) была установлена лишь въ 5 рублей въ полугодіе. Но скоро

обнаружилось, что университеты не могут содержать своихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений на ту сумму, которая вносилась студентами въ пользу университетовъ (такъ называемыя „спеціальныя средства“), а потому плата за слушаніе лекцій въ пользу послѣднихъ была повышена до 25 руб. въ полугодіе. Въ настоящее время каждому студенту приходится вносить около 100 руб. въ годъ, изъ которыхъ 50 руб. поступаютъ въ „спеціальныя средства“ университетовъ и около 50 руб. въ пользу университетскихъ преподавателей.

Изученіе *сословнаго* состава русскаго студенчества приводитъ къ заключенію, что студенты въ русскихъ университетахъ въ громадномъ большинствѣ — дѣти дворянъ и чиновниковъ, составляющихъ свыше 63% общаго числа студентовъ; слѣдующую большую группу составляютъ дѣти купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ (свыше 25%). На долю остальныхъ сословій приходится нѣсколько болѣе 10%. Высокая стоимость обученія въ университетахъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что прохожденіе университетскаго курса наиболѣе облегчено съ одной стороны очень богатымъ молодымъ людямъ, а съ другой — совсѣмъ неимущимъ. Для первыхъ такая высокая плата какъ 100 руб. въ годъ, не представляетъ препятствій для поступленія въ университетъ, а люди совершенно неимущіе пользуются обыкновенно разными льготами, освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій и т. д. Какъ разъ та громадная часть русскаго юношества, родители которой пользуются нѣкоторымъ достаткомъ, оказывается въ самомъ затруднительномъ положеніи относительно прохожденія университетскаго курса. Чиновникъ или землевладѣлецъ, получающій 2000 руб. въ годъ дохода отъ жалованія или съ имѣнія, ремесленникъ или мѣщанинъ, обладающій домикомъ въ какомъ либо уѣздномъ захолустьѣ и имѣющій нѣсколько сотенъ рублей дохода отъ сво-

ихъ промысловъ, крайне затруднены въ содержаніи своихъ дѣтей въ университетскихъ городахъ, гдѣ все дорого, начиная отъ скверной комнаты и кончая нездоровой пищей въ кухмистерскихъ. Семья, получающая указанный выше доходъ, (а такихъ семей—громадное большинство) становится совершенно въ безвыходное положеніе, если ей приходится воспитывать не одного ребенка, а нѣсколькихъ, содержать въ университетскомъ городѣ не одного сына, а нѣсколькихъ. Такія семьи вѣстину бѣдныя семьи, хотя они и не могутъ представить свидѣтельство о бѣдности, дающее право на освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій и въ пользу преподавателей. Необходимость снискать окончившему гимназію молодому человѣку студенческое платье, дать ему нѣсколько денегъ на дорогу и для уплаты въ университетъ, на приобрѣтеніе книгъ и проч., часто совершенно подрываютъ благосостояніе семьи и она не въ состояніи бываетъ оказывать ему дальнѣйшую помощь. Такой студентъ принужденъ обращаться въ концѣ концовъ къ общественной благотворительности, ибо поиски за заработками, въ особенности въ провинціальныхъ университетахъ, оказываются тщетными. Отчетъ и данныя объ употребленіи студентами суммъ, выданныхъ имъ изъ Харьковскаго общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Харьковскаго университета, обнаруживаютъ, что громадная часть этихъ суммъ употребляется ими для уплаты за слушаніе лекцій, и такимъ образомъ получается тотъ крайне печальный фактъ, что значительная часть профессорскаго гонорара составляется изъ средствъ, назначаемыхъ для общественной благотворительности.

4) Предположеніе, что введеніе платы въ пользу отдѣльныхъ преподавателей возбудитъ среди послѣднихъ конкуренцію и тѣмъ улучшить качество преподаванія, не оправдалось 16 лѣтнимъ опытомъ. Уставъ 1884 года удерживалъ дѣленіе университетскихъ пред-

метовъ на обязательныя и необязательныя (ст. 66, 70, 71, 72); вскорѣ послѣ введенія этого устава были возстановлены полукурсовые экзамены, а послѣдующими распоряженіями установлены были нормы для пріема студентовъ въ каждый изъ университетовъ, съ приурочиваіемъ окончившихъ курсъ въ гимназій того или иного учебнаго округа къ соотвѣтственному университету. Правда, статьею 73 устава студентамъ было предоставлено право слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ у того изъ преподавателей, у кого они сами пожелаютъ, *если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями*; но, какъ показалъ опытъ, этотъ параграфъ устава въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказался мертвой буквой, а иногда имѣлъ и очень нежелательныя послѣдствія. При общемъ скудномъ матеріальномъ обезпеченіи преподавательскаго персонала, послѣдній, однако, былъ заваленъ работою. Съ трудомъ справляясь по своему предмету, профессоръ только въ исключительномъ рѣдкихъ случаяхъ могъ открыть курсъ, параллельный читаемому другимъ профессоромъ—спеціалистомъ. Но мало того—такой курсъ имѣлъ бы всегда характеръ посягательства на гонораръ своего коллеги по факультету, а это обстоятельство вызывало бы непріятныя послѣдствія личнаго характера и потому совершенно неудивительно, что конкуренціи между профессорами система гонорара не возбудила. Еще менѣе могла она возбудить конкуренцію между профессорами и приватъ-доцентами съ одной стороны и самими приватъ-доцентами съ другой.

Приватъ-доценты русскихъ университетовъ въ большинствѣ случаевъ—молодые магистранты и, по преимуществу, ученики тѣхъ же самыхъ профессоровъ, съ которыми имъ предоставлено право уставомъ конкурировать. Правда, уставъ 1884 года, установивъ званіе приватъ-доцента университета, безъ обозначенія по

какой кафедрѣ онѣ приготовлялся, тѣмъ самымъ, казалось бы, открывалъ широкій просторъ приватъ-доцентамъ читать лекціи по любому изъ предметовъ факультетскаго курса, но, къ счастью, этимъ правомъ воспользовались лишь очень немногіе, такъ какъ большинство приватъ-доцентовъ хорошо сознавали, что излагать учебники еще не значитъ излагать науку. Въ результатѣ оказалось, что приватъ-доценты стали читать по вакантнымъ кафедрамъ или по порученію факультетовъ, или по назначенію Министерства. Такимъ образомъ появились приватъ-доценты съ опредѣленнымъ жалованіемъ, съ обязательнымъ курсомъ, словомъ, подъ другимъ названіемъ были восстановлены упраздненные уставомъ 1884 года *доценты*, но только съ меньшею суммою какъ служебныхъ правъ, такъ и факультетскихъ обязанностей. Всякій приватъ-доцентъ университета мечталъ объ обязательномъ курсѣ или части его, потому что съ нимъ связываемо было все его матеріальное благосостояніе и даже ученое будущее, а при такихъ обстоятельствахъ о конкуренціи между профессоромъ и приватъ-доцентомъ, въ особенности въ малолюдныхъ университетахъ, можно было говорить лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Но такіе случаи бывали, и врядъ ли повтореніе ихъ желательно. При системѣ университетскихъ экзаменовъ, побудительною причиною записыванія у того или другого преподавателя является иногда не талантливость или ученость послѣдняго, а размѣръ его экзаменаціонныхъ требованій, его отношеніе къ экзаменамъ. Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о случаяхъ вреднаго въ нравственномъ отношеніи вліянія очень высокихъ гонораровъ какъ на профессоровъ, такъ и въ особенности на еще не установившихся приватъ-доцентовъ.

5) Размѣръ гонорара по уставу зависитъ отъ числа слушателей; но въ дѣйствительности число слушателей не опредѣляетъ времени, потребнаго профес-

сору на подготовку къ лекціи: будетъ ли у него 50, 100 или даже 5 слушателей, онъ долженъ будетъ употребить на эту подготовку одинаковое время. Однако пельзя не признать, что профессора многочисленныхъ факультетовъ несутъ трудъ большій, чѣмъ профессора факультетовъ малочисленныхъ, если измѣрять трудъ не числомъ читаемыхъ лекцій, а числомъ сочиненій, представляемыхъ студентами, числомъ лицъ, нуждающихся въ учебномъ и ученомъ руководствѣ во время практическихъ занятій, наконецъ, числомъ экзаменуемыхъ. Но найти сколько нибудь справедливое общее мѣрило такого труда не представляется ни малѣйшей возможности. Поэтому Совѣтъ полагаетъ, что для многочисленныхъ университетовъ и факультетовъ слѣдуетъ не сохранять гонораръ, а увеличить численность основного и вспомогательнаго педагогическаго персонала ихъ, отчего выиграли бы и студенты, и наука, и университеты.

6) Въ заключеніе нельзя не отмѣтить моральныхъ сторонъ дѣйствующей системы гонорара. Она развиваетъ не конкуренцію, а зависть между университетскими преподавателями, заставляетъ ихъ иной разъ искать дешевой популярности между студентами, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе экзаменаціонныхъ требованій и *главное*—ставитъ учащихся въ совершенно ненормальныя отношенія къ учащимся. Она не позволяетъ добросовѣстному преподавателю расширить предметъ преподаванія изъ боязни пареканія въ стремленіи увеличить свой гонораръ и можетъ позволить иному, безъ нужды для дѣла, расширеніемъ изложенія предмета увеличить число часовъ преподаванія. На основаніи изложеннаго Совѣтъ приходитъ къ заключенію о необходимости полной отмѣны системы платы со студентовъ въ пользу отдѣльныхъ преподавателей и вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости уменьшенія вообще платы за ученіе въ университетѣ.

4-й ВОПРОСЪ.

Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету заятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія заятія со студентами?

Отвѣтъ Совѣта. *Безбѣдное существованіе небольшой профессорской семьи, соотвѣтственно общественному положенію профессора, при Харьковскихъ цѣнахъ, возможно только при бюджетѣ никакъ не менѣе 6000 руб.*

Мотивы. По уставу 1804 года профессора получали по 2000 руб., а адъюнкты по 800 руб. въ годъ жалованья и, при этомъ, почти всѣ они имѣли прибавки за исполненіе разныхъ обязанностей по университетскому управленію и, кромѣ того, многіе изъ нихъ имѣли казенныя квартиры. Это жалованье считалось въ то время достаточнымъ, въ особенности по сравненію съ жалованьемъ другихъ чиновниковъ, напримѣръ, учителей, получавшихъ до 750 руб. въ годъ. Но, когда въ связи съ континентальной системой Наполеона I, предметы первой необходимости поднялись въ цѣнѣ въ 4—5 разъ, жить на это жалованье оказалось затруднительно, и въ 1810 году уже возникаетъ ходатайство харьковскихъ профессоровъ объ увеличеніи ихъ содержанія. Штаты устава 1835 года явились до нѣкоторой степени отвѣтомъ на измѣнившіяся экономическія условія. Содержаніе профессоровъ было увеличено до 4500 р. асс. для ординарныхъ, 3400 руб. асс. для экстраординарныхъ и 2300 р.—для адъюнктовъ. По штатамъ устава

1863 года, размѣръ содержанія былъ увеличенъ и определенъ въ 3000 руб. *серебромъ* (это равнялось прежнимъ 10500 руб. ассигнаціями) для ординарныхъ, 2000 р. (7 тыс. руб. асс.) экстраординарныхъ и 1200 руб. с. (=4400 р. асс.) для доцентовъ, причемъ въ ценсію, по уставу 1863 года, стало идти *прежнее* профессорское жалованье, переведенное съ ассигнацій на серебро. По штату 1884 г., жалованье осталось прежнее и только ценсія стала равняться содержанію. Такимъ образомъ, послѣ 31 года существованія университетовъ жалованье профессорамъ было увеличено въ $2\frac{1}{4}$ раза, по истеченіи слѣдующихъ 28 лѣтъ оно было увеличено въ $2\frac{1}{3}$ раза, а затѣмъ съ 1863 года до нынѣшняго времени, т. е. почти 40 лѣтъ, остается безъ перемѣны. Если признать, что дороговизна жизни и въ послѣднія десятилѣтія возрастала въ такой же пропорціи, въ какой росла раньше, то нынѣшніе оклады профессоровъ слѣдовало бы увеличить втрое. Но Совѣтъ сознаетъ, что выдача подобныхъ окладовъ могла бы быть затруднительна для государственнаго казначейства и не находилась бы въ соотвѣтствіи съ вознагражденіемъ другихъ служащихъ и потому останавливается на минимальной суммѣ въ 6000 руб., которая необходима для безбѣднаго существованія небольшой профессорской семьи, при нынѣшнихъ харьковскихъ цѣнахъ и при образѣ жизни, соотвѣтствующемъ общественному положенію профессора, въ надеждѣ, что и эти новыя штаты будутъ измѣнены тогда, когда перестанутъ соотвѣтствовать потребностямъ времени. Уже 38 лѣтъ тому назадъ профессорамъ было трудно жить на 3000 р. и они считали желательнымъ окладъ въ 5000 руб.

Извѣстный русскій экономистъ, проф. Горловъ, сдѣлавъ детальный подсчетъ необходимыхъ расходовъ на наемъ помѣщенія, пищу, одежду, прислугу, воспитаніе дѣтей и проч. указывалъ на цифру въ 2942 р.

50 коп., какъ на необходимый minimum, и при этомъ прибавлять: „и такъ, потребно 2942¹/₂ руб., если профессоръ будетъ завтракать на *восемь* (8) коп., если онъ и все его домашніе будутъ всегда ходить и ѣздить; никогда не будутъ звать доктора и покушать лѣкарства, если онъ никогда не будетъ выѣзжать изъ Петербурга въ лѣтнее время, когда Петербургъ необитаемъ отъ пыли, жары и зловонія; если онъ будетъ вести затворническій образъ жизни и никого не будетъ у себя принимать, а самъ никого посѣщать; если онъ не будетъ заботиться объ участи своихъ дѣтей и жены и не будетъ ничего для нихъ сберегать; если у него не будетъ никакихъ экстраординарныхъ семейныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всемъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умеренные и необходимые расходы, бюджетъ его надо возвысить до 4 тые. руб. При 5 тые. руб. содержащая жизнь профессора сдѣлается удобною и привлекательною для молодыхъ ученыхъ, которые, для пріобрѣтенія такихъ выгодъ, войдутъ въ значительную между собою конкуренцію. Необходимость изыскивать для пополненія средствъ существованія новые источники въ видѣ журнальной работы и преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлала положеніе профессора крайне тягостнымъ и отвлекающимъ его отъ занятій чисто научныхъ. Если профессорскій окладъ будетъ возвышенъ до 5 т. р. ординарному и 3500 р. экстраординарному и, по соразмѣрности, другимъ преподавателямъ, то профессоръ будетъ въ состояніи дѣйствительно посвятить себя наукамъ безъ суровыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, и пріобрѣтеніе такого положенія можетъ сдѣлаться цѣлью жизни для самыхъ отличныхъ дарованій“. Эти слова, подъ которыми, несомнѣнно, подпишется громадная часть профессорскаго персонала Россіи, а въ особенности профессора малолетнихъ провинціальныхъ университетовъ, были написаны 38 лѣтъ

тому назадъ, и въ то время совѣтъ Харьковскаго университета выражалъ пожеланія о необходимости увеличить содержаніе преподавателей и чиновниковъ университета, соразмѣрно увеличенію дороговизны и притомъ въ провинціальныхъ университетахъ въ одинаковомъ размѣрѣ со столичными. Последнее мнѣніе основывалось на томъ несомнѣнномъ фактѣ, съ особенною силою проявляющемся въ последнее время, что такіе провинціальные города, какъ Кіевъ, Харьковъ и Одесса, по дороговизнѣ квартиръ и другихъ предметовъ первой необходимости, не отличаются отъ столицъ, по отношенію же къ культурнымъ удобствамъ стоятъ ниже послѣднихъ.

Съ тѣхъ поръ жизнь, какъ то извѣстно всякому, значительно вздорожала. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, достигшее своего максимума въ 80 годахъ, особенно сильно отразилось на благосостояніи преподавательскаго персонала, тѣмъ болѣе, что послѣдній, въ силу своего положенія, долженъ былъ въ особенности часто обращаться за покупками товаровъ иностраннаго происхожденія (книги, инструменты и проч.). Тѣмъ не менѣе уставъ 1884 года оставилъ въ видѣ „временныхъ“ прежніе штаты, предоставивъ только профессорамъ студенческій гонораръ.

Цѣлостраціей тѣхъ условій, при которыхъ приходится жить профессорамъ Харьковскаго университета, можетъ служить нижеслѣдующая табличка, составленная на основаніи конкретнѣхъ записей, ведшихся съ 1892 по 1896 годъ включительно однимъ изъ нихъ. Семья составители этой таблички состоитъ изъ мужа и двухъ дѣтей (мальчикъ 13 и дѣвочка 11 лѣтъ). Эта семья тратила среднимъ числомъ въ мѣсяцъ:

На наемъ помѣщенія	58 р. 33 к.
Отопленіе.	10 „ — „
Освѣщеніе.	3 „ 36 „

Прислуга	35 р.	70 к.
Пища	94 „	17 „
Одежда и обувь	40 „	— „
Обученіе дѣтей и книги	22 „	92 „
Удовольствія и лакомства	12 „	37 „
Лѣченіе и лѣкарства	9 „	88 „
Куреніе.	3 „	42 „
Извозчики.	5 „	1 „
Благотворительность	7 „	67 „
Ремонтъ хозяйственнаго инвентаря, мойка бѣлья, починка мебели, раздача „на водку“ и другіе случайные расходы	44 „	88 „

Итого въ мѣсяць . 347 р. 71 к. или 4166 руб. 4 к. въ годъ. Здѣсь еще нѣтъ нѣкоторыхъ необходимыхъ статей бюджета, напримѣръ, расхода на научныя книги, научныя пособія, на дачу и др. Вообще, при разсмотрѣннй скромныхъ цифръ этой таблицы, невольно вспоминаются горькія слова профессора Горлова.

Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ гонорара, который, по десятилѣтнему подсчету, давалъ для профессоровъ трехъ факультетовъ въ среднемъ по 700 р. въ годъ, желательно было бы увеличить ихъ нынѣшніе оклады вдвое. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы размѣры *пенсій* соответствовали, какъ это мы видимъ и нынѣ, размѣрамъ содержанія, а также чтобы была введена градація *пенсій*, т. е. выдавались бы *пенсії* и за болѣе короткіе сроки, начиная съ 5 лѣтъ, независимо отъ оставленія службы *по болѣзни*. По означенному расчету должна производиться выдача *пенсій* и семьѣ профессора, въ случаѣ его смерти на службѣ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ сдѣлать добавленіе къ ст. 155 Унив. Устава 1884 г.

Матеріальное обезпеченіе преподавательскаго персонала университетовъ есть одно изъ необходимыхъ условій для развитія отечественной науки, которая возвратитъ

населенію взятія съ него средства сторицею; перенесеніе тѣхъ уплатъ, которыя производитъ въ настоящее время русское студенчество на всю массу населенія, дать этой послѣдней большее число образованныхъ учителей, судей, администраторовъ, врачей, будетъ способствовать развитію технического знанія и тѣмъ самымъ увеличить нравственное и матеріальное благосостояніе всего общества.

Говоря о прибавкѣ жалованья профессорамъ, нельзя обойти вопроса о крайне скудномъ матеріальномъ обезпеченіи остального персонала служащихъ въ университетѣ лицъ. Совѣтъ ниже указываетъ размѣръ необходимаго содержанія для доцентовъ, стипендіатовъ и лицъ, командируемыхъ съ ученою цѣлью за границу. Но необходимо также соотвѣтственно поднять оклады прозекторовъ, ихъ помощниковъ, ассистентовъ, лаборантовъ, ординаторовъ, астронома-наблюдателя, бібліотекаря, помощниковъ бібліотекаря (объ этихъ послѣднихъ было возбуждено Харьковскимъ университетомъ специальное ходатайство), архиваріуса. Наконецъ, слѣдуетъ пересмотрѣть также штаты содержанія и пенсій чиновниковъ, завѣдующихъ канцелярскою частью въ университетѣ, и во всякомъ случаѣ устранить аномалію нынѣшняго устава, по которой казначей и бухгалтеръ, занимающіе столь отвѣтственныя должности по финансовой части, имѣютъ право на пенсію, по выслугѣ 35 лѣтъ, въ 171 р. 60 к. (См. 3-й томъ Свода Законовъ кн. 2-я, изд. 1896 г., стр. 162 и 163 и 14), и это потому, что должности ихъ положены въ IX-мъ классѣ; необходимо во всякомъ случаѣ уравнивать ихъ должности по классамъ съ должностями секретаря правленія, секретаря по студенческимъ дѣламъ и эскутера, которые состоятъ въ VIII классѣ и получаютъ по 428 р. 85 к. пенсіи.

5-й ВОПРОСЪ.

Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно ли допускать занятіе ими другихъ должностей въ университетѣ или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то какія должности и какія занятія по вольному найму совмѣстимы со званіемъ и обязанностями профессора? Въ связи съ этимъ, желательно ли сохранить статью 467 общаго устава университетовъ (Св. Зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), или она требуетъ измѣненія и въ какомъ смыслѣ?

Отвѣтъ Съѣзда. *Занятіе профессоромъ постороннихъ, постоянныхъ, платныхъ должностей и службы по найму нежелательно, но въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть допущено, при условіи, если таковыя должности не мѣшаютъ при этомъ исполненію профессоромъ стоящихъ въ соотношеніи съ достоинствомъ его званія; опредѣленіе этихъ должностей и занятій, которыя должны быть признаны несовмѣстимыми, принадлежитъ Съѣзду. 467-я ст. общаго устава университетовъ (о часовомъ нормѣ) соблюдеть, по мнѣнію Съѣзда, означенныя и замѣрить соблюдающей: означенные преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета столько часовъ въ недѣлю, сколько, на основаніи представленій или соображеній и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, назначитъ или факультетъ, съ университетомъ Съѣзда.*

Мотивы. Необходимо дѣлать строгое различіе между занятіемъ постороннихъ университету должностей и службою по найму и такими занятіями, какъ, напримѣръ, медицинская практика и учено-литературные труды. Въ данномъ вопросѣ, о совмѣстительствѣ рѣчь

можетъ идти только о первыхъ, по нѣкомъ образомъ не можетъ касаться вторыхъ, хотя и тѣ, и другія оплачиваются извѣстными гонорарами. Зачастую совмѣщеніе оказывается неизбежнымъ и даже желательнымъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ является единственнымъ въ краѣ представителемъ извѣстной спеціальности, и само правительство или общественныя учрежденія призываютъ его къ соответственной посторонней дѣятельности. Преподаваніе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и медицинская практика, въ извѣстныхъ предѣлахъ, не препятствуютъ правильному теченію преподавательской дѣятельности профессора въ университетѣ и не противорѣчатъ его прямымъ обязанностямъ; напротивъ, они подчасъ даже вытекаютъ изъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, совмѣстительство въ принципѣ нежелательно, но регламентація постороннихъ занятій профессора представляется невозможною; нѣкоторою гарантіею въ этомъ отношеніи можетъ служить правственная оцѣнка кандидатовъ въ профессора со стороны факультетовъ и совѣта. А кромѣ того желательно вмѣшательство въ извѣстныхъ предѣлахъ совѣта, который могъ бы высказываться въ отдѣльныхъ случаяхъ о допустимости совмѣщенія постороннихъ должностей или службы по найму.

Признавая желательной отмѣну 6 часовой нормы, Совѣтъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что число часовъ чтенія и практическихъ занятій находится въ зависимости отъ содержанія и характера курса, отъ размѣра свободнаго времени, которымъ могутъ располагать студенты, и потому вмѣсто общей нормы призналъ болѣе удобнымъ предоставить рѣшеніе этого вопроса факультетамъ.

6-й ВОПРОСЪ.

Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльных преподавателей?

Отвѣтъ Совѣта. *Гарантія научности и достоинства преподаванія отдѣльных преподавателей заключается въ надлежащемъ выборѣ ихъ на ихъ должности въ факультетъ и совѣтъ. Контроль факультетовъ надъ научностью и полнотою преподаванія долженъ заключаться въ обсужденіи, согласованіи и утвержденіи плановъ, представляемыхъ преподавателями чтеній и практическихъ занятій. О результатахъ исполненія плановъ преподаванія преподаватели должны сообщать къ свѣдѣнію факультетовъ въ концѣ года. Планы преподаванія факультетскихъ предметовъ печатаются во всеобщее свѣдѣніе.*

Мотивы. Совѣтъ, при обсужденіи этого вопроса, исходилъ изъ той мысли, что установить какія либо вѣщныя мѣры контроля надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльных преподавателей, хотя-бы даже въ видѣ неизмѣнныхъ программъ преподаванія, разъ навсегда утвержденныхъ высшею административною властію, невозможно безъ существеннаго вреда какъ для преподаванія, такъ и для развитія науки. Опытъ прошлаго достаточно убѣждаетъ, что такъ называемыя „министерскіе примѣрные планы преподаванія“, введенныя въ дѣйствіе уставомъ 1884 года для государственныхъ экзаменовъ, фактически не исполнялись и имѣли своимъ послѣдствіемъ лишь изданія всякаго рода „речетиторіумовъ“, „повторительныхъ курсовъ“ и т. п., съ которыми, въ виду ихъ

крайней ненаучности, приходилось бороться даже самими председателями экзаменаціонных комиссій, такъ какъ студенты зачастую являлись на экзамены, только запомнимъ тѣ ненаучныя и скудныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ таковыхъ изданіяхъ. Никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что настоящій ученый не будетъ вести ненаучнымъ образомъ своего преподаванія, и если факультетамъ и совѣтамъ университетовъ будетъ предоставлено право самопополненія путемъ выбора новыхъ преподавателей и перебаллотировки, послѣ извѣстнаго срока, старыхъ, то тѣмъ самымъ наука и достоинство преподаванія каждаго отдѣльнаго преподавателя будетъ надлежащимъ образомъ гарантирована. Остается вопросъ о полнотѣ преподаванія и о согласованіи преподаванія отдѣльных предметовъ. Совѣтъ полагаетъ, что *полнота* преподаванія отдѣльнаго предмета не должна идти въ ущербъ науке и потому врядъ ли было бы целесообразно требовать отъ каждаго отдѣльнаго преподавателя, чтобы онъ непременно излагалъ предметъ своего преподаванія *во всемъ его объемѣ*. Задача университетскаго преподавателя заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы развить въ слушателяхъ интересъ къ научной работѣ и мысленію и познакомить ихъ съ методами изслѣдованія, употребляемыми въ каждой отдѣльной дисциплинѣ. Вопросъ объ объемѣ сообщаемыхъ каждымъ преподавателемъ знаній имѣетъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія хотя и важное, но второстепенное значеніе. Разсчитывать, чтобы университетъ выпускалъ готовыхъ ученыхъ или практическихъ дѣятелей, конечно, нельзя, но необходимо, чтобы онъ выпускалъ такихъ лицъ, которыя въ дальнѣйшей своей дѣятельности умѣли бы ориентироваться и знали, гдѣ и какъ имъ нужно искать того, чѣмъ имъ необходимо будетъ пополнить свои научныя познанія. Наука подвигается впередъ трудами отдѣльныхъ ученыхъ, и мало-по-малу

область ея расширяется все болѣе и болѣе. Лѣтъ 40—50 тому назадъ неизвѣстны были такіе отдѣлы химіи, физики, біологіи, общественныхъ и историческихъ наукъ, которые въ настоящее время разрослись даже въ совершенно самостоятельныя области знанія. При такомъ положеніи вещей никто лучше факультетовъ не можетъ опредѣлить, что именно должно быть выбрано изъ сокровищницы знанія и преподаано студентамъ какъ въ видѣ общихъ, такъ и спеціальныхъ курсовъ. Членовъ Совѣта не пугаетъ мысль, что въ зависимости отъ личнаго состава факультетовъ въ однихъ университетахъ планы преподаванія будутъ одни, а въ другихъ — другіе. Это будетъ лишь служить доказательствомъ широкаго движенія впередъ самой науки, которая всегда стремится расширить свои рамки. Но Совѣтъ полагаетъ, что самый фактъ факультетскаго обсужденія и утвержденія плановъ преподаванія, сообщенія факультетамъ преподавателями результатовъ преподаванія въ концѣ каждаго учебнаго года и печатанія этихъ плановъ во всеобщее свѣдѣніе будетъ служить вполне достаточнымъ контролемъ за полнотой, научностью и достоинствомъ преподаванія. Превратившись въ дѣйствительно ученые коллегіи, какими должны быть факультеты, эти послѣдніе, по взаимному согласію специалистовъ, ихъ составляющихъ, несомнѣнно, будутъ имѣть возможность отвести каждому предмету факультетскаго преподаванія то мѣсто, которое онъ долженъ занимать во всей системѣ факультетскихъ наукъ, и тѣмъ самымъ ограничить сильныя отклоненія отъ принятой и согласованной системы преподаванія.

7-й ВОПРОСЪ.

Не нужны ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны они занимать и въ какихъ отношеніяхъ находиться какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету?

Отвѣтъ Совѣта. *Помощники профессоровъ въ видѣ прозекторовъ, ассистентовъ, лаборантовъ и причетъ-фацинтовъ нужны, и число ихъ должно быть увеличиваемо, сообразно потребностямъ; новыя особы должны быть помощники профессоровъ не нужны.*

Мотивы. Помощники профессоровъ, какихъ имѣть въ виду Совѣтъ, существуютъ въ настоящее время въ видѣ прозекторовъ, лаборантовъ, ассистентовъ и проч., но преимуществу на медицинскомъ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Эти лица готовятъ необходимыя пособія и матеріалы при чтеніи лекцій, помогаютъ профессорамъ вести практическія занятія со студентами, иногда руководятъ этими занятіями по указанію профессоровъ и исполняютъ другія обязанности, частью ученаго характера, частью по заведыванію хозяйствомъ кабинетовъ, лабораторій и т. д. Чѣмъ болѣе студентовъ имѣется на этихъ факультетахъ, тѣмъ большая нужда оказывается въ этомъ вспомогательномъ учебномъ персоналѣ, и совѣтъ Харьковского университета не разъ уже имѣлъ случай указывать какъ на его недостаточность, такъ и на крайне недостаточное его матеріальное обезпеченіе. Донынѣ такихъ лицъ не было только на юридическомъ и историко-филосо-

логическомъ факультетахъ. Но въ послѣднее время преподаватели этихъ факультетовъ стали обращать все большее и большее вниманіе на развитіе практическихъ занятій почти по всеѣмъ предметамъ факультетскаго преподаванія, и такимъ образомъ вопросъ о младшемъ преподавательскомъ персоналѣ 2-хъ послѣднихъ названныхъ факультетовъ возникъ на почвѣ дѣйствительной потребности. Необходимость такихъ лицъ на многолюдныхъ факультетахъ, каковъ юридическій, не требуетъ, повидимому, какихъ либо доказательствъ. На профессора, читающаго курсъ лекцій, никоимъ образомъ нельзя возлагать обязанности посвящать все свое время занятіямъ со студентами: въ этомъ случаѣ профессору пришлось бы не только отказываться отъ всякой научной работы, но онъ не имѣлъ бы времени даже для подготовленія къ очереднымъ, текущимъ лекціямъ. Но несомнѣнно важно и нужно, чтобы профессоръ взялъ на себя руководство и отчасти веденіе практическихъ занятій, указать бы на тѣ приемы и матеріалы, которыми слѣдуетъ при нихъ пользоваться, и тѣмъ самымъ принимать бы и личное участіе въ этихъ занятіяхъ, посвящая имъ, однако, болѣе или менѣе ограниченное число недѣльныхъ часовъ. Помощники, подъ наблюденіемъ профессоровъ, могли бы исполнять роль ближайшихъ руководителей студентовъ, постоянно присутствовать при ихъ упражненіяхъ въ университетѣ и въ то же время готовить тѣ матеріалы и пособія, которыя нужны профессору при чтеніи лекцій. На малолюдныхъ факультетахъ помощники также могутъ иногда оказаться полезными и необходимыми, когда, напримѣръ, извѣстный предметъ очень обширенъ, а профессоръ не имѣетъ ни товарища по преподаванію, ни доцента, ни приватъ-доцента. Приватъ-доценты могли бы представлять прекрасный контингентъ для выбора изъ нихъ такихъ помощниковъ профессоровъ, и имъ можно было бы поручать

или чтеніе спеціальныхъ курсовъ, или веденіе практическихъ занятій.

Такимъ образомъ какой либо особой должности помощниковъ профессоровъ, по мнѣнію Совѣта, не требуется, а желательно только увеличеніе числѣ существующаго младшаго преподавательскаго персонала и улучшеніе его матеріальнаго обезпеченія.

8-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣненія свободныхъ кафедръ? Не слѣдуетъ ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

Отвѣтъ Совѣта. Желательно возстановить институтъ штатныхъ доцентовъ. Для занятія должности доцента необходимо имѣть первой ученой степени—магистерской, если будутъ сохранены обѣ, а если останется одна докторская, то—экзаменъ, диссертациію *pro senia legendi* и, по усмотрѣнію факультета, предварительнаго чтенія лекцій въ качествѣ приватъ-доцента (оно 3-го мѣсяцевъ до 3-го мѣсяца); затѣмъ должны быть оцѣнка и баллотировка въ факультетъ, баллотировка въ совѣтъ и утвержденіе министромъ. Доценты участвуютъ съ правомъ решающаго голоса во всѣхъ дѣлахъ факультета, за исключеніемъ баллотировокъ декана, секретаря и профессоровъ (но съ правомъ совѣщательнаго голоса при выборѣ профессоровъ). Содержаніе имъ слѣдуетъ назначить въ размѣръ 3000 р. въ годъ. Институтъ приватъ-доцентовъ также желательно оставить. Для полученія званія приватъ-доцента необходимы: а) представленіе университетскаго или соответствующаго ему диплома, б) диссертациію *pro senia legendi* съ colloquiіумомъ, в) или въ 2 пробныхъ лекціяхъ, г) оцѣнка и баллотировка въ факультетъ. Лица, выдержавшія экзаменъ на ученую степень или пріобрѣтшія известность учеными трудами, освобождаются отъ представленія диссертациію *pro senia legendi*. Профессоры другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, стоящихъ на одномъ уровнѣ съ уни-

верситетами, могутъ быть допускаемы къ приватъ-доцентурѣ на основаніи одной факультетской оцѣнки безъ другихъ требованій. Выборы всѣхъ категорій приватъ-доцентовъ должны подлежать утвержденію совѣща. Служебное положеніе приватъ-доцентовъ должно остаться безъ измѣненія. Изъ категорій вольныхъ приватъ-доцентовъ, читающихъ необязательные курсы, факультеты могутъ выделять такихъ, которымъ, въ случаѣ необходимости, будетъ поручаться временно преподаваніе полезныхъ дополнительныхъ курсовъ и веденіе практическихъ занятій, съ выдачею или за это вознагражденія. Вольные же приватъ-доценты могутъ получать гонораръ.

Мотивы. Вопросъ о приватъ-доцентурѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о штатной доцентурѣ, упраздненной уставомъ 1884 г.; необходимо возстановить эту послѣднюю, что мотивируется слѣдующими соображеніями: а) штатная должность доцента въ высокой степени желательна съ точки зрѣнія потребностей факультетовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наличный составъ преподавателей оказывается недостаточнымъ; б) штатная доцентура является естественною переходною ступенью къ занятію кафедры (къ профессурѣ); в) штатные доценты могли бы съ успѣхомъ преподавать тѣ отдѣлы науки, для которыхъ не требуется отдѣльной профессуры; г) штатная доцентура могла бы служить для удержанія при университетѣ лицъ (съ правомъ на профессуру), которыхъ факультетъ считаетъ достойными и полезными, но для которыхъ нѣтъ свободнаго профессорскаго оклада. — Отъ упраздненія доцентуры произошли столь значительныя неудобства, что вопреки дѣйствующему уставу 1884 г., уничтожившему этотъ институтъ, его пришлось снова возстановить, только подъ другимъ именемъ (приватъ-доцентовъ съ окладомъ). Для полученія званія профессора требуется высшая ученая степень — доктора. Между тѣмъ русскіе университеты не такъ богаты учеными

силами, чтобы можно было замѣстить всѣ каѳедры лицами, имѣющими эту степень. Поэтому преподаваніе по многимъ, даже основнымъ, каѳедрамъ приходилось поручать временно-исправляющимъ обязанность профессора (бывшимъ доцентамъ) или приватъ-доцентамъ (по 64 ст. устава), въ большинствѣ случаевъ даже не магистрамъ, а магистрантамъ, и затѣмъ такія порученія возобновлялись изъ года въ годъ, иногда въ теченіе 14-ти лѣтъ, какъ это было, напр., у насъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Трудность замѣщенія каѳедръ лицами, имѣющими высшую ученую степень, съ одной стороны, и желаніе обезпечить положеніе молодыхъ ученыхъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ своими трудами или преподавательской дѣятельностью, съ другой, по необходимости повели къ отступленіямъ отъ устава, съ Высочайшаго разрѣшенія. Признавъ, такимъ образомъ, необходимость возстановленія штатной доцентуры, совѣтъ постановить отдѣльно обсудить вопросъ объ ученыхъ степеняхъ и свои соображенія также представить Министерству. Если будутъ удержаны обѣ степени, то для полученія званія штатнаго доцента необходимо имѣть первую (магистерскую) степень. Если-же вмѣсто двухъ ученыхъ степеней будетъ установлена одна, докторская, то въ такомъ случаѣ, надлежитъ предъявлять лицамъ, ищущимъ званія штатнаго доцента слѣдующія требованія: экзамень, защита диссертациі *pro venia legendi* и, по усмотрѣнію факультета, приватъ-доцентура, какъ временный искусъ (напр. на 3 мѣсяца, на $\frac{1}{2}$ года, на годъ и т. д. до 3-хъ лѣтъ). Что касается диссертациі, то здѣсь имѣется въ виду не тотъ родъ диссертациі *pro venia legendi*, какой былъ принятъ для полученія права на приватъ-доцентуру, а болѣе серьезный трудъ, приближающійся къ типу магистерской диссертациі.

По вопросу о жалованіи штатныхъ доцентовъ Совѣтъ остановился на суммѣ 3000 руб.

Разъ признана была необходимость введенія штатной доцентуры на вышеизложенныхъ основаніяхъ, то вопросъ о приватъ-доцентурѣ получаетъ слѣдующую постановку: *приватъ-доцентура* должна быть разсматриваема какъ родъ „свободной профессіи“, участіе приватъ-доцентовъ въ университетскомъ преподаваніи не только допускается, но и расширяется, въ интересахъ, какъ факультетскаго преподаванія, такъ и вообще развитія научной дѣятельности университета. Чтобы возможно широко обставить преподаваніе на каждомъ факультетѣ и предоставить возможность всякому ученому дѣлиться своими изслѣдованіями съ обществомъ, и въ тоже время создать ему наилучшія условія для продолженія его занятій, предоставивъ учебно-вспомогательныя учрежденія университета, Совѣтъ призналъ необходимымъ сохранить вольную приватъ-доцентуру и никоимъ образомъ не ограничивать числа приватъ-доцентовъ. Расширенную въ этомъ смыслѣ приватъ-доцентуру однако отнюдь не слѣдуетъ разсматривать, какъ переходную ступень къ обязательному занятію той или другой кафедрой. Утверждая кого-либо въ званіи приватъ-доцента, университетъ оказываетъ ему только нѣкоторую услугу и предоставляетъ ему въ пользованіе свои помѣщенія и, въ извѣстныхъ случаяхъ, учебно-вспомогательныя пособія, но не беретъ на себя никакихъ обязательствъ и заботъ о дальнѣйшей его судьбѣ. Вольный приватъ-доцентъ, особенно изъ числа работающихъ въ опытныхъ наукахъ, можетъ быть отличнымъ специалистомъ въ какомъ-нибудь, хотя и очень узкомъ, отдѣлѣ той или другой науки; можетъ въ этой области получить новыя самостоятельные выводы, можетъ имѣть свою оригинальную точку зрѣнія на тотъ предметъ, съ которымъ онъ пожелаетъ ознакомить слушателей. Можно указать, напримѣръ, на профессора математики Цингера, который, не будучи ботаникомъ, могъ бы читать въ качествѣ при-

вать-доцента, весьма полезный практическій курсъ по систематикѣ растеній, на извѣстнаго священника о. Іоанна Израилева, знатока акустики, на другого священника Первушина, прославившагося самостоятельными изслѣдованіями по теоріи чиселъ. Можно было бы вспомнить о знаменитомъ англійскомъ физикѣ Фарадеѣ, который нисколько не упизилъ достоинства Лондонскаго королевскаго Общества, когда ему, благодаря отчасти случайности, пришлось прочесть публичный курсъ лекцій по электричеству въ то время, когда онъ не имѣлъ на это никакого формальнаго права... Поставивъ необходимымъ условіемъ для вольнаго привать-доцента экзамень на ученую степень, мы устранили бы всѣ возможные случаи, подобные только что указанному, и причинили бы только существенный вредъ наукѣ.

9-й ВОПРОСЪ.

Какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

Отвѣтъ Совѣта. *Выборъ стипендіатовъ на кафедрѣ предоставитъ факультетамъ. Увеличить размѣръ стипендій, назначаемыхъ молодымъ людямъ, оставляемымъ для приготовленія къ профессорскому званію до 1200 р. (вдвое) на срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, по усмотрѣнію факультета. Стипендіаты могутъ быть отправляемы потомъ въ ученую командировку за границу и Россію на одинъ или на два года, по представленію факультетовъ, съ содержаніемъ по 2400 р. въ годъ.*

Мотивы. Необходимо уничтожить существующій нынѣ обычай, по которому иногда сами молодые люди, желающіе сдѣлаться казеннокоштными стипендіатами подаютъ объ этомъ прошеніе въ факультетъ. Нужно, чтобы инициатива оставленія при университетѣ исходила отъ спеціалиста. Но такъ какъ иногда нѣкоторые профессора, даже выдающіеся, избѣгаютъ оставлять по своимъ кафедрамъ стипендіатовъ, то необходимо, чтобы оставленіе стипендіатами талантливыхъ и усердныхъ молодыхъ людей лежало на обязанности не одного спеціалиста, но и всего факультета. На ряду съ казеннокоштными стипендіатами слѣдуетъ по прежнему оставить и своскоштныхъ. Назначая срокъ для стипендіатства отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, Совѣтъ полагаетъ, что ближайшее опредѣленіе этого срока въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть предоставлено факультету, который, видя неуспѣшность занятій стипендіата можетъ прекратить выдачу ему стипендіи

Увеличить размѣры стипендій необходимо для того, чтобы стипендіаты не отвлекались отъ научной подготовки посторонними запятіями ради заработка и были уравнены, по крайней мѣрѣ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія, со своими перѣдко менѣе талантливыми товарищами, поступающими на государственную службу; желательно, что-бы суммы, предназначаемыя для стипендіатовъ и ихъ ученыхъ командировокъ, отпускались въ распоряженіе каждаго университета въ отдѣльности, дабы избѣжать той крайней неравномѣрности въ распредѣленіи ихъ, какая существуетъ нынѣ. По уставу 1804 г. штатныя средства для командировокъ были приурочены къ отдѣльнымъ университетамъ. Программы занятій должны даваться факультетами стипендіатамъ, но не должны стѣснять ихъ научныхъ занятій, необходимо предоставлять извѣстный просторъ индивидуальнымъ наклонностямъ. По окончаніи стипендіатства слѣдовало бы стипендіатовъ отправлять за границу для ознакомленія на мѣстѣ съ европейскою наукой и жизнью,—только тогда могутъ выйти изъ нихъ настоящіе ученые профессора съ широкими горизонтами.

10-й ВОПРОСЪ.

Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемого ими университетскаго образованія?

Отвѣтъ Совѣта. *Необходимо устраненіе излишняго формализма и регламентаціи въ дѣлѣ преподаванія и предоставленіе большей свободы совѣтамъ и факультетамъ въ распредѣленіи предметовъ и измѣненіи программъ; необходимы улучшеніе средней школы и установленіе связи между нею и университетами, улучшеніе матеріальнаго положенія студентовъ, расширеніе и улучшеніе учебно-воспитательныхъ учрежденій.*

Мотивы. Благотворно повліять на возбужденіе интереса къ занятіямъ студентовъ можетъ, прежде всего, поднятіе уровня самой профессорской коллегіи, пробужденіе въ ней бодрости и энергіи вмѣстѣ той апатіи и индифферентизма, которые теперь — и совершенно естественно — господствуютъ въ стѣнахъ университетовъ. Разъ измѣнится общая духовная атмосфера въ университетахъ, измѣнится, падо надѣяться, и настроеніе студентовъ: въ нихъ пробудится бѣлая жажда знанія, интереса и болѣе благоговѣйное отношеніе къ наукѣ и подымется уровень ихъ образованія. — Необходимымъ условіемъ является *устраненіе излишняго формализма и регламентаціи*, которые такъ мѣшаютъ живому дѣлу университетскаго преподаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ достоинство профессора. Существуютъ заранѣе установленныя программы, распредѣленіе лекцій идетъ каждый годъ на утвержденіе министерства; подлинныя рапорты профессоровъ изъ года въ

годъ представляются туда же; нельзя перенести лекцій съ одного дня или даже часа на другой безъ особаго на то разрѣшенія (сначала самого Министра, потомъ—почетителя). Между тѣмъ въ университетѣ въ сущности немислимы установленныя на цѣлый рядъ лѣтъ программы; наука постоянно движется, совершаются открытія, возникаютъ новыя научныя дисциплины и отдѣлы; заключить университетское преподаваніе въ рамки заранее опредѣленной на цѣлые годы программы, регламентировать его до мельчайшихъ подробностей—значить обречь его на рутину и отсталость.—Что касается *практическихъ занятій*, какъ средства къ поднятію уровня знанія, о которыхъ такъ много теперь говорятъ и отъ которыхъ многого, повидимому, ожидаютъ, то, разумѣется, они необходимы и полезны. Но они не могутъ и не должны совершенно замѣнить лекцій и лекціонную систему. Иная лекція способна возбудить интересъ въ студентахъ и побудить ихъ къ работѣ гораздо больше, чѣмъ какія бы то ни было практическія занятія. Многое здѣсь зависитъ отъ *индивидуальности* профессора: одинъ—прекрасный и полезный лекторъ, но плохой руководитель при практическихъ занятіяхъ, другой—наоборотъ. Дѣлать обязательно ту или другую систему, замѣнять одну другою, это значило бы связывать индивидуальность профессора, не давать ему возможности проявить именно тѣ его качества, которыя составляютъ его силу. Многое зависитъ также отъ самого предмета или того отдѣла, который изучается, наконецъ—даже—отъ даннаго состава слушателей. И здѣсь всякая излишняя регламентація скорѣе можетъ повредить, нежели помочь дѣлу. Нужно предоставить каждому преподавателю и факультетамъ широкую свободу пользоваться тѣмъ или другимъ средствомъ для того, чтобы возбудить интересъ въ студентахъ и поднять уровень ихъ знаній... Въ настоящее время обязательны такъ называемые *общіе*

курсы, большею частью читаемые изъ года въ годъ. Необходимо ограничить ихъ преобладаніе, такъ какъ изъ за обязательныхъ общихъ курсовъ ни у преподавателей, ни у студентовъ не хватаетъ времени для *курсовъ специальныхъ*, которые иногда лучше общихъ могутъ заинтересовать студентовъ и ознакомить ихъ съ наукою и научными приемами. Чтеніе изъ года въ годъ общихъ курсовъ по однимъ и тѣмъ же программамъ въ концѣ концовъ прискучаетъ профессору, и это неминуемо сказывается, конечно, и на его изложеніи. Многихъ отдѣловъ, по которымъ имѣются удовлетворительныя пособія на русскомъ языкѣ, профессоръ могъ бы не читать вовсе, отсылая слушателей, въ интересахъ ихъ самостоятельности, къ такимъ пособиямъ, а освободившіеся такимъ образомъ часы съ большею пользою употребить на спеціальныя курсы или на практическія занятія... Вообще профессорамъ и факультетамъ должна быть предоставлена большая свобода въ выработкѣ программъ.—Измѣненіе существующихъ программъ будетъ немало содѣйствовать возбужденію интереса студентовъ къ научнымъ занятіямъ. Некоторые предметы уже по своему содержанію отталкиваютъ большинство студентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаютъ не мало времени, такъ какъ занимаютъ нынѣ первенствующее положеніе среди другихъ (напр. классическая филологія на историко-филологическомъ факультетѣ или римское право на юридическомъ).

Ныгѣшнее распредѣленіе предметовъ между факультетами требуетъ измѣненія, и желательно, чтобы факультетамъ и совѣту дано было право, по мѣрѣ надобности и роста наукъ, производить дальнѣйшія измѣненія съ надлежащаго разрѣшенія. Для примѣра можно указать на историческое отдѣленіе филологическаго факультета; ясно, что въ кругъ читаемыхъ здѣсь предметовъ не входятъ многіе, необходимыя историкъ, напр. исторія литературы, политическая экономія и друг. Сказывается

потребность въ учрежденіи новыхъ кафедръ (напр. бактеріологіи на медицинскомъ факультетѣ) и въ увеличеніи числа профессоровъ (напр. по всеобщей исторіи необходимо не менѣе трехъ профессоровъ). Организациа преподаванія на болѣе широкихъ началахъ послужила бы однимъ изъ лучшихъ средствъ привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ и подняла бы уровень ихъ образованія. Важное значеніе могутъ имѣть также *научно-литературные студенческіе кружки*, развитію которыхъ въ настоящее время мѣшаетъ извѣстный формализмъ. Приведемъ слѣдующій примѣръ. Еще въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1899 г. студенты историко-филологическаго факультета, преимущественно историки, съ увлеченіемъ взялись за мысль основать кружокъ для собесѣдованія и занятій по предметамъ историко-филологическаго факультета; на частныхъ совѣщаніяхъ съ профессорами выработанъ былъ проектъ правилъ или устава этого кружка. Но прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовало надлежащее разрѣшеніе. Большинство, отъ долгаго ожиданія, успѣло уже къ тому времени охладѣть; другіе, въ виду приближенія экзаменовъ, должны были больше думать о послѣднихъ, чѣмъ о кружкѣ. Да и самый проектъ подвергся измѣненіямъ: вмѣсто *общаго историко-филологическаго* кружка разрѣшенъ былъ лишь кружокъ для занятій *исторіею литературы* и число участниковъ въ немъ было заранее ограничено извѣстною цифрою. Такъ кружокъ этотъ не возникъ и до сихъ поръ...

Цельзя игнорировать также зависимости умственнаго уровня студентовъ, ихъ интереса къ наукѣ и самой работоспособности, отъ того образованія, которое они получаютъ въ гимназіяхъ.

Доступъ въ университетъ открытъ у насъ только воспитанникамъ классическихъ гимназій. Необходимо выяснить, въ какомъ соотвѣтствіи по своимъ качествамъ находится имѣющійся контингентъ студентовъ съ тѣми ос-

новами, которыя преслѣдуетъ университетъ въ своей дѣятельности. Общезвѣстенъ фактъ, что наши классическія гимназіи плохо выполняютъ возложенную на нихъ задачу—подготовлять своихъ воспитанниковъ къ занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И это не удивительно: вопросъ о реформахъ какъ средней, такъ и высшей школы всегда разрабатывался въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ печати независимо для той и другой школы, всегда какъ бы упускалось изъ виду, что средняя школа играетъ роль подготовительной школы для университета.

Только изъ отдаленнаго времени — начала прошлаго столѣтія, мы имѣемъ указанія о болѣе живой связи между университетомъ и средними учебными заведеніями.

Затѣмъ временами раздавались голоса о необходимости контроля университета надъ способностями и знаніями поступающей въ него молодежи; извѣстно, что дѣлались даже неудачныя попытки такого контроля; такъ, въ пятидесятыхъ годахъ при университетахъ существовали экзаменаціонныя коммисіи для пріема студентовъ; въ проектѣ устава университетовъ 1863 г. было намѣчено, что поступающіе въ университетъ молодые люди должны исполнить письменныя работы и держать коллоквиумъ, удостовѣряющій ихъ познанія по данному предмету.

И въ настоящее время подготовлена реформа нашей средней школы, а голосъ наиболѣе заинтересованнаго въ ней учрежденія — университета не былъ выслушанъ.

Переходя къ разсмотрѣнію настоящаго положенія необходимо констатировать полную несостоятельность гимназическаго режима по отношенію къ университету. Юноши, оканчивающіе курсъ въ классической гимназіи, отличаются прежде всего отсутствіемъ нравственной и умственной зрѣлости, и это находитъ себѣ выраженіе въ неспособности ихъ къ нравственной и умственной самостоятельности.

Только недостаточностью идеальных запросовъ и стремлений можно объяснить себѣ то узко утилитарное направленіе въ занятіяхъ, которое овладѣло въ послѣднее время значительною частью нашей учащейся молодежи. Правда, принято отвѣтственность за такое положеніе дѣла возлагать на общество и въ частности на семью; но что наши средняя и высшая школа не оказываютъ должнаго воздѣйствія въ этомъ отношеніи на своихъ питомцевъ—это также едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Да и въ самомъ обществѣ нашемъ возможенъ отпоръ низменнымъ его стремленіямъ со стороны главнымъ образомъ просвѣщенныхъ людей, вносящихъ въ него полученные ими завѣты университета.

Недостатокъ умственной зрѣлости и самостоятельности у поступающей въ университетъ молодежи обнаруживается уже на первыхъ порахъ полной растерянностью относительно своихъ занятій. При этомъ выступаютъ и отсутствіе внутренняго интереса къ этимъ занятіямъ и необходимаго навыка къ настойчивой работѣ, а затѣмъ—отсутствіе способности ясно и послѣдовательно излагать устно и письменно свои мысли, и наконецъ, обнаруживается даже недостатокъ необходимыхъ для слушанія университетскихъ курсовъ познаний, при наличности малоцѣнной подготовки по отечественному языку и предметамъ, разъясняющимъ явленія внѣшняго міра (физика, географія).

При такихъ условіяхъ трудно говорить о мѣрахъ, которыми можно въ университетѣ поднять научныя занятія студентовъ. Основною мѣрою во всякомъ случаѣ должно быть коренное преобразование средней школы; всякое промедленіе въ этомъ отношеніи должно имѣть гибельныя для университета послѣдствія; необходимо прежде всего дать университету болѣе развитыхъ слушателей. Безъ этого условія никакая реформа не подыметъ его авторитета. На слабой почвѣ нельзя строить зданія съ расчетомъ на его прочность.

Нельзя поставить университетъ на должную высоту безъ соотвѣтствующей коренной реформы средней школы еще и потому, что качествами наполняющей университетскія аудиторіи и лабораторіи молодежи обуславливается въ пзвѣстной мѣрѣ и учебная дѣятельность профессорскаго персонала. Въ исторической запискѣ, приложенной къ уставу 1863 года, сказано, что къ числу главныхъ причинъ упадка нашихъ университетовъ должна быть отнесена слѣдующая: „недостаточное приготовленіе поступившихъ въ университетъ къ слушанію лекцій часто заставляло профессоровъ обращаться болѣе въ гимназическихъ преподавателей, нежели въ университетскихъ профессоровъ“. Если это можно было сказать относительно такъ называемыхъ Уваровскихъ гимназій, то несомѣнно, что приведенныя слова можно повторить и по адресу нашихъ классическихъ гимназій. Помимо уже сказаннаго, а именно что эти послѣднія не развиваютъ въ своихъ воспитанникахъ нравственной и умственной самостоятельности, надо прибавить еще, что они подавляютъ своимъ режимомъ свободное проявленіе ихъ индивидуальныхъ особенностей и это въ такое время, когда ученіе объ индивидуальности пропикло во все сферы педагогики. Неудивительно, что аудиторія, съ такими безучастно относящимися къ своимъ научнымъ занятіямъ слушателями, не можетъ стимулировать профессора, и незамѣтно *volens-nolens* учебная дѣятельность его принимаетъ чисто формальный характеръ. Никакое усиленіе практическихъ занятій при такихъ условіяхъ не принесетъ ожидаемой отъ него пользы.

Если предстоящая реформа средней школы пзмѣнитъ къ лучшему слабыя стороны нашихъ классическихъ гимназій, то этимъ будетъ данъ главный стимулъ для подъема научныхъ занятій студентовъ въ университетѣ; это вызоветъ и соотвѣтствующее оживленіе въ педагогической дѣятельности отдельныхъ профессоровъ и

факультетовъ. Со стороны правительства потребуется только снять съ университетской коллегіи оковы многочисленныхъ регламентацій и дать имъ необходимыя средства на правильное выполненіе своихъ обязанностей. Мѣры для поднятія уровня занятій студентовъ могутъ быть весьма разнообразны и нельзя ихъ ограничивать извѣстными рамками; примѣненіе ихъ должно быть предоставлено инициативѣ факультетовъ и отдѣльныхъ преподавателей.

Въ виду всего сказаннаго необходимо признать, что между университетомъ и средней школой должно быть установлено извѣстное соотношеніе. Достигнуть этого можно прежде всего, предоставивъ университету подвергать обсужденію въ совѣтѣ вопросы о недостаткахъ средней школы по отношенію подготовленности зачисляемой въ ней свои занятія молодежи и результаты такого обсужденія представлять на усмотрѣніе Министерства.

При этомъ съ тою же цѣлью совѣту университета можетъ быть предоставлено также право посылать своихъ депутатовъ на окончательные экзамены въ гимназій, депутатовъ, которые въ такомъ случаѣ должны будутъ представлять совѣту сдѣланныя ими наблюденія при исполненіи порученія.

Не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшнаго занятія студентовъ является *матеріальная ихъ необезпеченность*. Въ то время какъ заграницей студенты принадлежатъ къ обезпеченнымъ классамъ общества, у насъ и прежде, и теперь они относятся частію къ разряду немущихъ, а частію къ тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя по соціальному положенію своему занимаютъ среднее мѣсто въ обществѣ, но въ матеріальномъ отношеніи крайне необезпечены. Вслѣдствіе этого они вынуждены ради хлѣба насущнаго искать различныхъ заработковъ, отвлекающихъ ихъ отъ университетскихъ занятій. Необходимо дать имъ достаточное матеріальное обезпеченіе на все время прохожденія

курса, но не въ видѣ частной помощи или случайной благотворительности, а болѣе правильной ссуды. Для этого необходимо реорганизовать, на началахъ полной общности, существующія общества пособія нуждающимся студентамъ, чтобы они выдавали возвратныя ссуды всѣмъ нуждающимся въ нихъ, безотносительно къ аттестаціи инспекціи о поведеніи и успѣхахъ учащихся, потому что малая успѣшность часто зависитъ отъ матеріальной необеспеченности. Желательно также, чтобы общежитія были переданы въ вѣдѣніе обществъ пособія нуждающимся студентамъ. На общежитія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дешевыя квартиры для студентовъ, а не интернаты, преслѣдующіе воспитательныя цѣли.—Университетъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи средствъ для прямого воспитанія учащейся молодежи; да и едва ли вообще возможно воспитывать взрослыхъ людей. Еще хуже было бы примѣнять къ нимъ исключительно внѣшнія средства надзора и воздѣйствія, если не желать, чтобы обитатели общежитій разбѣжались. Несправедливо было бы, наконецъ, выдѣлять изъ общей массы студенчества однихъ съ цѣлью особеннаго на нихъ воздѣйствія и оставлять на общемъ положеніи другихъ—это противорѣчило бы принципу одинаковой для всѣхъ академической свободы.

Но кромѣ существующихъ нынѣ обществъ для пособія и общежитій, желательно было бы создать (хотя бы реорганизовавши первыя) особые студенческіе банки или кассы, которые выдавали бы всѣмъ желающимъ ссуды, достаточныя для безбѣднаго существованія студента во время прохожденія курса, безъ необходимости заниматься уроками. Погашаться же эти ссуды могли бы послѣ полученія окончившимъ курсъ студентомъ платной должности. Такой банкъ существуетъ, напримѣръ, въ Упсаль и приноситъ большую пользу.

Отмѣчена была также важность такихъ условій, какъ университетская автономія, облегченіе доступа въ

университеты, уничтоженіе нынѣ дѣйствующаго правила о прикрѣпленіи оканчивающихъ курсъ гимназій въ тѣхъ или иныхъ округахъ къ извѣстнымъ университетамъ, свобода преподаванія и слушанія. Могли бы принести несомнѣнную пользу, по мнѣнію Совѣта, и исполнѣ научныя чтенія общеобразовательнаго характера для всѣхъ студентовъ на первыхъ курсахъ по такимъ предметамъ, какъ логика, философія, исторія, исторія литературы, законовѣдѣніе, гигиена.

Въ настоящее время между гимназіей и университетомъ существуетъ слишкомъ большое разстояніе и слѣдовало бы заполнить его такими именно курсами, которые несомнѣнно возбуждаютъ большой интересъ въ молодежи и помогутъ ей въ достиженіи общаго развитія, которое теперь, за неимѣніемъ ихъ, она стремится получить путемъ случайнаго чтенія и тому подобными средствами.

Наконецъ, огромное и самостоятельное значеніе можетъ имѣть расширеніе учебнопомогательныхъ учрежденій *на всѣхъ факультетахъ* и особенно на физико-математическомъ и медицинскомъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

11-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

Отвѣтъ Совѣта. *Желательно учрежденіе не курсовыхъ, а предметныхъ экзаменовъ въ известной послѣдовательности и порядкѣ, съ возстановленіемъ кандидатской степени. Максимальный срокъ пребыванія въ университетѣ—10 лѣтъ для медицинскаго факультета и 8 лѣтъ для остальныхъ, минимальный—5 лѣтъ для медицинскаго и 4 лѣтъ для остальныхъ. Должна быть допущена свобода слушанія лекцій. По мнѣнію большинства членовъ Совѣта, студентъ, желающій получить дипломъ, обязанъ выдержать въ известной послѣдовательности и опредѣленномъ размѣрѣ, устанавливаемыми факультетами, рядъ практическихъ и теоретическихъ испытаній. Для слушанія лекцій и практическихъ занятій факультетъ вырабатываетъ къ руководству студентовъ особые учебные планы, которые однако только рекомендуются для пользы студентовъ, но слѣдованіе которымъ для нихъ не обязательно.*

Меньшинство членовъ Совѣта высказалось за такую формулу: студенты, желающіе получить дипломъ, обязаны прослушать известное минимальное число предметовъ факультетскаго преподаванія и выполнить относящіеся къ нимъ практическія занятія, исполнивъ это въ той послѣдовательности, которая устанавливается обязательными факультетскими планами.

Совѣтъ высказался за допущеніе къ университетскимъ экзаменамъ на ученыя степени, начиная съ кандидатской, экстерновъ, съ разрѣшенія факультета и совѣта.

Мотивы. Въ виду разногласія членовъ Совѣта по этому вопросу, Совѣтъ считаетъ необходимымъ представить краткое изложеніе мотивовъ обоихъ мнѣній.

Система *курсовыхъ* испытаній приурочивается къ строго определенному курсовому распределенію занятій, по неизмѣнному учебному плану, въ теченіе определенного числа лѣтъ.

При этой системѣ свобода слушанія лекцій ограничена; студенты вполне подчиняются учебному плану въ видахъ наиболѣе цѣлесообразнаго использования времени и строгой послѣдовательности занятій разными науками.

Изъ опасенія напрасной траты времени и нецѣлесообразности распределенія занятій, студенту отказывается въ правѣ дѣлать какія либо измѣненія въ факультетскомъ учебномъ планѣ.

Въ концѣ года производится курсовая испытанія, успешность которыхъ даетъ право перехода въ слѣдующій курсъ. При неудачѣ по 1—2 предметамъ можно было бы ввести коррективъ въ видѣ обязательной переекзаменовки въ теченіе слѣдующаго полугодія, чтобы предотвратить потерю цѣлаго года изъ за недочета по 1—2 испытаніямъ.

Система курсовыхъ экзаменовъ окажется хорошею педагогическою мѣрой въ особенности для слабохарактерныхъ учащихся, для которыхъ полная свобода слушанія и сроковъ испытаній могла бы оказаться вредною въ смыслѣ непроизводительной потери времени; но безъ надлежащаго руководства нельзя оставить и лучшую часть студенчества.

Курсовая система придаетъ стройность и устойчивость всей организаціи учащейся молодежи, стройность, къ которой такъ привыкли наши университеты. Она

представляет удобства для педагогического руководства и общенія какъ въ аудиторіи, такъ и на практическихъ занятіяхъ; однородность состава и одинаковость подготовки облегчаютъ задачу преподавателя.

Наконецъ въ пользу курсовой системы говорить и то, что наука требуетъ концентраціи силъ учащейся молодежи, концентраціи, которая дается однимъ или нѣсколькими обязательными учебными планами факультета. Сверхъ того, курсовая система могла бы послужить естественной основой для курсовой организаціи студенчества. Безъ курсовъ студенчество явится безформенной массой, къ которой было бы трудно примѣнить какой либо другой принципъ для ея организаціи.

Въ пользу системы *предметныхъ* испытаній слѣдуетъ привести прежде всего то, что она не противорѣчитъ принципу индивидуализаціи, не насилуетъ работоспособности учащагося, а предоставляетъ широкій просторъ его самодѣятельности и самоприспособленія для наиболѣе успѣшнаго изученія наукъ.

Руководствуясь однимъ изъ рекомендуемыхъ факультетами необязательныхъ учебныхъ плановъ, учащійся посвящаетъ каждому предмету или каждой группѣ предметовъ столько времени и труда, сколько онъ въ состояніи это сдѣлать, стремясь къ наименьшей затратѣ времени въ университетѣ и къ наибольшей успѣшности своихъ личныхъ занятій. Ему предоставляется возможность одновременно изучать лишь небольшое число наукъ, выбираемыхъ имъ на каждый семестръ, по учебному плану, сообразно его личнымъ свойствамъ и условіямъ жизни (болѣзнь или мѣньшій досугъ и т. п.).

Свобода преподаванія обязательно сопряжена съ свободою посѣщеній лекцій и свободнымъ выборомъ экзаменныхъ сроковъ. Выбирая предметы, до извѣстной степени, по своему усмотрѣнію, студентъ съ болѣею серьезностью относится къ лекціямъ и практическимъ

занятіямъ, чѣмъ при обязательномъ посѣщеніи при курсовой системѣ. Но для того, чтобы сохранить обязательную строгую послѣдовательность научныхъ занятій, выраженную въ учебныхъ планахъ, необходимы провѣрочныя испытанія по однимъ предметамъ для допущенія къ практическимъ занятіямъ по далѣе слѣдующимъ наукамъ. Студентъ является на таковыя испытанія лишь тогда, когда онъ сознаетъ себя достаточно подготовленнымъ; таковыхъ экзаменныхъ сроковъ должно быть заранѣе факультетомъ назначено нѣсколько. Въ случаѣ неудачи студентъ можетъ повторить испытанія когда ему угодно и сколько пожелаетъ разъ. При „предметной системѣ“ таковыя экзамены утрачиваютъ до извѣстной степени характеръ понудительной мѣры для студентовъ.

Продолжительность занятія тѣмъ или инымъ предметомъ предоставляется усмотрѣнію студента: способный и прилежный изучитъ скорѣе, малоспособный или нерадивый вынужденъ по собственному сознанию еще разъ прослужать курсъ предмета или часть его. Тоже самое относится и къ провѣрочнымъ испытаніямъ передъ допущеніемъ къ практическимъ занятіямъ.

Этимъ путемъ всего лучше можно культивировать самокритику и самодѣтельность учащихся, а отсюда и болѣе серьезное, сознательное отношеніе къ своему долгу—безъ всякаго внѣшняго принужденія.

При предметной системѣ педагогу предоставляется *контроль знаній* на испытаніяхъ, но не контроль занятій во время прохожденія курса. Этимъ устанавливается наиболѣе цѣлесообразное отношеніе между преподавателями и учащимися. Само собою понятно, что такая свобода нисколько не устраняетъ благожелательнаго руководительства со стороны первыхъ, при первой же просьбѣ студента.

Весьма вѣроятно, что при предметной системѣ, студентъ будетъ задерживаться въ университетѣ дольше

обычнаго срока всего курса, будетъ пѣкоторою помѣхою для вновь поступающихъ и болѣе успѣвающихъ. Но эти невыгоды съ избыткомъ покрываются тѣмъ, что такому студенту предоставлена полная возможность приобрести *основательное* высшее образованіе, которое гарантируетъ въ его лицѣ будущаго полезнаго гражданина. При достаточной строгости испытаній эта гарантія можетъ быть болѣе или менѣе одинаковою для всѣхъ оканчивающихъ, независимо отъ различія дарованій и работо-способности.

„Предметная“ система устраняетъ курсовую сплоченность и даетъ возможность группироваться сообразно успѣшности занятій и знаній, именно въ высшихъ семестрахъ, гдѣ подобный подборъ аудиторіи значительно облегчаетъ задачу пракческаго преподаванія, напр. въ клиникахъ.

12-й ВОПРОСЪ.

Нужно ли предоставлять служебныя права оканчивающимъ университетскіи курсъ.

Отвѣтъ Совѣта. *Совѣтъ высказывается за предоставленіе служебныхъ правъ оканчивающимъ университетскіи курсъ.*

Мотивы. По дѣйствующему университетскому уставу, получившіе университетскіи дипломъ пользуются слѣдующими правами: 1) относительно отбыванія воинской повинности правами, опредѣленными въ уставѣ объ этой повинности; 2) принадлежащіе къ мѣщанскому сословію или состоящіе сельскихъ обывателей правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству, хотя бы они и не поступали на гражданскую службу; 3) при поступленіи на гражданскую службу— правомъ на чинъ. Въ 1-мъ и 3-мъ случаѣ льгота, даваемая высшимъ образованіемъ, должна быть признана вполне справедливой. Что же касается второго права, то оно осуществляется очень рѣдко, кромѣ того Совѣтъ вообще полагаетъ, что доколѣбъ дѣйствующее законодательство поддерживаетъ сословныя нормы, доколѣбъ высшее университетское образованіе также не должно отказываться отъ правъ на нихъ, дабы не усиливать привилегіи сословности на счетъ образованности, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ высшее образованіе получается молодыми людьми, происходящими изъ податныхъ состояній путемъ тяжелыхъ жертвъ и матеріальныхъ лишеній не только ихъ самихъ, но и ихъ семей или родственниковъ. Существуетъ мнѣніе, что предоставленіе молодымъ людямъ, оканчивающимъ университеты служебныхъ правъ, имѣетъ своимъ послѣд-

ствіемъ наполненіе университетовъ лицами, совершенно не интересующимися наукой, а только гонящимися за дипломами и за связанными съ ними служебными правами. Очень трудно перечислить однако всѣ тѣ личныя цѣли, которыя преслѣдуются молодыми людьми при поступленіи въ университеты. Одни изъ нихъ желаютъ обогатить свой умъ знаніями, не задаваясь какими либо практическими цѣлями, другіе—меньшинство—желаютъ посвятить себя специально служенію наукѣ; третьи смотрятъ на университетское образованіе, какъ на необходимую ступень, для пріобрѣтенія болѣе высокаго положенія въ обществѣ; четвертые, не имѣя внутренняго интереса къ наукѣ, все же добросовѣстно исполняютъ свои учебныя обязанности, чтобы получить служебныя права и т. д. Но какъ же уловить эти мотивы и побужденія, когда ихъ не можетъ вскрыть никакой экзаменъ и никакой контроль? Экзаменъ и контроль могутъ дать указаніе только на фактъ слабой усвѣнности, но не на ея внутреннія причины; съ другой стороны нельзя смотрѣть на университеты исключительно какъ на ученые академіи. Какъ учрежденія государственныя, они должны служить и практическимъ интересамъ государства, подготавливая образованныхъ людей для всѣхъ сферъ государственной, общественной и частной дѣятельности.

Другое возраженіе противъ предоставленія оканчивающимъ курсъ въ университетахъ служебныхъ правъ заключается въ томъ, что университеты, давая служебныя права не даютъ въ то же время совершенно подготовленныхъ къ службѣ практическихъ дѣятелей; но и это возраженіе представляетъ результатъ нѣкотораго недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что по самому существу своему университеты могутъ выпускать главнымъ образомъ людей, получившихъ *теоретическое*, а не *практическое* образованіе; но и первое, какъ то показываетъ уже вѣковой опытъ, имѣетъ громадное

значеніе для практической дѣятельности частныхъ лицъ и государства. Современные промышленные успѣхи Германіи въ большой мѣрѣ объясняются развитіемъ въ этой странѣ имѣнно теоретическаго образованія. Этому послѣднему обязана также Пруссія своимъ образцовымъ чиновничествомъ, честность и знанія котораго общеизвѣстны. Практическія знанія, требуемыя на томъ или иномъ поприщѣ служебной, общественной или частной дѣятельности, крайне разнообразны и пріобрѣтаются главнымъ образомъ изъ практическаго опыта. Ничто не мѣшаетъ предоставить отдѣльнымъ вѣдомствамъ устанавливать свои спеціальныя экзамены, безъ которыхъ молодой человѣкъ не могъ бы получить штатное мѣсто или повышеніе по службѣ. Однако во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ университетскій дипломъ долженъ, по мнѣнію Совѣта, сохранить свое важное значеніе, какъ гарантія того, что къ прохожденію государственной службы, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ въ законѣ должностей, будутъ допускаться только лица, получившія болѣе или менѣе основательное теоретическое научное образованіе.

13-й ВОПРОСЪ.

Нужно ли сохранить государственные экзамены и, если нужно, то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ?

Отвѣтъ Совѣта. *Государственные экзамены, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они учреждены уставомъ 1884 года, должны быть отмѣнены.*

Мотивы. Государственные экзамены, введенные уставомъ 1884 года, отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общемъ ходѣ университетской жизни. По идѣе устава, экзамены эти должны были происходить въ особыхъ коммиссіяхъ, подъ предѣтельствомъ лица, назначаемого каждый разъ Министромъ, при чемъ коммисіи эти были поставлены какъ бы внѣ университета, такъ какъ экзаменаторами въ нихъ назначались лица по умотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, при чемъ лица эти должны были производить экзамены по программамъ, составленнымъ для этой цѣли въ министерствѣ. Все университетскіе экзамены, существовавшіе до 1884 года, были отмѣнены (оставлены полукурсовые только на медицинскомъ факультетѣ) и вмѣсто нихъ были введенъ такъ называемый „зачетъ полугодій“. Опытъ перваго же года этихъ экзаменовъ показать, что отдѣлить ихъ отъ университетовъ, при настоящемъ положеніи ученыхъ силъ въ Россіи, нельзя. Экзаменаторами оказались тѣже профессора, которые экзаменовали и прежде, но только нѣкоторые изъ нихъ стали называться „членами экзаменаціонныхъ коммиссій“, а другіе—просто „экзаменаторами“; профессора начали получать особое вознагражденіе за производство государственныхъ эк-

заменовъ, а предѣдателями назначались по большей части профессора другихъ университетовъ, или вообще лица, состоящіе на службѣ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, — бывшіе профессора, состоящіе нынѣ на службѣ въ другихъ вѣдомствахъ. Совѣту извѣстенъ только одинъ случай назначенія предѣдателемъ экзаменаціонной коммисіи лица, не занимавшаго должности профессора: это назначеніе предѣдателемъ юридической испытательной коммисіи въ Московскомъ университетѣ бывшаго прокурора Московской судебной палаты, нынѣ Министра Юстиціи, тайнаго совѣтника Муравьева.—Опытъ первыхъ годовъ введенія такъ называемыхъ „зачетовъ полугодій“, а также обязанности студентовъ подвергаться экзамену по всеѣмъ предметамъ въ одинъ экзаменаціонный срокъ показывать все неудобство этихъ мѣръ. „Зачетъ полугодій“, въ особенности на многолюдныхъ курсахъ и въ многолюдныхъ университетахъ, превратился въ пустую формальность и по большей части не производился совсѣмъ, такъ какъ преподаватели не могли очень скоро не разочароваться въ этомъ способѣ удостовѣренія студенческихъ знаній, отнимавшемъ у нихъ массу времени изъ назначеннаго для чтенія лекцій и веденія практическихъ занятій; студенты же относились къ этимъ зачетамъ прямо недоброжелательно, видя въ нихъ излишнюю формальность, подвергаться которой, въ виду предстоящихъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ тѣми же профессорами, имъ, конечно, не хотѣлось. И въ самомъ дѣлѣ: трудно профессорамъ было относиться иначе къ этимъ зачетамъ потому, что это были не экзамены, во время производство которыхъ можно было болѣе или менѣе удостовѣриться въ знаніи студентовъ, а нѣчто очень неопредѣленное, долженствовавшее удостовѣрить, что студентъ чѣмъ нибудь занимался. Вскорѣ обнаружилось также не-

удобства производства экзаменовъ по всѣмъ предметамъ одновременно, т. е. въ одинъ экзаменаціонный періодъ, по историко-філологическому, юридическому и физико-математическому факультету и въ два—по медицинскому. Это неудобство выразилось прежде всего въ значительномъ пониженіи уровня знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ сравнительно съ уровнемъ, обнаруживаемымъ ими во время бывшихъ университетскихъ экзаменовъ, производившихся постепенно, *изъ года въ годъ, по мѣрѣ прохожденія курса*. Оказалось, что студенты очень мало занимались для „зачетовъ и льготъ“ и начинали заниматься только передъ самымъ экзаменомъ и, въ лучшихъ случаяхъ—въ продолженіи 7-го и 8-го семестровъ. Пониженіе уровня не только знаній студентовъ на государственныхъ экзаменахъ, не только ихъ развитія, но и общаго уровня научныхъ требованій отъ нихъ вызвано было еще и другой причиной, зависящей отъ системы государственныхъ экзаменовъ. Для этихъ послѣднихъ были выработаны особыя программы, которыя сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и программами преподаванія. Совѣтъ не находитъ удобнымъ дѣлать теперь какую либо оцѣнку этихъ программъ. Для его цѣлей совершенно достаточно указать, что эти программы вызвали къ жизни цѣлую литературу учебниковъ, конспектовъ и тому подобныхъ пособій, въ которыхъ наука излагалась „примѣнительно къ экзаменаціоннымъ требованіямъ“.

Интересъ къ слушанію лекцій у студентовъ почти исчезъ: да и какой въ самомъ дѣлѣ можетъ быть интересъ въ слушаніи лекцій, излагаемыхъ примѣнительно къ разъ на всегда составленной программѣ, когда имѣлись конспекты, даже цѣлые курсы, изложенные „примѣнительно“ къ этимъ же программамъ, съ помощью которыхъ можно было выдержать совершенно удовлетворительно государственный экзаменъ. Въ большой

мѣръ понизился также интересъ чтенія лекцій и у профессоровъ. Они лишены были права, благодаря этимъ программамъ, излагать науку въ той системѣ, какую они себѣ выработали сами, они лишились возможности дѣлиться со своими слушателями тѣми научными работами, которыя производили или изучали въ данное время, и тѣмъ самымъ, стѣсна, поставленная уставомъ 1884 года между преподавательскимъ персоналомъ и учащимися, росла все больше и больше...

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что министерскія программы, хотя и признанныя обязательными для профессоровъ, фактически въ очень больномъ числѣ случаевъ не выполнялись, тѣмъ болѣе, что слова „читать лекціи примѣнительно къ министерскимъ программамъ“ давали законный поводъ къ весьма существеннымъ уклоненіямъ отъ нихъ; министерство вынуждено примирилось съ этимъ фактомъ, потребовавъ лишь, чтобы профессора, черезъ декановъ, сообщали председателямъ экзаменаціонныхъ комиссій о тѣхъ отступленіяхъ, которыя ими были допущены въ изложеніи предметовъ. Но сами председатели экзаменаціонныхъ комиссій, въ качествѣ профессоровъ, сознавали неудовлетворительность и устарѣлость программъ и во время экзаменовъ совершенно спокойно выслушивали тѣ отвѣты, которые давали студенты не по министерской программѣ, а по программѣ профессора-экзаменатора, своевременно утвержденной министерствомъ въ видѣ обязательно представляемаго каждымъ профессоромъ въ началѣ семестра обзорнаго преподаванія. Такимъ образомъ, государственные экзамены превратились въ самые обыкновенные университетскіе экзамены, но только съ пониженными специально „экзаменаціонными“ требованіями и съ присланнымъ со стороны председателемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія ни на ходъ преподаванія въ университетѣ, ни на поднятіе уровня знаній студентовъ во время экзаменовъ. Председатель видѣлъ

послѣднихъ только во время экзаменовъ, не быть знакомъ ни съ характеромъ, ни съ индивидуальными качествами каждаго изъ нихъ и, какъ лицо постороннее данному университету, заботился лишь о томъ, чтобы экзамены проходили безъ всякихъ инцидентовъ. Молодые люди, „конимъ зачтено было 8 полугодій“, очень часто подносили представителямъ благодарственные адреса за ихъ сердечное отношеніе, сказавшееся въ весьма значительномъ процентѣ лицъ, окончивавшихъ курсъ съ дипломомъ 1-й степени, но... съ очень низкимъ уровнемъ знаній. Само министерство видѣло, что дѣло не стоитъ такъ хорошо, какъ это казалось съ перваго взгляда. Мало по малу были восстановлены бывшіе прежде университетскіе экзамены, подъ названіемъ полукурсовыхъ, а безъ нихъ студентовъ не допускали къ государственнымъ экзаменамъ; при этомъ студенты освобождались отъ экзаменовъ въ государственныхъ комиссіяхъ по тѣмъ предметамъ, для которыхъ установлены были полукурсовые. На юридическомъ, напр., факультетѣ, полукурсовые экзамены производятся въ настоящее время по всеѣмъ предметамъ, читаемымъ на 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ курсахъ, а государственные — только по предметамъ, читаемымъ на 4-мъ курсѣ (гражданское и торговое право и судопроизводство, международное право, уголовное право и судопроизводство) и по римскому праву!

Это привело къ раздѣленію предметовъ университетскаго преподаванія на главные и второстепенные, при чемъ главными въ глазахъ студентовъ оказались тѣ, по которымъ удержаны были государственные экзамены, а второстепенными тѣ, по которымъ установлены были полукурсовые. Этотъ крайне вредный для всего хода университетскаго преподаванія взглядъ находилъ себѣ, однако, подтвержденіе въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ министерства. Такъ, одно время было уста-

повлепо, что студенты имѣютъ право представлять въ экзаменаціонныя комиссіи сочиненія только по „главнымъ“ предметамъ, т. е. по тѣмъ, экзаменъ по которымъ производится въ государственныхъ комиссіяхъ. Правда, распоряженіе это было вскорѣ, по ходатайству факультетовъ, отмѣнено, но самый фактъ его появленія не могъ не оказать своего вліянія. Студенты кромѣ того не могли не придавать значенія тому обстоятельству, что профессора однихъ предметовъ производятся одинъ разъ въ году въ члены экзаменаціонныхъ комиссій, что за свое участіе въ нихъ они получаютъ особое вознагражденіе, тогда какъ профессора другихъ предметовъ, по которымъ экзамены производятся въ концѣ каждаго учебнаго года, не имѣютъ ни особаго такого званія, ни особаго вознагражденія за свой трудъ, хотя онъ бываетъ гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ у ихъ товарищей по преподаванію—членовъ экзаменаціонныхъ комиссій, просто потому, что число экзаменуемыхъ на первыхъ курсахъ всегда больше экзаменуемыхъ въ государственныхъ комиссіяхъ. Но дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и пониженіе интереса студентовъ къ болѣе специальному изученію „второстепенныхъ“ предметовъ, къ числу которыхъ, напр., на юридическомъ факультетѣ относятся такія важныя дисциплины, какъ государственное право, исторія философіи права, политическая экономія и статистика, финансовое и полицейское право, церковное право и проч. Совѣтъ не знаетъ точной цифры суммъ, затрачиваемыхъ ежегодно на производство государственныхъ экзаменовъ; но во всякомъ случаѣ, находя этотъ расходъ непроизводительнымъ и считая совершенно неудовлетворительною нынѣшнюю систему государственныхъ экзаменовъ, Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что возстановленіе прежнихъ университетскихъ экзаменовъ замѣнитъ наилучшимъ

образомъ лишь существующіе. Государственные испытанія — это учрежденіе иноземное, перенесенное на русскую почву тогда, когда она была еще совершенно неподготовлена къ его воспріятію. И въ такихъ иностранныхъ государствахъ, какъ Германія, Австрія и Італія, въ которыхъ существуютъ на ряду съ университетскими экзаменами и государственные, эти послѣдніе удостовѣряютъ въ томъ, что лицо, желающее служить въ томъ или иномъ вѣдомствѣ или заниматься какой либо практической дѣятельностью, посвящей до нѣкоторой степени публичный характеръ (врачи), имѣть надлежащія *практическія* познанія и подготовку. Персоналъ того вѣдомства, въ которомъ предполагаетъ проходить служебную карьеру данное лицо, и опредѣляетъ размѣръ необходимаго знанія и практической выучки и производитъ самый экзамень. Изъ всѣхъ Германскихъ государствъ только въ одной Саксоніи программы эти опредѣляются министерствомъ народнаго просвѣщенія *по соглашенію съ другими вѣдомствами*, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ Германіи вѣдомства эти, по отношенію къ производящимся въ нихъ государственнымъ экзаменамъ, *совершенно самостоятельны*. Но эти экзамены во всякомъ случаѣ не могутъ замѣнить собою университетскихъ, ибо послѣдніе всегда имѣли и, надо думать, всегда будутъ имѣть значеніе не столько удостовѣренія въ практической выучкѣ, сколько въ теоретическомъ научномъ образованіи экзаменующагося.

Въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ имѣются нѣкоторыя постановленія, гарантирующія пригодность даннаго лица къ прохожденію избранной имъ служебной дѣятельности, но постановленія эти касаются только нѣкоторыхъ и далеко не всѣхъ учреждений. Такъ, для полученія званія присяжнаго повѣреннаго установленъ пятилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго необходимо пребыть помощникомъ присяжнаго

повѣршаго; извѣстная послѣдовательность прохожденія службы по судебному вѣдомству опредѣлена уставами Императора Александра II; особыя испытанія установлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ вѣдомствахъ Министерства Финансовъ и Министерства Иностран- ныхъ Дѣлъ и т. д. Правительство можетъ, если най- деть то нужнымъ, развивать и далѣе наше законода- тельство о службѣ гражданской въ томъ же направле- нии, но это развитіе нисколько не должно касаться университетовъ, программъ, предметовъ, въ нихъ пре- подаваемыхъ, самаго характера университетскаго пре- подаванія и т. д.

Однимъ словомъ, нынѣшніе *фактивные* государ- ственные экзамены, по мнѣнію Совѣта, должны быть уничтожены и возстановлены вмѣсто нихъ универси- тетскіе экзамены; а кромѣ того, если то будетъ при- знано нужнымъ различными вѣдомствами, то пусть будутъ введены для лицъ, получившихъ университет- скіе дипломы, еще особыя испытанія — *настоящіе госу- дарственные экзамены* — для полученія правъ на занятіе тѣхъ или иныхъ должностей на государственной службѣ.

14-й ВОПРОСЪ.

Какія мѣры желательны для сближенія профессоръ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

Отвѣтъ Совѣта и мотивъ. Единственною мѣрою можетъ служить возстановленіе довѣрія къ профессорамъ со стороны правительства и поднятіе ихъ значенія въ университетскомъ самоуправленіи; никакія же искусственныя и частичныя мѣры не приведутъ къ цѣли. Автономія, способствуя развитію науки въ университетѣ, тѣмъ самымъ подниметъ и нравственное воздѣйствіе профессоровъ, ибо вліять на своихъ слушателей профессора могутъ только на почвѣ болѣе широкаго и свободнаго научнаго общенія.

15-й ВОПРОСЪ.

1) Не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обоужденія студенческихъ дѣлъ? 2) Если слѣдуетъ,—то какія и на какихъ условіяхъ? 3) Не признаются-ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей?

Отвѣтъ Совѣта по 1-му пункту вопроса. „Да, слѣдуетъ допустить“.

По 2-му пункту вопроса. Не предпринимая подробностей организаціи студентовъ и считая необходимымъ представить ихъ выработку самой жизни, Совѣтъ признаетъ безусловно необходимымъ разрѣшать студенческія организаціи, имѣющія въ виду матеріальную взаимную помощь, научно-литературныя и другія цѣли, не выходяція изъ круга чисто студенческихъ потребностей и интересовъ, такъ напр., кассы взаимной помощи, столовыя, библіотеки, научно-литературныя кружки, землячества, курсовыя и факультетскія собранія и т. д. Инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ. Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ организацій должно принадлежать Совѣту; руководство и участіе въ этихъ организаціяхъ преподавательскаго персонала желательно, по выбору студентовъ и съ согласія Совѣта.

По 3-му пункту вопроса. Курсовые старосты или другія подобныя лица признаются Совѣтомъ полезными, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей.

Мотивы. Вопросъ о студенческихъ организаціяхъ имѣетъ уже довольно длинную исторію. До 1859 года,

студенты каждаго университета, въ томъ числѣ и Харьковскаго, составляли, если не корпорацію въ настоящемъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ товарищество или сообщество, пользовавшееся фактически нѣкоторыми, хотя и мало опредѣленными, правами.

Съ начала 1859 года стали приниматься мѣры, направленные къ уничтоженію духа солидарности между студентами и всего того, что сближало и связывало ихъ между собою. Изъ дѣлъ Харьковского университета видно, что поводомъ къ принятію этихъ мѣръ послужили беспорядки, возникавшіе въ Харьковскомъ университетѣ изъ за столкновеній студентовъ съ полиціей съ одной стороны и съ нѣкоторыми профессорами съ другой. Предложеніемъ отъ 22 мая 1859 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа сообщилъ ректору университета, что Государь Императоръ, по разсмотрѣніи предположеній о мѣрахъ къ предупрежденію столкновеній студентовъ съ полиціею и другими мѣстными властями, Высочайше повелѣть соизволилъ: „подчинить студентовъ, наравнѣ съ другими гражданами, полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи“. Изъ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ событій университетской жизни видно, что мѣра эта, распространенная на все университеты Имперіи, не имѣла вліянія на прекращеніе студенческихъ беспорядковъ. Уже 20 сентября того же 1859 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа допелъ Министру о мѣстѣ, распространившемся между студентами, что подчиненіе ихъ полицейскому надзору въ стѣнѣ университета спмало съ нихъ обязанность подчиняться требованію университетскаго начальства относительно соблюденія должной формы на улицахъ, скромнаго певеденія, собраній ихъ на частныхъ квартирахъ и т. д. Въ виду этого 13 января 1860 года состоялось Высочайше утвержденное постановленіе, что подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не избавляетъ

ихъ отъ повиновенія университетскому начальству. Такъ возникъ двойной надзоръ за студентами, поставившій ихъ въ далеко неодинаковое положеніе съ другими гражданами. Послѣдніе имѣли право образовывать, согласно своимъ желаніямъ и потребностямъ, всякаго рода закономъ дозволенныя товарищества и сообщества, принадлежали къ какимъ либо мѣстнымъ союзамъ или сословіямъ или связывали себя сами съ тѣми учрежденіями, въ которыхъ служили или находили себѣ заработокъ; студенты же были поставлены въ совершенно особое положеніе, такъ какъ по самой идее вводимыхъ постепенно правилъ они должны были представлять изъ себя отдѣльныхъ посѣтителей университета. За основанія правилъ, имѣвшихъ быть издаваемыми для студентовъ совѣтами университетовъ, согласно предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 20 іюля 1863 года, было предписано принять: 1) что студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, а потому не должно быть допускаемо никакое дѣйствіе ихъ, носящее въ себѣ характеръ корпоративный; на семь основаній не дозволяется подача адресовъ, присылка такъ называемыхъ депутатовъ, выставленіе отъ имени студентовъ какихъ бы то ни было объявленій; 2) что зданія университета предназначаются только для преподаванія, и что какъ во время, назначенное для лекцій, такъ и внѣ лекцій, не допускаются ни въ университетѣ, ни во дворахъ его никакія сходки или сборища; не допускаются въ университетѣ театральныя представленія, концерты, курительныя комнаты и т. п. Равнымъ образомъ не должны быть дозволяемы въ зданіяхъ университета никакія постороннія университету учрежденія, несостоящія въ завѣдываніи университетскаго начальства, какъ то: особыя студенческія библіотеки, читальни, вспомогательныя ссудныя кассы. Эти правила, какъ сказано въ предложеніи Министра, предписаны съ тою цѣлью, чтобы

устранить отъ университетовъ самые поводы къ при- скорбнымъ событіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя вы- нуждали прекращеніе лекцій. Въ силу изданныхъ на этихъ основаніяхъ правилъ, студенческія вспомога- тельная касса и библіотека, существовавшія въ Харьковѣ, были закрыты, и съ тѣхъ поръ никакія легальныя сту- денческія организаціи не были допускаемы.

Правила для студентовъ, изданныя въ 1879 году, равно какъ и правила, составленныя согласно уставу 1884 года, по содержанію своему, совершенно тожде- ственны съ изложенными выше, но съ нѣкоторыми до- полненіями, а именно—студентамъ разрѣшено было курить табакъ въ особо назначенныхъ для того ком- натахъ, но воспрещено произнесеніе публичныхъ рѣ- чей, производство какихъ бы то ни было денежныхъ сборовъ, участіе въ какихъ бы то ни было тайныхъ обществахъ и кружкахъ, какъ то, землячествахъ и т. п., хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли, а равно вступленіе даже въ дозволенныя закономъ общества, безъ испрошенія на то, въ каждомъ отдѣльномъ слу- чаѣ, разрѣшенія ближайшаго университетскаго началь- ства. Таковы въ бѣгомъ обзорѣ правила студенческой организаціи, или вѣрнѣе сказать, дезорганизаціи, про- водимыя гласно, объявляемыя во всеобщее свѣдѣніе. Но за этими гласными правилами скрывались еще и не гласныя, но несомнѣнно существовавшія внѣ сферы университетскаго вліянія. Объ этихъ правилахъ можно только догадываться по массамъ высылаемыхъ изъ университетскихъ городовъ административною властью студентовъ, принимавшихъ участіе въ какихъ либо сходкахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—за собраніе съ совершенно невинными цѣлями въ частныхъ кварти- рахъ. Это еще болѣе усиливало разобщенность студен- товъ, но нисколько не уменьшало числа случаевъ на- рушенія обычнаго теченія университетской жизни. Даже болѣе того, чѣмъ суровѣе подавлялись всякія сходки,

союзы, землячества и т. д., тѣмъ больше поводовъ являлось къ производству студентами такъ называемыхъ безпорядковъ, и тѣмъ чаще студенчество обращалось къ тайной организаціи, въ которой видѣло единственный выходъ изъ своего, дѣйствительно, затруднительнаго положенія.

Озлобленные, благодаря внѣшнимъ тяжелымъ условіямъ, ихъ окружающимъ, молодые люди переставали внимать голосу авторитетовъ, собственному своему разуму и цѣликомъ поддавались охватившему ихъ чувству раздраженія. Находясь въ такомъ душевномъ состояніи, часто подвергаясь карѣ, далеко несоотвѣтствовавшей, по ихъ внутреннему самосознанію, винѣ, молодежь изъ тайныхъ студенческихъ организаціи переходила въ таковыя же политическія. Болѣе или менѣе организованная среда, въ которую они въ такихъ случаяхъ попадали, являлась для нихъ привлекательной, въ особенности потому, что удовлетворяла ихъ чувству товарищества, соединяла на общее дѣло, преступное съ точки зрѣнія закона, но представлявшее ихъ заблуждавшемуся уму и возбужденному чувству благороднымъ подвигомъ. Совѣтъ не имѣетъ возможности, за недостаткомъ времени, вдаваться въ большія подробности по этому больному вопросу. Полувѣковой опытъ жизни университетовъ съ совершенною ясностью доказываетъ, что все стремленія сдѣлать изъ студентовъ „отдѣльныхъ посѣтителей“ университета, съ цѣлью предотвращенія безпорядковъ, не достигаютъ цѣли, и разрозненная въ повседневной жизни молодежь легко объединяется путемъ тайныхъ организаціи для производства такихъ глубоко печальныхъ для академической жизни явленій, какъ забастовки во всѣхъ университетахъ Имперіи, въ 1899, 1900 и 1901 годовъ. На „разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ“ указано было въ послѣдніе годы и правительствомъ,

какъ на одну изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ (см. правительственное сообщеніе отъ 24 мая 1899 года), и распоряженіемъ покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, велѣдъ за тѣмъ изданнымъ (21 іюля того же года), предписывалось: 1) широкая организація практическихъ занятій, 2) учрежденіе научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ и 3) устройство правильно поставленныхъ студенческихъ общежитій—въ качествѣ мѣръ для установленія желательнаго общенія между студентами, профессорами и учебнымъ начальствомъ. Въ этихъ правительственныхъ распоряженіяхъ можно видѣть до нѣкоторой степени поворотъ во взглядахъ на значеніе студенческихъ организацій. Совѣтъ полагаетъ, однако, что студенческимъ организаціямъ не слѣдуетъ придавать значенія исключительной, спеціальной мѣры для борьбы съ безпорядками. Такія организаціи пужны потому, что онѣ будутъ содѣйствовать подъему умственного, нравственнаго развитія студентовъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Пусть студенты используютъ всю силу корпоративнаго устройства, которое пріучитъ ихъ еще со школьной скамьи къ самодѣятельности, къ пониманію значенія и смысла взаимной помощи, общественнаго мнѣнія, исполненія своего долга, принятыхъ на себя обязанностей, разовьетъ въ нихъ чувства уваженія къ закону. Но само собою разумѣется, что все это косвенно должно повліять и на оздоровленіе студенческой массы отъ такихъ болѣзненныхъ явленій, какъ политическая агитація, забастовки и т. п., по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они зависятъ не отъ общихъ условій русской жизни, лежащихъ внѣ сферы и вліянія университета, а отъ условій быта студентовъ въ самомъ университетѣ; путемъ постепеннаго вліянія на студенческую массу, корпоративныя организаціи могутъ *перевоспи-*

тивать ее въ духѣ настоящей общественности, которая, признавая не только права, но и обязанности, преклоняется передъ закономъ. И если сознаеть необходимость его измѣненія, то дѣйствуетъ для этого тѣмъ же мирнымъ, законнымъ, путемъ, зная хорошо, что прежде всего сознаніе о необходимости той или иной реформы должно захватить широкіе общественные круги и правительственныя сферы. Такія явныя организаціи могутъ отвлекать очень многихъ отъ организацій тайныхъ, ибо послѣднія, при существованіи первыхъ теряютъ, несомнѣнно, свой смыслъ и обаяніе.

Русская молодежь, какъ и всякая другая, очень чувствительна къ явной несправедливости, легко реагируетъ на всевозможныя явленія общественной и государственной жизни, даже на поступки и дѣйствія отдѣльных лицъ и потому легко и сильно возбуждается. Легальныя студенческія организаціи едва ли передѣлаютъ самый характеръ нашей молодежи и едва ли заставятъ ее совершенно спокойно относиться къ подобнымъ явленіямъ. Но они могутъ усиливать средніе, умѣренные ея элементы на счетъ крайнихъ, освобождать болѣе благоразумное и спокойное большинство отъ насилія возбужденнаго меньшинства и, слѣдовательно, будутъ содѣйствовать болѣе спокойному разрѣшенію разныхъ инцидентовъ и эксцессовъ. Говоря о свободныхъ студенческихъ организаціяхъ, Совѣтъ хотя и полагаетъ, что инициатива въ дѣлѣ устройства студенческихъ организацій должна принадлежать самимъ студентамъ, въ то же время не думаетъ, однако, что онѣ не должны быть подчинены никакому надзору и руководству. Онѣ полагаютъ, что какъ съ одной стороны простымъ предписаніемъ нельзя создать какихъ либо дѣйствительно живыхъ и дѣятельныхъ студенческихъ организацій, при господствѣ полицейскаго режима и правительственнаго недовѣрія къ студентамъ, профессорамъ и университетамъ, такъ точно именно при автономномъ и коллегіальномъ строѣ упи-

верситетовъ и возможно развитіе довѣрія между учащими и учащимися, только на почвѣ этого довѣрія и уваженія другъ къ другу можетъ и должно возникнуть необходимое руководство студенческими организаціями со стороны университетскихъ совѣтовъ. Безъ этого, по мнѣнію Совѣта, студенческія организаціи, при настоящемъ составѣ студентовъ и разнообразіи настроеній тѣхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ они происходятъ, могутъ скорѣе поставить себѣ цѣли, выходящія за предѣлы дѣйствительныхъ потребностей университетской жизни. Совѣтъ въ тоже время думаетъ, что предвидѣть всѣ формы этихъ организацій нельзя, такъ какъ онѣ зависятъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій самой университетской жизни. Поэтому, намѣтивъ лишь въ общихъ чертахъ тѣ цѣли, которыя могутъ себѣ ставить эти организаціи, Совѣтъ считаетъ, что разрѣшеніе вопросовъ о формѣ и уставахъ этихъ организацій должны быть предоставлены совѣтамъ университетовъ. Примѣненіе къ студенческимъ организаціямъ принципа *laissez faire* едва ли удобно въ интересахъ ихъ самихъ, такъ какъ эти учрежденія на совершенно легальныхъ основаніяхъ возникнутъ только теперь и могутъ испытывать, если не воздѣйствіе нелегальныхъ сферъ, то воздѣйствіе нелегальнаго, такъ сказать, настроенія. Профессора ясно сознаютъ всю затруднительность своего будущаго руководства въ студенческихъ организаціяхъ, почитая его необходимымъ въ интересахъ университета и молодежи, готовы сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы дѣятельность ихъ шла по правильному пути.

16-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?

Отвѣтъ Совѣта. *Университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ долженъ быть возстановленъ.*

Мотивы. Вопросъ объ организаціи учрежденій, вѣдающихъ дѣла о проступкахъ студентовъ противъ правилъ университетской дисциплины, имѣетъ уже свою длинную исторію. По уставу 1804 года университеты пользовались очень обширною юрисдикціею, при которой ректоръ, правленіе и совѣтъ исполняли многообразныя судебныя функціи. Уставомъ 1835 года юрисдикція университетовъ была сужена и право наложенія взысканій на студентовъ было предоставлено инспектору и поочередно округа. Порядокъ этотъ, имѣвшій, по словамъ объяснительной записки къ уставу 1863 года, много существенныхъ неудобствъ, такъ какъ „попечитель долженъ былъ ежеминутно вмѣшиваться во все мелочи студентскаго быта, а студенты постоянно находили предлогъ жаловаться на произволъ и пристрастіе“, просуществовалъ до 1863 года, когда въ университетахъ былъ организованъ особый судъ, состоявшій изъ профессоровъ, по выбору совѣта, собиравшійся, по предложенію правленія университета, для разбирательства болѣе серьезныхъ проступковъ студентовъ противъ установленныхъ правилъ поведенія. Уставъ 1884 г. упразднилъ это полезное и заслужившее общее довѣріе учрежденіе и вмѣсто него ввелъ не судебный, а административный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ студентовъ. Можно было бы ничего не возражать противъ административнаго порядка разбира-

тельства дѣлѣ о нарушеніяхъ правилъ студенческой дисциплины, если бы наказанія, налагаемыя административною властью университетовъ ограничивались только замѣчаніями и выговорами и не простирались бы до принудительнаго лишенія студентовъ свободы и даже лишенія ихъ такого драгоценнаго права, какъ право продолжать свое образованіе. Наказанія послѣдняго рода настолько серьезны и настолько глубоко затрагиваютъ интересы каждаго студента и всего студенчества, что предоставленіе права налагать эти наказанія административною властью, безъ тѣхъ гарантій въ полной справедливости взысканія и соотвѣтствія послѣдняго совершенному студентомъ проступку, какія даются только правильно-организованнымъ *судебнымъ* разбирательствомъ, представляется Совѣту крайне нежелательнымъ. Поэтому предоставленіе права выборнымъ ректору, его товарищу и коллегіи декановъ дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры, Совѣтъ считаетъ совершенно умѣетнымъ. Обращаясь къ анализу дѣйствующихъ правилъ о наложеніи взысканій на студентовъ, Совѣтъ находитъ, что при многочисленности властей, имѣющихъ право налагать эти взысканія, при суровости каръ, налагаемыхъ ими, правила эти не даютъ почти ровно никакихъ гарантій въ томъ, что приговоръ надъ совершившимъ проступокъ студентомъ соотвѣтствуетъ випѣ, и что онъ, слѣдовательно, справедливъ. Согласно дѣйствующимъ правиламъ, власти, облеченныя правомъ налагать на студентовъ взысканія за нарушеніе правилъ дисциплины, суть: 1) инспекторъ, 2) ректоръ, 3) правленіе, 4) попечитель округа, 5) особое присутствіе, созданное „временными правилами“, наконецъ—6) полиція. Скала наказаній, налагаемыхъ на студентовъ, начинается прямо съ *выговора* (*замѣчанія*, т. е. того взысканія, которое имѣетъ наиболѣе предупредительный характеръ, въ этой скалѣ нѣтъ), за которымъ слѣдуетъ 2) выговоръ со внесе-

пiемъ въ штрафную книгу, 3) арестъ въ карцеръ отъ 24 часовъ до 4 недѣль; 4) выговоръ и арестъ съ объявленiемъ, что виновный, въ случаѣ новаго проступка, будетъ немедленно удаленъ изъ университета; 5) временное запрещенiе, по распоряженiю ректора, посѣщать университетъ, съ отобраниемъ входнаго билета и съ предупрежденiемъ, что въ случаѣ ослушанiя студентъ увольняется изъ университета; 6) увольненiе изъ университета по собственному прошенiю, по предложенiю ректора; 7) увольненiе изъ университета безъ прошенiя и безъ права обратнаго поступленiя въ тотъ же университетъ, но безъ воспрещенiя поступленiя въ другiе университеты и 8) исключенiе изъ университета. Эти взысканiя, къ которымъ нужно присоединить еще 9) лишенiе пользующихся стипендiями и другими льготами этихъ послѣднихъ, сверхъ взысканiй, перечисленныхъ выше, — налагаются университетскою администрацiей, т. е. инспекторомъ (1, 2 и 3, при чемъ право инспектора подвергать собственною властью студентовъ аресту въ карцеръ ограничено 7 днями), ректоромъ 1, 2, 3 — съ тѣмъ же ограничениемъ, 4, 5, и 6) и правленiемъ (арестъ свыше 7 дней и 7, 8). Попечителю округа предоставлено уставомъ право утвержденiя приговоровъ правленiя, но и въ правѣ наложенiя имъ взысканiй, какъ главнымъ начальникомъ университета, не можетъ быть никакихъ сомнѣнiй. Не перечисляя здѣсь тѣхъ взысканiй, которыя налагаются на студентовъ за неисполненiе „приказанiя“ идти въ карцеръ, за совершенiе ими какихъ либо проступковъ противъ общихъ узаконенiй и т. д., дополнимъ здѣсь скалу студенческихъ наказанiй еще отдачею студентовъ въ солдаты на основанiи „временныхъ правилъ“ и высылку уволенныхъ правленiемъ студентовъ изъ университетскаго города полицiей, въ силу циркуляра по департаменту полицiи отъ 13 сентября 1899 года за № 1637.

Таковы запасы суровыхъ каръ, ожидающихъ студента за совершеніе имъ проступковъ противъ правилъ дисциплины. Совѣтъ думаетъ, что суровость этихъ взысканій нисколько не уменьшила числа проступковъ противъ „правилъ“ и даже папротивъ того — введеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дѣйствіе имѣло своимъ послѣдствіемъ крайнее возбужденіе студентовъ и новыя проступки.

Таковы были, какъ извѣстно, послѣдствія „временныхъ правилъ“, которыя, къ счастью, не примѣнялись въ Харьковскомъ университетѣ. Можно лишь пожелать, чтобы они были совсѣмъ отмѣнены, ибо, по глубокому убѣжденію Совѣта, ни суровостью каръ, ни созданіемъ особыхъ, внѣ университета стоящихъ судилищъ, нельзя предотвратить студенческихъ безпорядковъ и нарушеній правилъ; этого можно достигнуть только разумнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ учащемуся юношеству, надлежащимъ образованіемъ и воспитаніемъ его въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и развитіемъ какъ въ немъ, такъ и въ окружающемъ его обществѣ чувства законности.

Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ обойти молчаніемъ и другую кару, налагаемую на студентовъ административными властями, — высылку уволенныхъ правленіемъ университета изъ университетскаго города, производимую полиціей, согласно указанному выше циркуляру. Торжественные проводы высылаемыхъ изъ Харькова студентовъ, съ произнесеніемъ соотвѣтственныхъ случаю рѣчей, производившіеся не только студентами, принимавшими участіе въ безпорядкахъ, но и тѣми, которые въ послѣднихъ никакого участія не принимали, и даже посторонними лицами, служатъ яркимъ свидѣтельствомъ того, что административная высылка не удерживаетъ студентовъ отъ демонстрацій и даже наоборотъ побуждаетъ ихъ къ производству послѣднихъ, причемъ демонстраціи эти происходятъ

на улицахъ города и направляются уже противъ губернскихъ властей, т. е. принимаютъ крайне нежелательный характеръ политическихъ манифестацій. Административная высылка студентовъ не можетъ считаться также рациональною предупредительною мѣрою, ибо вызываетъ въ массѣ студентовъ обвиненіе властей въ произволѣ и расшатываетъ въ нихъ самихъ чувство уваженія къ закону, о развитіи котораго надлежитъ всемѣрно заботиться. Совѣту нѣтъ надобности говорить здѣсь много о томъ, сколь несправедлива кара массовой административной высылки и по существу. Она имѣетъ совершенно различныя послѣдствія для лицъ, ей подвергнувшихся, смотря потому, богаты ли они или бѣдны, здоровы или больны, высылаются они въ то или другое мѣсто и т. д. Наконецъ, она, можно сказать, сильнѣе наказываетъ родителей, чѣмъ дѣтей. Административная высылка студентовъ не соразмѣрно отягощаетъ наказаніе, наложенное университетскою властію, и что самое важное — подрываетъ довѣріе молодежи къ самостоятельности и справедливости университетскаго суда.

Въ интересахъ этого послѣдняго, а слѣдовательно и умиротворенія студентовъ, административная высылка должна быть отдѣлена отъ увольненія и являться вполне самостоятельнымъ наказаніемъ за совершенно самостоятельное преступленіе, законнымъ образомъ изслѣдованное и доказанное. Полиція же, на которую возлагается тяжелая миссія высылки студентовъ, не можетъ, конечно, входить въ разсмотрѣніе вопроса о степени виновности ихъ по существу, а потому мѣра эта всегда будетъ считаться студентами несправедливою и основанною не на законѣ, а на произволѣ. Въ виду высказанныхъ соображеній Совѣтъ считаетъ крайне неудобнымъ смѣшеніе университетской и полицейской юрисдикціи въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся нарушенія университетской дисциплины. Онъ полагаетъ, что

не слѣдуетъ придавать студенческимъ волненіямъ и безпорядкамъ того преувеличеннаго значенія, какое, къ сожалѣнію, имъ было при дано въ послѣднее время, и что на нихъ, при отсутствіи политической окраски, нужно смотрѣть какъ на прискорбныя явленія, могущія возникнуть по самымъ различнымъ поводамъ, при любомъ политическомъ строѣ и любомъ университетскомъ порядкѣ. При такомъ взглядѣ и борьба съ этимъ печальнымъ явленіемъ потеряетъ свой острый характеръ и будетъ въ значительной мѣрѣ облегчена, въ особенности, если въ интересахъ порядка и спокойствія, будетъ обращено серьезное вниманіе на развитіе взаимнаго сближенія и довѣрія между высшей властію, университетскимъ персоналомъ и учащимися.

Переходя къ изученію компетенціи университетскихъ властей, коимъ по уставу 1884 г. предоставлено право налагать на студентовъ перечисленные выше взысканія, Совѣтъ считаетъ нужнымъ прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что чуждой власти инспектора, не принадлежащаго къ преподавательскому персоналу университета и не имѣющаго нравственнаго авторитета, предоставлена руководящая роль въ дѣлѣ наложенія на студентовъ взысканій и привлеченіи ихъ къ отвѣтственности. Инспекторъ, имѣя власть посадить студента въ карцеръ на срокъ до 7 дней по собственному усмотрѣнію (такой власти, какъ извѣстно, не имѣютъ даже земскіе начальники!), является тѣмъ самымъ лицомъ, по представленію котораго ректоръ можетъ предложить студенту выйти изъ университета, а правленіе даже исключить его. Въ правленіи инспекторъ — полноправный членъ и, слѣдовательно, является одновременно обвинителемъ и судьей. Ректоръ и остальные члены правленія, обремененные другими занятіями, не имѣютъ къ тому же никакихъ средствъ провѣрить обвиненіе, возстановить событіе, повлекшее за собою обвиненіе въ проступкѣ, какъ оно того заслуживаетъ въ

виду серьезности кары, налагаемой на провинившагося; въ силу этого они не могутъ выработать себѣ самостоятельное мнѣніе и рѣшеніе. Въ особенности безпомощными въ этомъ смыслѣ оказываются ректоръ и правленіе при проступкахъ студентовъ массоваго характера, когда, напримѣръ, студенты устраиваютъ сходы, вырабатываютъ и подписываютъ недозволенные адреса и т. д. Какія средства имѣютъ ректоръ и правленіе опредѣлить степень виновности каждаго? Да и сама инспекція развѣ можетъ всегда безошибочно опредѣлить вину каждаго участника схода? Въдѣ бывали же случаи тяжкихъ ошибокъ, осужденія лицъ, не участвовавшихъ въ извѣстныхъ инкриминируемыхъ дѣяніяхъ; *alibi* одного было доказано его смертию, случившеюся ранѣе приписаннаго ему проступка (Москва). Дѣло изслѣдованія истины затрудняется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что и самъ обвинитель и судья въ правленіи—инспекторъ добываетъ необходимыя свѣдѣнія не непосредственно, а при посредствѣ своихъ помощниковъ и педелей. Дѣятельность педелей оказалась на столько неудовлетворительной, что роль ихъ, какъ „служителей инспекціи“, была упразднена распоряженіемъ покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣзова и вмѣсто упраздненныхъ педелей появился многочисленный персоналъ помощниковъ инспектора. Но необходимо признать, что эти лица не пользуются въ глазахъ студентовъ должнымъ авторитетомъ и довѣріемъ.

Въ виду сказаннаго, Совѣтъ полагаетъ, что восстановленіе *университетскаго суда* приблизительно такой же компетенціи и состава, какой существовать по уставу 1863 года, будетъ мѣрой, крайне желательной и необходимой, ибо она подниметъ въ глазахъ студентовъ авторитетъ университетскаго приговора и будетъ содѣйствовать развитію въ молодежи чувства уваженія къ закону. Совѣтъ надѣется, что такому суду,

какъ это было и раньше, студенты будутъ откровенно говорить правду, и тѣмъ самымъ въ университетскомъ строѣ окажутся совершенно ненужными и излишними тѣ лица, которыя, при пынѣ существующемъ порядкѣ, должны заниматься не производствомъ правильнаго слѣдствія о винѣ каждаго нарушившаго „правила поведенія“ студента, а наблюдениемъ за ихъ образомъ мыслей и характеромъ вообще, съ тѣмъ, чтобы положить этотъ столь ненадежный матеріалъ въ основу рѣшенія объ ихъ проступкахъ. По уставу 1863 года, совѣтъ избиралъ ежегодно изъ профессоровъ трехъ судей и, на случай отсутствія кого либо изъ нихъ, трехъ кандидатовъ; избранные утверждались въ должности попечителемъ. Одинъ изъ судей, исполнявшій обязанности предсѣдателя суда, долженъ былъ принадлежать къ составу юридическаго факультета. Вѣдѣнію университетскаго суда подлежали дѣла, передаваемые ему изъ правленія, 1) о нарушеніи студентами, въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета, порядка, особыми правилами установленнаго, и 2) о столкновеніяхъ между студентами съ одной стороны и преподавателями и должностными лицами университета съ другой, хотя бы эти столкновенія произошли и внѣ зданій и учреждений университета. Правила о взысканіяхъ, полагаемыхъ на студентовъ проректоромъ, ректоромъ, правленіемъ и судомъ, а также о порядкѣ дѣлопроизводства въ университетскомъ судѣ, составлялись каждымъ университетомъ и утверждались попечителемъ.

Разсмотрѣвъ эти правила, Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что, при организаціи будущаго университетскаго суда, слѣдовало бы принять во вниманіе ниже слѣдующее. Университетскій судъ не долженъ терять характера суда дисциплинарнаго, разсматривающаго лишь спеціально студенческіе проступки. Дѣятельность суда должна быть по возможности извѣстна студентамъ, не только по постановляемымъ имъ приговорамъ,

но и по характеру всего его дѣлопроизводства. Въ виду этого было бы желательно допустить присутствіе представителей отъ студентовъ при судопроизводствѣ, безъ допущенія ихъ, однако, въ совѣщательную комнату при обсужденіи степени виновности и мѣры наказанія провинившагося.

Въ виду того, что для разрѣшенія дѣлъ по столкновеніямъ студентовъ между собою предполагается учредить особый студенческій судъ чести, дѣла этого рода должны подлежать университетскому суду только въ порядкѣ апелляціонномъ.

Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ органами административной власти университета, равно какъ и правила преданія студентовъ университетскому суду и порядокъ его дѣлопроизводства должны, по мнѣнію Совѣта, быть выработаны совѣтомъ. Этому же послѣднему должно быть предоставлено право опредѣлить, по какимъ дѣламъ рѣшенія университетскаго суда должны быть признаны окончательными и по какимъ окончательное рѣшеніе должно быть предоставлено совѣту. Въ качествѣ мѣры, въ высокой степени полезной, было бы желательно допустить при дѣйствіи университетскаго суда принципъ условности осужденія.

17-й ВОПРОСЪ.

Не слѣдуетъ ли независимо отъ сего (университетскаго суда) ввести особый студенческій (товарищескій) судъ специально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству?

Отвѣтъ Совѣта. *Совѣтъ высказался за введеніе особаго студенческаго суда, который долженъ быть устроенъ по общему образцу „товарищескихъ судовъ чести“, съ тѣмъ, чтобы недовольные его рѣшеніемъ могли апеллировать къ университетскому суду.*

Мотивы. Основной мотивъ для введенія этого учрежденія заключается въ томъ, что оно составляетъ необходимую принадлежность корпоративнаго устройства. Если студенты получаютъ таковое въ формѣ землячества, кружковъ и т. п., что признаетъ полезнымъ Совѣтъ, то имъ необходимо будетъ предоставить и товарищескій судъ, по образцу, напримѣръ, судовъ, существующихъ въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ или обществъ офицеровъ. (См. объ этомъ послѣднемъ въ уставѣ дисциплинарномъ. С.-Пб. 1901 г., глава 14-я—о судѣ общества офицеровъ, § 130—166). Этому суду могли бы предаваться, для охраненія чести и достоинства студенческой корпораціи, студенты, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи или поступкахъ, хотя не подлежащихъ дѣйствию уголовныхъ законовъ, но не совмѣстныхъ съ понятіемъ о студенческой чести или изобличающихъ въ обвиняемомъ отсутствіе правилъ нравственности и благородства. Было

высказано желаніе, чтобы судъ этотъ состоялъ изъ курсовыхъ старостъ подъ предсѣдательствомъ профессора, избраннаго студентами. Но другіе члены Совѣта находили, что его организацію слѣдуетъ предоставить самимъ студентамъ. Рекомендовался также и третейскій судъ для разрѣшенія личныхъ недоразумѣній между студентами.

18-й ВОПРОСЪ.

Какія измѣненія желательно внести въ постановку университетской инспекціи?

Отвѣтъ Совѣта. *Инспекцію въ ея нынѣшнемъ видѣ необходимо упразднить и учредить должность товарища ректора, избираемаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ, въ помощь ректору по дѣламъ студенческимъ.*

Мотивы. Въ современной постановкѣ инспекціи есть такіе коренные недостатки, для устраненія которыхъ необходимо реформировать ее самымъ кореннымъ образомъ. Цѣль, сущность и смыслъ инспекціи, по уставу 1884 г. и инструкціи, заключаются въ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣ его. Инспекторъ долженъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ и принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ *предупрежденію и пресѣченію* ихъ нарушенія; онъ и его помощники должны знать въ лицо всѣхъ студентовъ, слѣдить за посѣщеніемъ ими лекцій, ознакомиться съ ходомъ занятій и обстановкой стипендіатовъ и освобожденныхъ отъ платы; отъ инспектора зависитъ выдача студентамъ стипендій и пособій. Онъ въ одно и тоже время и слѣдователь, и прокуроръ, и судья по проступкамъ студентовъ. Онъ—полноправный членъ правленія университета по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и научно-учебнымъ! Не будучи членомъ ученой коллегіи, не имѣя научнаго ценза, онъ, вмѣстѣ съ деканами—представителями факультетовъ, рѣшаетъ научные вопросы, при чемъ зависимость его отъ ректора ослабляется прямымъ подчиненіемъ попечителю округа.

Задачи инспекціи поставлены слишкомъ широкія, цѣли—недостижимыя, и въ результатѣ выходитъ вмѣсто пользы—вредъ, вмѣсто дѣла—его формальное, бумажное исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, пужно ли было создавать дорого стоящее учрежденіе, чтобы слѣдить за поведеніемъ студентовъ въ университетѣ и *внѣ его*? Если смотрѣть на студентовъ, какъ на школьниковъ, гимназистовъ, несовершеннолѣтнихъ, то быть можетъ, и нужно: но вѣдь они—взрослые люди и насильственное, подчиненіе ихъ суровой школьной дисциплинѣ, едва ли умѣстно; съ другой стороны, можетъ ли инспекція достигнуть поставленной ея цѣли—наблюденія за студентами также и на дому? Конечно, нѣтъ. А своимъ надзоромъ въ стѣнахъ университета она мало достигаетъ даже своей прямой задачи (знать студентовъ)—и въ тоже время сильно раздражаетъ и вооружаетъ противъ себя учащуюся молодежь; полицейскія же формы, въ какія выливается этотъ неослабный надзоръ, совершенно исключаютъ возможность нравственного вліянія, сердечнаго отношенія къ молодежи—о нихъ молчитъ инструкция инспектору, она ихъ не хочетъ знать... Молодежь чувствуетъ себя заподозрѣнной, отданной какъ бы подъ строгій полицейскій надзоръ инспекціи. Вынужденная этимъ держаться на сторожѣ, оскорбляемая этимъ непрерывнымъ надзоромъ и сыскомъ, она начинаетъ смотрѣть на представителей инспекціи, какъ на враговъ—съ недовѣріемъ, неуваженіемъ, боязнью и въ то же время съ ненавистью, она сама певольно усваиваетъ въ этой глухой борьбѣ привычки, несоотвѣтствующія добрымъ нравамъ. При такихъ условіяхъ, требуемая 23 § инструкціи солидарность между профессорами и инспекціей, оказывается совершенно невозможной, ибо одни дѣйствуютъ исключительно односторонними внѣшними мѣрами, а другіе—внутренними, нравственными.

При нормальномъ теченіи университетской жизни, инспекція оказывается бесполезной, потому что то *реальное* дѣло, которое она исполняетъ, носитъ чисто канцелярскій характеръ и не требуетъ этого сложнаго и дорогого института. Во время же безпорядковъ, когда, повидимому, въ ней является потребность, она оказывается безсильной по существу, потому что не обладаетъ никакимъ нравственнымъ авторитетомъ. Значительное усиленіе инспекціи въ послѣднее время привело къ результатамъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ ожиданіямъ: безпорядки не уменьшились, а даже обострились, и вся роль инспекціи свелась къ записямъ лицъ, присутствовавшихъ на сходкѣ, хотя эти послѣднія и сами не отказывались свидѣтельствовать своею подписью о своемъ участіи въ недозволенномъ собраніи. Но спрашивается: неужели существованіе инспекціи можно оправдывать тѣмъ, что ею будетъ записано нѣсколько лишнихъ участниковъ сходки? Очевидно что, увеличеніе численнаго состава инспекціи, какъ то показали уже опытъ 1899 и 1901 г.г., вмѣсто ожидаемой пользы и впредь принесетъ только вредъ. Наоборотъ, наиболѣе рачіонально будетъ здѣсь идти по пути сокращенія, а не усиленія ея персонала и функцій. Нужно будетъ отбросить многія непущныя и недостижимыя обязанности инспекціи—только тогда она войдетъ въ свое естественное русло.

Прежде всего слѣдуетъ сократить основную функцію инспекціи—нечѣмъ неограниченный надзоръ, доходящій до чтенія въ мысляхъ и намѣреніяхъ, и низвести его до простаго наблюденія за порядкомъ; надзоръ же домашній долженъ быть совсѣмъ уничтоженъ. Затѣмъ нужно вовсе уничтожить обязанность инспекціи наблюдать за посѣщеніемъ студентами лекцій, во 1-хъ, потому что принудительное посѣщеніе лекцій совершенно недостигаетъ своей цѣли (студентъ, сидя на лекціи, можетъ вовсе не слушать лектора, читать какую нибудь

книгу и т. п.), во 2-хъ, потому что это средство было бы совершенно недостаточно: единственною серьезною мѣрою могла бы быть перекличка, но она потребовала бы затраты массы времени и опять таки не гарантировала бы внутренняго успѣха, т. е. вниманія студента. Въ 3-хъ, принудительныя мѣры и записи только увеличатъ равнодушіе студентовъ къ преподаваемымъ имъ предметамъ. Уставъ 1884 года самымъ категорическимъ образомъ запретилъ студентамъ устройство кружковъ и всего того, что носить характеръ товарищескихъ дѣйствій; надзоръ за точнымъ соблюденіемъ этого требованія былъ возложенъ на инспекцію; по разѣ землечества и кружки будутъ допущены—тогда и эта функція падетъ сама собою; поручить же *руководительство* въ кружкахъ инспектору или его помощникамъ—это значитъ сразу вызвать въ нихъ оппозиціонный духъ и погубить дѣло.

Если въ указанномъ смыслѣ ввести обязанности инспекціи въ естественныя границы наблюденія за вѣшнимъ порядкомъ и необходимаго дѣлопроизводства по студенческимъ дѣламъ, то, конечно, передача общаго руководства всего этого дѣла въ руки товарища ректора принесетъ несравненно больше пользы, чѣмъ сохраненіе должности отдѣльнаго, чуждаго университету, инспектора, даже съ вышеприведенными ограниченіями его пунѣ столь многотрудныхъ и многосложныхъ обязанностей. Такая реформа въ дѣлѣ надзора *по учебной дисциплинѣ* окажется, несомнѣнно, благотворною потому, что уничтожитъ духъ раздраженія, озлобленія и оппозиціи, нерѣдко замѣчаемый въ студенчествѣ по отношенію къ нынѣшней инспекціи, будетъ содѣйствовать водворенію порядка и спокойствія и тѣмъ облегчитъ сближеніе и общеніе между представителями университетской администраціи и учащимися.

Наконецъ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что та же реформа представить преимущества и съ чисто финансовой стороны въ смыслѣ значительнаго сокращенія расходовъ на пышную инспекцію.

При дѣйствіи устава 1804 года инспекторъ избирался изъ профессоровъ, т. е. иными словами—былъ проректоръ. Уставъ 1835 года изымалъ изъ рукъ университета дисциплинарную власть надъ студентами и отдавалъ ее въ руки инспектора, который избирался изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и былъ подчиненъ попечителю. По уставу 1863 года, Совѣтъ могъ избрать проректора изъ профессоровъ или инспектора изъ постороннихъ лицъ. Уставъ 1884 года ввелъ инспекцію, назначаемую попечителемъ и *независимую* отъ Совѣта. Такимъ образомъ, при бюрократическомъ строѣ университетовъ дѣйствуетъ инспекторъ, при автономіи — проректоръ изъ профессоровъ. Вѣрную оцѣнку этихъ двухъ системъ дать объяснительная записка къ уставу 1863 года. Не подлежитъ сомнѣнію, говорится тамъ, что при непрерывныхъ сношеніяхъ студентовъ съ инспекторомъ, послѣднему необходимъ высшій нравственный авторитетъ, котораго не можетъ имѣть лицо, совершенно чуждое университету и дѣйствующее не отъ имени университетскаго Совѣта. Не потому только проректоръ или инспекторъ должны обладать нравственнымъ авторитетомъ, что управленіе при этомъ условіи дѣлается легче, но потому, главнымъ образомъ, что, при отсутствіи нравственнаго авторитета, управленіе становится *невозможнымъ*. Такимъ авторитетомъ, безъ сомнѣнія, пользовался по уставу 1863 года проректоръ, избравшійся Совѣтомъ изъ числа профессоровъ. Совѣтъ, при выборѣ такого лица изъ числа своихъ членовъ, могъ знать очень хорошо, кому онъ ввѣряетъ эту трудную должность, а съ другой стороны, избираемый, уже давно знакомый съ университетомъ, знаетъ напередъ, какія важныя и тяжелыя обязанности онъ

принимаетъ на себя. Со стороны Совѣта проректоръ могъ рассчитывать на самое искренное участіе и опору всей коллегіи университетскихъ преподавателей; въ университетской молодежи онъ встрѣчалъ знакомую публику, которая также уже имѣла возможность опѣнить его достоинства заблаговременно. Напротивъ того, многолѣтній опытъ ясно показалъ, что управленіе инспекторовъ изъ постороннихъ лицъ не привело университеты не только къ желаемой цѣли—порядку, но даже и къ достаточному спокойствію; не смотря на добрую волю инспекторовъ и даже иногда на удачный выборъ лицъ, отношенія между инспекторами и студентами были почти постоянно враждебныя.

Давъ мотивированные отвѣты на всѣ вопросы, предложенные Министерствомъ касательно измѣненія устава 1884 года, Совѣтъ присоединяетъ къ нимъ еще заключенія на пять дополнительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ имъ самимъ согласно разрѣшенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, „не стѣсняющаго совѣтовъ какими-либо рамками и ожидающаго ихъ мнѣній по всѣмъ вопросамъ, которымъ въ интересахъ дѣла они придаютъ значеніе“.

На первомъ планѣ среди этихъ вопросовъ стоитъ вопросъ объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета.

1-й.

Объ улучшеніи и расширеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Необходимымъ средствомъ къ поднятію уровня получаемого студентами образованія и пробужденія въ нихъ бѣльшаго интереса къ занятіямъ должно служить *улучшеніе и расширеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений*, составляющихъ какъ-бы нервъ университетской жизни: безъ такого улучшенія и расширенія ихъ не можетъ успѣшно развиваться научная дѣятельность; самое преподаваніе по многимъ предметамъ не можетъ стоять на должной высотѣ и возбуждать въ должной степени интересъ въ студентахъ. Можно ли ожидать

усердныхъ и успешныхъ занятій со стороны студентовъ, если, напр., помѣщенія кабинетовъ и лабораторій не имѣютъ надлежащихъ приспособленій и тѣсны, такъ-что не вмѣщаютъ и третьей части слушателей? а тѣмъ болѣе, если въ университетѣ вовсе нѣтъ какихъ-либо существенно необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, какъ, напр., нѣкоторыхъ клиникъ? если въ библіотекѣ не имѣется въ достаточномъ числѣ экземпляровъ изданій, необходимыхъ при практическихъ занятіяхъ, такъ что одинъ экземпляръ приходится на нѣсколько студентовъ? если въ ней совсѣмъ не имѣется важныхъ пособій или ихъ можно достать только съ трудомъ, съ потерей времени, влѣдствіе того, что слишкомъ ограниченъ персоналъ служащихъ въ библіотекѣ и т. д.?

Именно въ такомъ положеніи находится Харьковскій университетъ. Состояніе его учебно-вспомогательныхъ учреждений далеко не удовлетворительное, можно сказать даже плачевное. Ютятся большею частью въ тѣсныхъ, плохо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, учреждения эти далеко не соотвѣтствуютъ современному состоянію науки, не отвѣчаютъ своей задачѣ и не могутъ какъ слѣдуетъ выполнять своего назначенія, и это въ то время, когда возникаютъ прекрасно и богато обставленные спеціальныя высшія учебныя заведенія—политехникумы и технологическіе институты. Университетъ остается позади и его образовательное значеніе понижается. Медицинскій факультетъ Харьковского университета не имѣетъ вовсе такихъ важныхъ учреждений, какъ напр. клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дѣтскихъ болѣзней, кожныхъ болѣзней и сифилиса. Каѳедры общей патологій, фармакологій и гігіены до сихъ поръ не имѣютъ штатныхъ помощниковъ профессора; помѣщенія для кабинетовъ и лабораторій этихъ каѳедръ совершенно не приспособлены для потребностей строго научна-

го преподаванія, експериментальнаго по преимуществу; всѣ кафедры медицинскаго факультета не обеспечены достаточнымъ количествомъ инвентаря и не имѣютъ низшаго служебнаго персонала. На физико-математическомъ факультетѣ есть кабинеты и лабораторіи, вовсе не имѣющіе лаборантовъ, а многіе не имѣютъ лаборантовъ штатныхъ. Музей изящныхъ искусствъ ютится въ совершенно непригодномъ помѣщеніи, грозящемъ порчею и гибелью коллекціи картинъ. „Историческій Архивъ“, имѣющій огромное научное значеніе и могущій служить полезнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ для историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, находится *въ штатѣ 20 лѣтъ* и проч.

Средства, отпускаемыя на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений при Харьковскомъ университетѣ, совершенно недостаточны. Насколько они скудны, показывать между прочимъ положеніе фундаментальной библіотеки (подробности въ прилагаемой запискѣ). На выписку книгъ на нѣкоторыхъ факультетахъ приходится около 26 руб. на кафедру въ годъ. Самое помѣщеніе библіотеки настолько ветхо и опасно въ пожарномъ отношеніи, что правленіе университета, видя безуспѣшность прежнихъ ходатайствъ объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений, въ теченіе многихъ лѣтъ должно было дѣлать сбереженія изъ специальныхъ средствъ, отказывая всѣмъ членамъ Совѣта часто въ удовлетвореніи самыхъ основательныхъ ихъ ходатайствъ и научныхъ нуждъ, чтобы составить сумму, достаточную для осуществленія проекта зданія новаго книгохранилища, и такимъ образомъ предохранило отъ опасности библіотеку, — это наиболѣе цѣнное имущество университета.

Для многихъ учреждений вовсе не имѣется штатныхъ суммъ и они содержатся на скудные специальные средства университета. Дѣло въ томъ, что при введе-

ніи устава 1884 г. общая штатная сумма на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений и ихъ персонала не только не была увеличена, но даже уменьшена по сравненію со штатами 1863 г., а между тѣмъ, въ виду развитія науки, ощущалась настоятельная необходимость въ открытіи новыхъ учреждений.

Расширеніе и улучшеніе учреждений Харьковскаго университета особенно было бы теперь желательно и благовременно, въ виду предстоящаго столѣтняго юбилея его.

О неотложныхъ нуждахъ учебно-вспомогательныхъ учреждений Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета многократно представлялъ ходатайства, однако по сіе время большая часть такихъ ходатайствъ оставалась безъ удовлетворенія. Но что въ послѣднее время само Министерство сознаетъ настоятельность нуждъ университета, это явствуется изъ предложенія покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія т. с. Н. П. Боголѣпова—представить заявленія о нихъ, въ отвѣтъ на каковое предложеніе факультеты въ 1899 году заявили о своихъ нуждахъ. На этихъ заявленіяхъ, главнымъ образомъ, и основаны нижеслѣдующія записки. Послѣднее представленіе Харьковскаго университета о размѣрахъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для устройства практическихъ занятій на всѣхъ факультетахъ, отправлено было Совѣтомъ г. попечителю округа 16 мая 1899 г. за № 1408.

О НУЖДАХЪ ФАКУЛЬТЕТОВЪ.

1. Историко-филологическій факультетъ.

1) Съ историко-филологическимъ факультетомъ тѣсно связано Историко-Филологическое Общество (съ *Педагогическимъ Отдѣломъ*). Естественный ростъ Общества и его Педагогическаго Отдѣла задерживается недостат-

комъ средствъ: откладывается выпускъ и печатаніе „Сборника Общества“ и „Трудовъ Педагогическаго Отдѣла“, оказывается невозможнымъ осуществить археологическія экскурсіи для пополненія коллекцій музея древностей, недостаетъ средствъ и на расширеніе, пополненіе и устройство библіотеки Общества.

Поэтому факультетъ проситъ субсидіи (ежегодной), отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 500 р. для Общества и такой же субсидіи для его Педагогическаго Отдѣла.

2) При Обществѣ имѣется *Историческій Архивъ*— центральное хранилище историческихъ матеріаловъ, касающихся Старой Малороссіи и Слободской Украйны, т. е. нынѣшнихъ губерній Черниговской, Полтавской и Харьковской, хранилище, важное для изученія внутренней, а также и военной исторіи. Соотвѣтствуя по своему характеру Кіевскому Центральному Архиву, имѣющему свой штатъ и находящемуся въ помѣщеніи университета, Харьковскій Историческій Архивъ *не имѣетъ штатныхъ суммъ* на содержаніе архиваріуса, канцелярскіе расходы и изданіе памятниковъ. Архиваріусъ служитъ по найму съ вознагражденіемъ изъ специальныхъ средствъ университета, *не имѣя правъ государственной службы*; между тѣмъ онъ долженъ выдавать и свидѣтельствовать частнымъ лицамъ копии съ документовъ, на которыхъ основываются ходатайства о дарованіи дворянства или возстановленіи имущественныхъ правъ (между прочимъ о старозаимочныхъ земляхъ, въ коихъ казна заинтересована на милліоны рублей), въ его вѣдѣніи находится казенное имущество, потеря коего не можетъ быть ничѣмъ вознаграждена.

Относительно Историческаго Архива факультетъ ходатайствуетъ: 1) о введеніи его въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковского университета; 2) объ ассигнованіи на него ежегодной штатной

суммы изъ средствъ государственнаго казначейства по 2000 р. (1200 р. на жалованье архивариусу, 300 р.— на жалованье писцу и 500 р.— на изданіе архивныхъ матеріаловъ); 3) о предоставленіи архивариусу Историческаго Архива правъ государственной службы и пенсіи.

3) *Музей Изящныхъ Искусствъ* находится въ невозможномъ помѣщеніи, которое (какъ упомянуто) не только тѣсно, но и грозитъ гибелью и порчею довольно обширной коллекціи картинъ, составившейся благодаря пожертвованіямъ. Въ настоящее время, въ виду предстоящаго археологическаго съѣзда, благодаря поступленію археологическихъ находокъ и коллекцій, главнымъ образомъ пріобрѣтенныхъ на Высочайше ассигнованныя средства, увеличился отдѣлъ древностей, а помѣщенія для него нѣтъ. Музей весьма бѣденъ научными сочиненіями и изданіями, слѣпками и снимками, безъ коихъ невозможны занятія ни при преподаваніи предмета, ни при научныхъ работахъ. Отпускаемой суммы въ 1000 руб. недостаетъ даже для пріобрѣтенія наиболѣе выдающихся сочиненій, а о пополненіи библіотеки Музея прежде вышедшими изданіями нечего и думать, равно какъ и о пріобрѣтеніи необходимыхъ слѣпковъ и снимковъ. — Состоящій при Музеѣ хранитель или помощникъ завѣдующаго не значится въ штатѣ и служитъ по пайму, съ скуднымъ вознагражденіемъ изъ специальныхъ средствъ.

Факультетъ ходатайствуетъ: 1) объ увеличеніи ассигнуемой на Музей суммы съ 1000 р. до 2000 р.; 2) объ единовременномъ пособіи въ размѣрѣ 5000 р. на пополненіе Музея специальными изданіями и коллекціями; 3) о расширеніи помѣщенія Музея или устройствѣ особаго для него зданія; 4) необходимо также включить въ штатъ должность хранителя музея.

4) *Нумизматическій* кабинетъ имѣетъ тѣсное и совершенно неудовлетворительное помѣщеніе.

5) При факультетѣ имѣется кабинетъ для веденія *практическихъ занятій со студентами* и въ немъ особая библіотека, преимущественно изъ справочныхъ пособій и изданій памятниковъ. Для того, чтобы кабинетъ и библіотека удовлетворяли своему назначенію, необходима для содержанія ихъ сумма въ 1000 р. въ годъ (считая въ томъ числѣ и вознагражденіе завѣдующему), тѣмъ болѣе, что библіотека при кабинетѣ существуетъ всего только второй годъ и не имѣетъ многихъ цѣнныхъ изданій, которыя являются существенно необходимыми при занятіяхъ студентовъ и которыя должны быть въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ какъ иначе веденіе практическихъ занятій будетъ затруднительно.

На вознагражденіе, по усмотрѣнію факультета, тѣхъ приватъ-доцентовъ, которые будутъ привлекаться къ участию въ руководствѣ практическими занятіями въ качествѣ помощниковъ штатныхъ профессоровъ, должна быть ассигнуема ежегодно сумма отъ 1500 до 2000 р.

II. Юридическій факультетъ.

Необходимо ассигновать: а) на вознагражденіе лицъ, которыми будутъ ведены практическія занятія, 9600 р. (т.-е. по 600 р. на каждую каѳедру, считая исторію и догму римскаго права за двѣ каѳедры, гражданское право и гражданское судопроизводство за двѣ каѳедры, уголовное право и уголовное судопроизводство за двѣ каѳедры, политическую экономію и статистику за двѣ каѳедры); б) на Юридическій Кабинетъ для приобрѣтенія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ справочныхъ изданій, руководствъ, памятниковъ и проч., считая по 300 руб. на каждую каѳедру, 3600 р. (единовременно). Такъ какъ при такомъ порядкѣ въ Юридическомъ Кабинетѣ будетъ сосредото-

чено значительное число законодательныхъ актовъ, книгъ и друг. пособій, то неизбежно потребуется для завѣдыванія кабинетомъ особое лицо, которому должно быть назначено вознагражденіе въ размѣрѣ 600 р. въ годъ. Такимъ образомъ, на покрытие расходовъ, вызываемыхъ практическими занятіями, потребуется а) ежегодно 10,200 р., б) единовременный расходъ на расширеніе помѣщенія Юридическаго Кабинета (напр., присоединеніемъ къ оному аудиторіи №№ 9 и 10) и с) единовременный расходъ въ 3600 р. на приобрѣтеніе въ значительномъ количествѣ экземпляровъ справочныхъ изданій и пр.

III. Физико-математическій факультетъ.

А.—Ежегодныя доассигнованія требуются:

1) На содержаніе лаборантовъ, ассистентовъ и проч. исключительно для физико-математическаго факультета *сверхъ* имѣющихся на этотъ предметъ въ распоряженіи факультета 5900 рублей, *) признавая необходимою прибавку къ жалованью за 5-ти и 10-тилѣтнюю службу и принимая во вниманіе такое общее число лицъ этого званія, въ какомъ нуждается факультетъ 15100 р.

2) На содержаніе лабораторій (химической со 4-мя отдѣленіями, технической съ 2-мя отдѣленіями и агрономической), кабинетовъ съ лабораторіями (ботаническаго съ 2-мя отдѣленіями, зоологическаго, зоотомическаго, сравнительной фізіологіи съ гистологіею), кабинетовъ — минералогическаго, геологическаго, географическаго и прикладной меха-

*) Изъ штатной суммы 7500 р.—1600 р. расходуется на содержаніе двухъ лаборантовъ медицинскаго факультета.

ники, фізическаго института съ магнито-метеорологическимъ отдѣленіемъ и съ метеорологическою станціею 9400 р.

На содержаніе астрономической обсерваторіи съ сейсмическимъ отдѣленіемъ . . . 3000 р.

Итого ежегодно. 27500 р.

3) Сверхъ того на *экспурсіи* преподавателей и студентовъ 1000 р.

Б.—Единовременныя ассигнованія испрашиваются:

1) Морфологическимъ отдѣленіемъ ботаническаго института (на микроскопы и проч.). 1500 р.

2) Физиологическимъ отдѣленіемъ того же института (на приборы и проч.) 2000 р.

3) Зоотомическимъ кабинетомъ (микроскопы и проч.) 1000 р.

4) Лабораторіею сравнительной фізіологіи и гистологіи (на приборы и проч.) . . . 3500 р.

5) Геологическимъ кабинетомъ — на 10 петрографическихъ микроскоповъ 3000 р.

6) Астрономическою обсерваторіею на приобрѣтеніе: а) зенить-телескопа—3000 р., б) пассажнаго инструмента—2000 руб. и в) двухъ хронометровъ—1000 р., а всего . . 6000 р.

Итого единовременно . . 17000 р.

7) Сверхъ того для астрономической обсерваторіи представляется важнымъ приобрѣтеніе астрографа стоимостью въ 15000 р.

8) На кабинетъ географіи (на приобрѣтеніе картъ и книгъ) 1500 р.

В.—Расширеніе помѣщеній:

1) Ботаническаго института.

2) Астрономической обсерваторіи.

- 3) Географическаго кабинета.
- 4) Кабинета прикладной механики.

Г.—Постройка новыхъ зданій:

1) Химическаго корпуса для лабораторій—неорганической, органической, аналитической, физико-химической, технической и агрономической.

2) Физическаго корпуса для кабинета и лабораторій опытной физики, метеорологическаго кабинета и метеорологической обсерваторіи.

3) Зоологическаго корпуса для кабинетовъ и лабораторій—зоологическаго, зоотомическаго и сравнительно-физиологическаго.

4) Минералогическаго кабинета съ лабораторіей.

IV. Медицинскій факультетъ.

На предложеніи г. ректора университета отъ 8 и 11 мая 1899 г. за №№ 1356 и 1380 о доставленіи соображеній о томъ—какъ великъ можетъ быть размѣръ кредита, потребнаго на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ практическими занятіями, медицинскимъ факультетомъ 15 мая 1899 г. (№ 129) сдѣлано было представленіе г. ректору университета, согласно постановленію медицинскаго факультета 11 мая 1899 г., о нуждахъ по всѣмъ каѳедрамъ.

Для правильнаго веденія практическихъ занятій требуется увеличеніе (ассигнованіе) суммъ:

а) На препараты, инструменты, аппараты, модели, книги и журналы и проч. по 17 каѳедрамъ 36596 р.

б) На прибавку средствъ, ассигнованныхъ на факультетскія клиники и клиническіе кабинеты. 12000 „

с) На кабинеты госпитальныхъ клиникъ 2000 „

48596 „

На увеличеніе личного состава:

12 помощниковъ прозектора по 800 р.	9600 р.
3 прозекторамъ по 1500 р.	4500 „
1 лаборанту	1200 „
5 помощн. лаборанта по 800 р. . . .	4000 р.
7 ассистентамъ по 1200 р.	8400 „
5 препараторамъ по 600 р.	3000 „
6 ординаторамъ по 800 р.	4800 „
3 фельдшерамъ по 360 р.	1080 „
низшимъ служителямъ	570 „
Всего . .	37150 „

На прибавку къ жалованью по существующимъ уже должностямъ:

6 помощникамъ прозектора по 300 р. .	1800 р.
2 лаборантамъ по 400 р.	800 „
10 ординаторамъ по 200 р.	2002 „
	4600 „

Итого:

На учебно-вспомогат. учрежд.	48596 „
„ личный составъ	41750 „
	90346 „

Къ этому необходимо прибавить ассигнованіе на устройство трехъ, до сихъ поръ не существующихъ еще въ Харьковскомъ университетѣ, клиникъ, а именно:

1) Клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней (постановленіе медиц. факультета отъ 31 января 1900 г.)	160000 р.
2) Клиники дѣтскихъ болѣзней . . .	100000 „
и 3) Клиники кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней	100000 „
Итого .	360000 „

Въ виду чрезвычайной тѣсноты и неприспособленности лабораторій и кабинетовъ медицинскаго факультета крайне необходима постройка одного большого или нѣсколькихъ меньшихъ зданій, приспособленныхъ къ различнымъ спеціальнымъ требованіямъ разныхъ кафедръ. При этомъ также слѣдуетъ указать на необходимость обезпеченія лабораторій и кабинетовъ возможно большимъ и лучшимъ служительскимъ персоналомъ съ увеличеніемъ выдаваемого ему содержанія.

Въ заключеніе пужно спеціально указать на плачевное положеніе госпитальныхъ клиникъ, помѣщающихся въ настоящее время въ городской Александровской больницѣ: эти клиники не имѣютъ многихъ помѣщеній и приспособленій для правильнаго клиническаго преподаванія.

У. Объ увеличеніи штатной суммы, отпускаемой на содержаніе университетской библіотеки, и персонала служащихъ въ этой библіотекѣ.

Среди учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ фундаментальная библіотека. Къ сожалѣнію, матеріальныя средства библіотеки оказываются совершенно недостаточными для удовлетворенія все болѣе и болѣе усиливающейся потребности въ снабженіи ея книгами, журналами и другими произведеніями печати. Спеціальная научная литература вообще и спеціальныя научныя періодическія изданія въ частности въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ чрезвычайно возросли и умножились, а средства библіотеки между тѣмъ со времени университетскаго устава 1863 г. остаются тѣ же.

Въ 1896 г. дѣло дошло до того, что физ.-математ. факультетъ долженъ былъ отказаться отъ приобрѣтенія книгъ, такъ какъ по раздѣленіи штатной суммы по-

ровну между факультетами на его долю пришлось 1365 р., между тѣмъ однихъ періодическихъ изданій факультетъ предположилъ выписать на 1448 р. Въ виду этого Совѣтъ Императорскаго Харьковского Университета, въ засѣданіи 30 мая 1896 г., пазначилъ особую комиссію (изъ 8 профессоровъ) для разсмотрѣнія вопроса и выработки основаній для ходатайства объ увеличеніи штатнаго назначенія на бібліотеку университета.

Комиссія приняла къ заключенію, что при современной спеціализаціи знанія и богатствѣ литературы средства, ассигнуемыя на бібліотеку, оказываются рѣшительно недостаточными. Эта недостаточность отозвалась самымъ неблагопріятнымъ образомъ на составѣ бібліотечнаго имущества. Пробѣлы въ серіяхъ очень важныхъ научныхъ періодическихъ изданій сдѣлались явленіемъ обычнымъ; отъ нѣкоторыхъ изданій, весьма нужныхъ, пришлось отказаться. Собранія нѣкоторыхъ сочиненій имѣются только въ первыхъ томахъ; пріобрѣтеніе остальныхъ откладывалось до болѣе благопріятнаго времени. Часто крупныя явленія научной литературы послѣдняго времени остаются непріобрѣтенными и т. д.

Штатный персоналъ бібліотеки, состоящій изъ бібліотекаря и 3 помощниковъ и бывшій по вполнѣ достаточнымъ 30 лѣтъ тому назадъ, при увеличеніи числа томовъ бібліотеки, а также при увеличеніи преподавательскаго состава и числа студентовъ, оказывается нынѣ совершенно недостаточнымъ.

Комиссія полагала (*не принимая во вниманіе потребностей будущаго*), что сумма въ 16000 р. является минимальной (на выписку журналовъ—5000 р., на выписку книгъ—7000, на переплетъ—1200 р., на канцелярію бібліотеки—600 р., печатаніе каталога—200 руб., студенческой отдѣлъ—2000 р.).

До какой степени эта сумма скромна, явствуетъ изъ слѣдующаго разсчета: кафедръ по уставу—56 (на

4 факультетахъ), въ числѣ ихъ—такія обширныя, какъ химія, чистая математика, всеобщая исторія; профессоръ—72. Такимъ образомъ при общей суммѣ въ 5000 р. на періодическія изданія, за вычетомъ 800 р. на общіе журналы и журналы по православному богословію, для спеціальныхъ періодическихъ изданій причитается по 75 р. на каѳедру и менѣе 60 р. на профессуру; при ассигнованіи 7000 р. на книги, атласы и т. под. на каѳедру приходится 125 р. и на профессуру менѣе 100 р.

Совѣтъ университета, присоединяясь къ заключеніямъ избранной имъ комисіи и соглашаясь съ мнѣніями, высказанными г.г. членами совѣта, при обсужденіи вопроса, въ засѣданіяхъ 18 сент. и 13 ноября 1897 г. постановилъ ходатайствовать: 1) объ увеличеніи штатной суммы, отпускаемой на фундаментальную бібліотеку, до 16000 р. въ годъ; 2) объ учрежденіи при бібліотекѣ университета 6 должностей помощника бібліотекаря: 2 старшихъ (изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ) и 4 младшихъ, и 2 должностей приспѣшниковъ—для доставанія книгъ и обратнаго помѣщенія на мѣста; 3) о назначеніи содержанія бібліотекарю до 2000 р., старшимъ его помощникамъ до 1200 р., младшимъ до 720 р. и приспѣшникамъ до 300 р. въ годъ каждому. Если же содержаніе профессорамъ, ассистентамъ, лаборантамъ и другимъ лицамъ будетъ увеличено, то просить объ увеличеніи содержанія бібліотекарю до 2500 руб., 2 старшимъ его помощникамъ до 1500 р. и 4 младшимъ до 900 р. каждому, въ виду значительной дороговизны жизни въ Харьковѣ.—Къ этому въ настоящее время присоединяется еще и тотъ мотивъ, что помѣщеніе бібліотеки, съ перестройкой зданія, расширилось и обязанности бібліотекаря и его помощниковъ усложнились.

Крайне желательно увеличить содержаніе нижнимъ служителямъ университета, до размѣровъ жалованья, получаемого ими въ столичныхъ университетахъ, въ виду того, что въ Харьковѣ жизнь теперь не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

2-й.

Объ оставленіи за университетами на правахъ собственности ихъ спеціальныхъ средствъ.

По уставу 1884 года „плата, взимаемая со студентовъ и постороннихъ слушателей въ пользу университетовъ, а равно прочія спеціальныя средства, составляетъ неотъемлемую ихъ собственность“ (ст. 147). Едва ли нужно доказывать, какую огромную пользу приносили университетамъ спеціальныя средства, съ ихъ подвижностью и широтою употребленія, и съ той простотою въ способѣ расходованія ихъ, которая установлена была закономъ. Можно съ увѣренностью сказать, что при совершенной недостаточности штатныхъ средствъ на самыя безотлагательныя нужды университетовъ,—явленіе характеризующее весь періодъ дѣйствія устава 1884 года,—университеты часто не могли бы выполнять многихъ своихъ задачъ, если бы въ распоряженіи ихъ не находились спеціальныя средства, откуда можно было черпать необходимыя суммы и направлять помощь туда, гдѣ въ данную минуту ощущалась наиболѣе жгучая нужда. Въ настоящее время въ Харьковскомъ университетѣ многія учебно-вспомогательныя учрежденія существуютъ на счетъ спеціальныхъ средствъ университета и многія лица, служащія при нихъ въ качествѣ лаборантовъ, ординаторовъ, ассистентовъ, прислѣшниковъ и т. д., получаютъ содержаніе изъ этого источника, за неимѣніемъ на то штатной суммы. Но если при новомъ уставѣ на содержаніе указанныхъ учреждений и лицъ будетъ по штату назначена необходимая на содержаніе этихъ

учрежденій и лицъ сумма, то все-же оставленіе за университетами на прежнихъ основаніяхъ ихъ специальныхъ средствъ является рѣшительно необходимымъ. Съ развитіемъ науки часто являются новыя потребности, иногда первостепенной важности, и для удовлетворенія подобныхъ непредвидѣнныхъ научныхъ нуждъ крайне важно, чтобы въ распоряженіи университета имѣлись его специальные средства. Этими средствами можно было бы пользоваться и для такихъ потребностей, которыя весьма слабо удовлетворяются въ настоящее время, а между тѣмъ имѣють существенное значеніе для развитія научной дѣятельности университетовъ, на примѣръ—на ученыя командировки. Сверхъ того, многосложное и постоянно развивающееся и мѣняющееся хозяйство университета не можетъ идти спокойно и правильно, если не будетъ на лицо извѣстнаго денежнаго ресурса на всякій случай. Уставъ 1884 г. (ст. 143) впервые представилъ университетамъ пріобрѣтать на правѣ полной собственности движимыя и недвижимыя имущества. Казалось бы, что доходъ съ послѣднихъ долженъ былъ бы относиться къ категоріи тѣхъ „прочихъ специальныхъ средствъ“, о которыхъ упоминаетъ ст. 147 устава. Между тѣмъ ст. 146 совершенно парализуетъ значеніе ст. 143, дающей университету право пріобрѣтать въ полную собственность недвижимыя имущества. По ст. 146 доходы, приносимые принадлежащими университетамъ имуществами *), поступаютъ въ казну па общемъ основаніи. *Желательно было бы совершенно отменить ст. 146, какъ вредно отзывающуюся на интересахъ университетовъ и составляющую прямое противорѣчіе со ст. 143 о правѣ полной собственности университетовъ на недвижимыя имущества.*

*) Кромѣ тѣхъ доходовъ, которые отнесены къ специальнымъ средствамъ университетовъ.

3-й.

Третій вопросъ формулированъ былъ такъ:

Слѣдуетъ ли удержатъ званіе экстраординарнаго профессора?

Отвѣтъ Совѣта. *Не слѣдуетъ, нужно оставить только званіе „профессора“ безъ различія по классу должности и по окладу.*

Въ Германіи экстраординарный профессоръ представляетъ нѣчто въ родѣ приватъ-профессора, аналогично приватъ-доценту. Съ такимъ значеніемъ, можетъ быть, и у насъ было бы полезно сохранить это званіе, чего никакъ нельзя сказать о нашихъ штатныхъ экстраординарныхъ профессорахъ, занимающихъ самостоятельныя кафедры и вообще функционирующихъ, какъ ординарные профессора, и даже имѣющихъ одинаковыя съ этими послѣдними ученыя степени.

При учрежденіи званія экстраординарнаго профессора въ данныхъ условіяхъ, вѣроятно имѣлись въ виду экономическія и служебныя соображенія. Но разъ желательна возможно лучшая постановка профессуры, дѣленіе профессоровъ на болѣе или менѣе обеспеченныхъ и на болѣе или менѣе высокопоставленныхъ ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть мѣста, особенно при связанномъ съ автономіей выборомъ началъ замѣщенія кафедръ.

Возстановленіе института штатныхъ доцентовъ уничтожитъ послѣднюю опору для удержанія званія экстраординарнаго профессора, какъ своего рода подготовительной стадіи къ званію полнаго или ординарнаго профессора.

4-й.

Четвертый вопросъ Совѣта касается ученыхъ степеней и формулируется такъ:

Не слѣдуетъ-ли оставить объ ученые степени—магистра и доктора—на историко-филологическомъ, юридическомъ и физико-математическомъ факультетахъ и ввести также эти двѣ степени и на медицинскомъ факультетѣ?

Отвѣтъ Совѣта. *Да, желательна имѣть объ ученые степени—магистра и доктора—на всѣхъ четырехъ факультетахъ.*

1) Нѣтъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ основаній для уничтоженія одной изъ двухъ существующихъ ученыхъ степеней. Указаніе на необходимость облегчить такимъ путемъ доступъ къ профессурѣ несостоятельно, такъ какъ достиженіе профессуры должно быть облегчаемо не пониженіемъ требованій, а матеріальною поддержкой лицъ, готовящихся къ званію профессора. Также несостоятельна и обычная ссылка на Германію и Францію, гдѣ существуетъ только одна ученая степень и гдѣ въ то же время наука стоитъ очень высоко и всегда находятся достойные замѣстители вакантныхъ каедръ. Эта ссылка несостоятельна во первыхъ потому, что въ ней ставятся въ связь два такихъ ничего общаго между собою не имѣющихъ факта, какъ ученые степени и высокое развитіе наукъ, а во вторыхъ — потому, что, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, положеніе вещей совершенно иное: тамъ, при избыткѣ ученыхъ силъ, существуетъ сильная конкуренція, создающая весьма благопріятныя условія для выбора достойныхъ профессоровъ и при

отсутствіи серьезныхъ требованій на ученыя степени, между тѣмъ какъ у насъ, при недостаткѣ въ ученыхъ силахъ, ничего подобнаго нѣтъ. Наконецъ, указаніе на то, что ученыя степени не всегда соотвѣтствуютъ тому ученому цензу, выраженіемъ котораго должны служить, не есть доводъ въ пользу ихъ уничтоженія, ибо это указаніе лишь констатируетъ фактъ, что ученыя степени не всегда присуждаются правильно.

2) Существованіе двухъ ученыхъ степеней имѣетъ извѣстное практическое значеніе. Предполагается возстановить штатную доцентуру. При проектируемомъ упраздненіи экстраординатуры будетъ, слѣдовательно, двѣ категоріи штатныхъ преподавателей въ университетѣ: доценты и профессора. Но какъ для профессуры, такъ и для доцентуры необходимъ извѣстный ученый цензъ, и если для первой требовать степени доктора, то естественно для второй требовать степени магистра.

3) Существованіе двухъ ученыхъ степеней имѣетъ и извѣстное внутреннее значеніе, такъ какъ степени эти соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ стадіямъ развитія ученаго. Между тѣмъ какъ степень магистра назначается для начинающихъ ученыхъ, степень доктора должна присуждаться лишь ученымъ, уже составившимъ себѣ имя въ наукѣ. Сообразно этому, требованія для соисканія степени магистра и доктора существенно различны. Если для первой достаточно удовлетворительно сданнаго экзамена и защиты диссертациі, показывающей способность къ самостоятельной разработкѣ науки, то для второй, кромѣ диссертациі, которая должна представлять вполнѣ самостоятельное изслѣдованіе, имѣющее серьезное научное значеніе, должно требовать и другихъ работъ, показывающихъ, что авторъ способенъ къ инициативѣ въ различныхъ отрасляхъ науки.

4) Если будетъ сохранена только одна ученая степень, то, конечно, лицъ, имѣющихъ формальное

право на соисканіе каведры, будетъ болѣе, но лицъ, достойныхъ занять ее, въ лучшемъ случаѣ, будетъ столько-же; а между тѣмъ выборъ затруднится, ибо выборъ придется дѣлать лишь на основаніи оцѣнки представленныхъ ученыхъ трудовъ, которые въ большинствѣ случаевъ будутъ состоять изъ ряда мелкихъ работъ по различнымъ частнымъ вопросамъ и будутъ заключать въ себѣ значительно менѣе данныхъ для сужденія о достоинствѣ аспирантовъ, чѣмъ такое изслѣдованіе, какимъ должна быть и обыкновенно бываетъ докторская диссертация.

5) Наконецъ, опасеніе, что требованіе двухъ ученыхъ степеней можетъ преградить доступъ къ профессурѣ выдающимся ученымъ, не пріобрѣтшимъ этихъ степеней обычнымъ порядкомъ, неосновательно въ виду допускаемой возможности присужденія степени доктора *honoris causa*. Другимъ коррективомъ въ томъ-же отношеніи можетъ служить присужденіе высшей ученой степени за выдающіяся изслѣдованія, представляемыя, въ качествѣ диссертаций на степенъ магистра, извѣстными учеными.

Указанные мотивы имѣютъ силу и по отношенію къ медицинскому факультету. Такъ какъ въ настоящее время двѣ ученныя степени существуютъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, то Совѣтъ нашелъ необходимымъ, въ виду уравнинія, распространить требованіе двухъ ученыхъ степеней и на послѣдній съ тѣмъ, чтобы эти степени на немъ, какъ и на другихъ факультетахъ, давались по спеціальностямъ. Это постановленіе Совѣта согласно съ заключеніемъ Совѣтской Коммисіи, которая была образована, по иниціативѣ Медицинскаго Совѣта, въ 1896 году.

5-й.

Наконецъ, пятый и послѣдній вопросъ касается допущенія женщинъ къ прохожденію университетскихъ курсовъ. — *Совѣтъ единогласно постановилъ возбудить ходатайство о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты на равныхъ со студентами правахъ.*

1) Съ давнихъ поръ обнаруженное женщинами стремленіе къ приобрѣтенію высшихъ знаній съ каждымъ годомъ проявляется все интенсивнѣе и становится явленіемъ, которымъ нельзя пренебрегать.

2) Существующія въ Россіи высшія женскія учебныя заведенія не въ состояніи удовлетворить эту насущную, разумную потребность.

3) Результатомъ послѣдняго обстоятельства является нежелательное по многимъ причинамъ (отчужденіе отъ семьи и родины, матеріальныя затрудненія и т. д.) поступленіе женщинъ въ заграничныя университеты, охотно и въ большомъ числѣ открывающіе для нихъ двери.

4) По общему единодушному отзыву всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай преподавать въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—высшихъ и среднихъ—трудолюбіе, старательность, аккуратность и другія цѣнныя нравственныя качества составляютъ характерныя черты женщины-слушателя.

5) Въ общественной нашей жизни женщина, получившая высшее образованіе, уже зарекомендовала себя съ самой лестной стороны, напр., въ земской врачебной практикѣ.

6) Высшее образованіе, полученное женщинами, благотворно отразится на преподавательской дѣятельности ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

7) Вслѣдствіе возникновенія большого числа высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній количество студентовъ, поступающихъ въ университеты, изъ года въ годъ уменьшается, а этимъ самымъ дается полная возможность замѣстить недостающее число студентовъ женщинами съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, а также принимая во вниманіе примѣръ Гельсингфорскаго университета, куда, согласно Высочайшей Волѣ, разрѣшенъ безпрепятственный доступъ женщинамъ, Совѣтъ Харьковскаго Университета высказывается за допущеніе женщинъ къ слушанію университетскихъ курсовъ по всѣмъ факультетамъ на равныхъ со студентами правахъ. Совѣтъ находитъ также справедливымъ и безусловно необходимымъ допущеніе женщинъ къ слушанію въ университетѣ *фармацевтическихъ* курсовъ, чѣмъ устранилась бы ненормальность положенія женщины, ищущей званія провизора.
